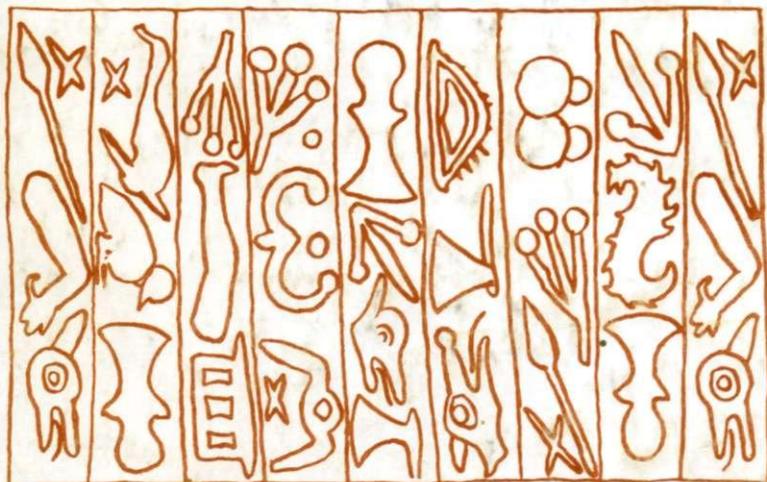

А.А.Молчанов
В.П.Нерознак С.Я.Шарыпкин

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙШЕЙ ГРЕЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

ВВЕДЕНИЕ В МИКЕНОЛОГИЮ

«Наука»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

А.А.Молчанов
В.П.Нерознак С.Я.Шарыпкин

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙШЕЙ ГРЕЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

ВВЕДЕНИЕ В МИКЕНОЛОГИЮ

Ответственный редактор
академик АН ГССР *Т. В. Гамкрелидзе*

МОСКВА
"НАУКА"
1988

Рецензенты:

доктор исторических наук *Н. Я. Мерперт*
кандидат филологических наук *А. А. Королев*

Молчанов А. А., Нерознак В. П., Шарыпкин С. Я.

М 75 Памятники древнейшей греческой письменности (введение в микенологию). — М.: Наука, 1988. — 192 с.
ISBN 5-02-010895-2

В монографии дана историческая и лингвистическая интерпретация памятников древнейшей греческой письменности второй половины II тысячелетия до н.э. — крито-микенских текстов, выполненных линейным письмом В. Раскрывается значение табличек линейного письма В из дворцовых архивов Кносса и Пилоса как исторического источника. Впервые в советском антиковедении дается полное описание грамматической структуры микенского диалекта и его лексики. Приведен практикум по микенологии, иллюстрации с изображением знаков линейного письма В, тексты табличек.

Для специалистов по классической филологии, древней истории, сравнительно-историческому языкознанию, аспирантов, студентов.

М 4602010000-380 321-88—IV
042(02)-88

ББК 81.2—8

The monograph contains historical and linguistic interpretations of the monuments of the most ancient Greek script (second half of the second millenium B.C.). Economic documents and other inscriptions were drawn up in Mycenaean dialect by the so called Linear Script B. The importance of these texts as a source for the study of Early Greek society is demonstrated. Mycenaean dialect of the Grek language is characterized on detail. Supplements are vocabulary, practicum and bibliography.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дешифровка греческих текстов второй половины II тыс. до н.э. занимает место в ряду выдающихся научных открытий XX в. Прочтение и интерпретация документов хозяйственной отчетности и иных надписей, составленных на "микенском" диалекте и выполненных так называемым линейным письмом В, намного удревнили письменную историю античной Греции и одновременно всей европейской цивилизации.

До этого в распоряжении ученых, изучавших древнейшее прошлое Эллады, имелся, как казалось, только один вполне надежный источник информации — результаты археологических исследований, начало которым было положено еще в 70-е годы XIX в. раскопками Г. Шлимана. Но возможности использования специфических данных, предоставляемых археологией, для реконструкции всех тех сторон жизни любого древнего общества, которые не отражаются прямо в извлекаемых из земли предметах материальной культуры, слишком незначительны. В частности, из них удастся извлечь лишь самые общие, недостаточно конкретные, или же весьма косвенные данные о политической истории стран и народов. В сопоставлении же с показаниями письменных источников они способны многократно повысить свою информативность.

Ученые, правда, располагали давным-давно и еще одним потенциально чрезвычайно ценным источником сведений о древнейшем периоде истории Греции. Таковым являлась богатейшая античная мифолого-историческая традиция, сохраненная в трудах греческих и римских авторов.

Воспоминания о наиболее ярких событиях и разного рода реалиях весьма отдаленного времени сохранялись в народной памяти, пройдя через многие поколения. Они передавались изустно зачастую в практически неизменном виде, будучи запечатлены в таких особо устойчивых литературных формах, как эпические сказания и сакральные мифы. Наиболее ярким примером в этом отношении служат знаменитые "Илиада" и "Одиссея". Помимо гомеровских поэм, сюжеты которых принадлежат к "троянскому циклу" эллинских исторических преданий, существовали у греков и другие памятники устного народного творчества того же жанра. С их содержанием антиковеды знакомы по кратким изложениям соответствующих фабул у мифо-

графов и сколиастов, а также по произведениям художественной литературы античных писателей, часто использовавших сюжеты, заимствованные из эпоса.

Однако гиперкритический подход к античной традиции, господствовавший до недавнего времени в исторической науке, мешал использовать этот важнейший источник должным образом, т.е. систематически (ученые-антиковеды лишь изредка решались апеллировать к свидетельствам эпоса и мифов, причем в подобных случаях чаще всего сопоставлялись отдельные археологические находки с описаниями сходных предметов у Гомера).

Из-за указанных трудностей источниковедческого характера изучение самого раннего этапа истории Греции надолго затормозилось и смогло получить новый импульс только после того, как заговорили, наконец, молчавшие более трех тысячелетий таблички линейного письма В, в результате чего исследователи познакомились с микенским диалектом греческого языка и составленными на нем текстами XV—XIII вв. до н.э.

Как обособившаяся научная дисциплина микенология за три с половиной десятилетия своего развития — с 1952 г. до наших дней — достигла значительных успехов. Ежегодно выходят в свет десятки работ, посвященных ее насущным проблемам. Регулярно проводятся международные микенологические формулы. Результаты, полученные микенологами, постоянно используются историками-античниками и филологами-классиками.

Заметный вклад в микенологические исследования внесли советские ученые (Я.А. Ленцман, С.Я. Лурье, И.М. Тронский, Н.С. Гринбаум, Г.Ф. Полякова); авторам книги также принадлежит ряд работ по данной проблематике. Однако пока на русском языке отсутствует монографическая работа, в которой были бы обобщены и с достаточной подробностью изложены результаты исследований за весь указанный период. Существует настоятельная необходимость полнее осветить для широкого круга отечественных специалистов-антиковедов современное состояние микенологии.

Перед авторами стояли две основные задачи: во-первых, раскрыть значение текстов линейного письма В как важнейшего источника для изучения греческого общества II тыс. до н.э., содержащего уникальные сведения о его социальной структуре и политическом устройстве, развитии сельского хозяйства и ремесленного производства, состоянии внутренней торговли и внешних экономических связях, организации сухопутных сил армии и военно-морского флота, религиозных представлениях и культовой практике, и т.д.; во-вторых, дать детальную характеристику "микенского" диалекта древнегреческого языка, каким он предстает в бухгалтерских записях царских чиновников и владельческих пометках на керамической таре. В соответствии с этим строится и вся структура работы. В дальнейшем также было бы желательно показать окружение Микенской (Ахейской) Греции, без чего нельзя правильно представить себе место последней среди современных ей и так или иначе с ней связанных этнокультурных комплексов.

Поскольку изложение материала в книге носит характер общего очерка, количество ссылок на использованную литературу в тексте сознательно ограничено и большая часть научного аппарата вынесена в библиографический раздел. Представленная там более полная литература сгруппирована по тематическому принципу для удобства ее соотнесения с соответствующими главами и параграфами. Издание снабжено словарем основной лексики табличек линейного В и практикумом, дающим возможность наглядно представить ход дешифровки и интерпретации конкретных текстов различного содержания.

Главы I и II, а также дополнительный раздел "Минойский язык: проблемы и факты" написаны А.А. Молчановым, им же составлен практикум. Автором главы III является С.Я. Шарыпкин; § 9 в ней написан совместно с В.П. Нерознаком. Словарь подготовил В.П. Нерознак.

ГЛАВА ПЕРВАЯ
ПРЕДМЕТ МИКЕНОЛОГИИ, ЕЕ РОЖДЕНИЕ
И РАЗВИТИЕ

1 . ПРЕДМЕТ МИКЕНОЛОГИИ

Название науки "микенология" происходит от двух греческих слов: Μυκῆναι 'Микены', древний город на северо-востоке полуострова Пелопоннес (Южная Греция), и λόγος 'слово'. Микенология — часть антиковедения, комплексная научная дисциплина, изучающая памятники письменности второй половины II тысячелетия до н.э., написанные на древнейшем диалекте греческого языка — так называемом "микенском" диалекте.

Микенским этот диалект был назван потому, что, согласно данным мифолого-исторической традиции, подтвержденным археологическими исследованиями нового времени, Микены в XV—XII вв. до н.э. являлись важнейшим политическим центром Греции. Микенские цари, по сообщению "отца истории" Геродота и других античных авторов, были наиболее могущественными среди греческих владык. В частности, один из них, Агамемнон, выступал в роли верховного предводителя всех греков во время воспетой Гомером Троянской войны (датируемой современными учеными в пределах XIII в. до н.э.).

Правда, в гомеровском эпосе, несущем в себе многочисленные исторические реалии середины — второй половины II тыс. до н.э., греки в целом именуются не "микенцами" а "данайцами" (Δαναοί)¹, "аргивянами" (Ἀργεῖοι) и, особенно часто, "ахейцами" (Ἀχαιοί)². Поэтому некоторые ученые³ предпочитают пользоваться терминами "Ахейская Греция" (вместо "Микенская Греция"), "ахейцы" или "ахейяне" (греки во II тыс. до н.э.) и "ахейский"⁴ язык" (язык ахейцев). Но название "микенский греческий язык" или "микенский диалект греческого языка", введенный в употребление основоположниками

¹ Δαναοί (данайцы, потомки Даная) — от Δαναός (Данай, царь-основатель Аргоса — столицы области Арголиты на Пелопоннесе, где находились и Микены) (см. рис. 1).

² Ἀργεῖοι (аргивяне, аргосцы, жители Аргоса) — от Ἀργος (Аргос — древний город), Ἀχαιοί (ахейцы, ахейяне, жители Ахеи или, иначе, Ахайи) — от Ἀχαιῖα (Ахейя — название двух греческих областей). Ставшее в классический период привычным общегреческое обозначение "эллины" (Ἕλληνες) во времена Гомера имело в виду лишь одно из племен, жившее в Фессалии на севере Греции. "Греками" эллинов стали называть позднее римляне.

³ Ср.: Блаватская Т. В. Ахейская Греция во втором тысячелетии до н.э. М., 1966. С. 5.

⁴ А также "древнеахейский", "протоахейский".

Рис. 1. Карта Восточного Средиземноморья во II тыс. до н.э.

микенологии М. Вентрисом и Дж. Чэдвиком, оказался наиболее удобным для специалистов и прочно закрепился в науке, так же как и само связанное с ним название новой отрасли антиковедения.

Конкретными объектами изучения для микенологов служат обнаруженные при раскопках на острове Крит и в нескольких пунктах на территории материковой Греции тексты на глиняных табличках, надписи на керамике и других предметах, выполненные так называемым "линейным письмом В"⁵. Линейное письмо В — письмо слоговое (силлабическое). В нем каждый из фонетических знаков (силлабограмм) передает отдельный слог (силлабему). Но это не чисто слоговое письмо и в нем помимо набора силлабограмм (силлабария) употреблялись и многочисленные знаки, не имеющие самостоятельного фонетического значения, и лишь поясняющие то, что написано силлабограммами. Обычно такие непроизносимые при чтении знаки принято называть детерминативами, но в микенологии за ними закрепилось не совсем точное наименование идеограмм⁶. В документах

⁵ В научных и научно-популярных изданиях на русском языке чаще встречается термин "линейное письмо Б" и намного реже — "линейное письмо В", хотя для специалистов-микенологов, по-видимому, предпочтительнее все же пользоваться общепринятым международным обозначением этой письменности с латинской литерой В (ср. англ. Linear script of class B; Linear B; фр. Lineaire B; ит. Lineare B; нем. Linearschrift B и т.д.).

⁶ В строгом смысле идеограмма — это знак, передающий на письме целое понятие и имеющий соответствующее фонетическое значение.

хозяйственной отчетности наряду с силлабограммами и идеограммами постоянно встречаются числовые обозначения, а также особые знаки единиц веса и емкости.

Поскольку знаки линейного письма В наносились на твердый материал (памятники данной письменности на мягком материале до сих пор не открыты; возможно все они, или почти все, погибли в силу своей недолговечности), микенология связана с наукой о письменах на твердом материале — эпиграфикой. Ученые при анализе конкретных микенских текстов должны учитывать их внешний вид и форму отдельных письменных знаков — все палеографические особенности.

По своему содержанию и даже языковым особенностям тексты табличек линейного В, относящиеся целиком к сфере учета материальных ценностей, больше всего приближаются к другим, куда более поздним, памятникам древнегреческой письменности — документам хозяйственной отчетности, написанным в Египте эллинистического и римского времени на папирусе, которые являются предметом еще одной специальной научной дисциплины — папирологии.

Микенологические исследования были бы, разумеется, невозможны как без учета соответствующего археологического контекста памятников линейного письма В, так и без регулярного привлечения тех или иных разрядов относящихся сюда многочисленных вещественных памятников. Поэтому в изучении истории, языка и культуры Греции второй половины II тыс. до н.э. микенология оказывается в самой тесной связи с античной археологией Эгеиды.

2. ОТКРЫТИЕ ПАМЯТНИКОВ ЛИНЕЙНОГО ПИСЬМА В И ДРУГИХ ПИСЬМЕННОСТЕЙ НА ОСТРОВЕ КРИТ

Первые тексты линейного письма В были найдены на Крите в 1900 г. Их обнаружил вместе с памятниками других, родственных ему, письменностей уже при начале раскопок грандиозных руин дворца в древнем городе Кноссе выдающийся английский археолог Артур Эванс. Многолетние археологические исследования Эванса привели к открытию неизвестной дотеле культуры бронзового века, датируемой III—II тыс. до н.э. Эта культура получила название "минойской" по имени упоминаемого Гомером и другими греческими авторами критского царя Миноса, в мифологическом образе которого соединились смутные воспоминания эллинов и других народов Эгеиды о древнейшем периоде истории Крита. Отдельные этапы развития этой культуры получили наименование раннеминойского (около 2800—2000 гг. до н.э.), среднеминойского (около 2000—1600 гг. до н.э.) и позднеминойского (около 1600—1100 гг. до н.э.) периодов⁷.

⁷ Аналогичным образом древности материковой Греции бронзового века делятся археологами на памятники раннеэлладского, среднеэлладского и позднеэлладского периодов, а древности островов Эгейского моря, и прежде всего Киклад, — на памятники раннекикладского, среднекикладского и позднекикладского периодов. Отдельные элладские и кикладские фазы приблизительно синхронны соответствующим минойским. В специальной археологической литературе все они обозначаются, как правило, со-

Критская иероглифика	Линейное письмо А	Линейное письмо В

Рис. 2. Сравнение знаков критской иероглифики, линейного письма А и В.

Еще раньше, в 1870-х годах, знаменитым немецким археологом-энтузиастом Генрихом Шлиманом и греческим ученым Панагиотисом Стаматакисом были раскопаны царские усыпальницы с богатейшим погребальным инвентарем и прочие древние сооружения в Микенах. Принадлежащими к тому же кругу памятников "микенской эпохи" оказались и исследованные в 1884 г. развалины мощных крепостных стен и дворца в Тиринфе (в той же Арголиде, неподалеку от Микен), а затем и другие дворцовые комплексы и монументальные гробницы, открытые примерно в то же время (конец 1870-х, 1880-е годы) в разных местах Греции. Однако никаких следов письменности здесь тогда еще не было обнаружено.

Зато на Крите А. Эванс, более тридцати лет продолжавший раскопки в Кноссе, нашел памятники сразу трех, явно родственных между собой видов "минойского" письма (см. рис 2). Первый из них включал знаки, имевшие, подобно древнеегипетским иероглифам, рисуночный характер и изображавшие конкретные предметы. Эванс назвал его "критской иероглификой". Большая часть иероглифических надпи-

кращено — РМ, СМ, ПМ, РЭ, СЭ, ПЭ, РК, СК, ПК, а при более дробной периодизации — еще и с добавлением к указанным аббревиатурам цифр и дополнительных литер (например, РМ III, СМ IA и т.п.).

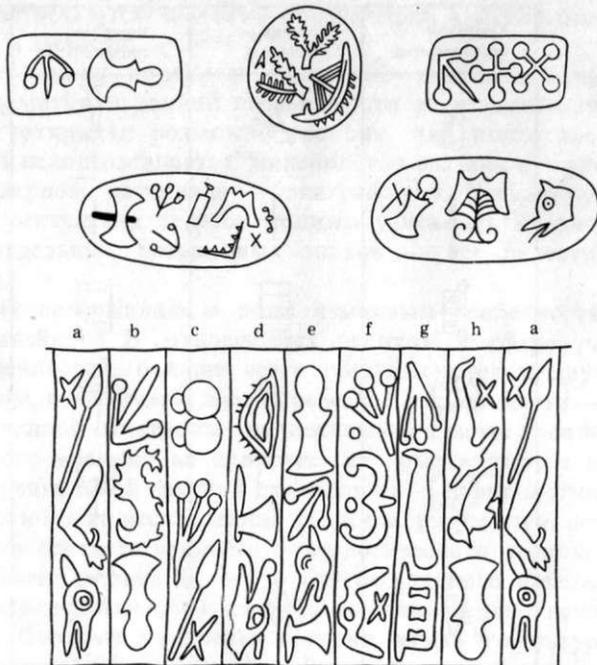

Рис. 3. Критские иероглифические надписи на печатях.

сей была встречена на каменных печатях и глиняных оттисках печатей, сделанных при опечатывании наполненных припасами сосудов и других складских емкостей (см. рис. 3). Попадались и глиняные таблички с хозяйственными записями, выполненными тем же критским иероглифическим письмом.

Два других вида письма древних критян, со знаками обобщенных очертаний, по большей части уже утратившими прямое сходство со своими изобразительными прототипами, получили наименования "линейного письма А" и "линейного письма В" (см. рис. 4). Тексты линейного А, более ранние по времени бытования, встречались как на табличках с инвентарными записями, так и на иных, весьма разнообразных предметах — каменных жертвенниках, керамике, изделиях из металла.

Линейным письмом В была исписана основная масса хозяйственных табличек, найденных в Кноссе (они не только моложе записей, сделанных линейным А, но и отличны от них внешне, ибо эти "глиняные страницы" имели уже иную форму). Содержание всех критских глиняных табличек с письменами в целом легко угадывалось благодаря присутствию на них явных цифровых обозначений в виде групп одинаковых вертикальных и горизонтальных черточек. Эвансу удалось установить систему счета, применявшуюся кносскими писцами. Она оказалась весьма простой, основанной на десятичном принципе.

Эванс указал и на несомненное сходство и родство критских письменностей с письменными системами, применявшимися древними

Рис. 4. Табличка линейного письма А.

Критское письмо А	Критское линейное В	Кипро-минойское	Классический кипрский силлабарий
ī, ī	ī _{na}	ī	ī _{na}
ʔ	ʔ _{da}	ʔ	ʔ _{ta}
ʌ	ʌ _{ti}	↑	↑ _{ti}
ʃ, ʃ	ʃ _{se}	ʃ	ʃ _{se}
+	+ _{ro}	+	+ _{lo}
‡	‡ _{pa}	‡	‡ _{pa}

Рис. 5. Сравнение знаков критского и кипрского слово письма.

обитателями острова Кипр: "классическим кипрским силлабарием", которым пользовались в I тыс. до н.э. жившие на острове греки — потомки микенских переселенцев (эта письменность была расшифрована учеными еще в 70-х годах XIX в.), и так называемым "кипро-минойским письмом" второй половины II тыс. до н.э. (первые памятники этого письма, до сих пор еще не дешифрованного, стали известны в конце XIX в.) (см. рис. 5). Таким образом, уже Эвансу удалось наметить в общих чертах те пути, по каким продолжается и сейчас изучение древнейших критских и родственных им систем письма Эгеиды (бассейна Эгейского моря и примыкающих областей Восточного Средиземноморья), получивших единое название "эгейских" письменностей.

3. ПРОИСХОЖДЕНИЕ МИНОЙСКОГО И МИКЕНСКОГО ПИСЬМА

Наступление на Крите в конце III — начале II тыс. до н.э. средне-минойского периода знаменует собой возникновение на острове первых в Европе государственных образований с рабовладельческим строем, достаточно высоким уровнем развития экономики и культуры. К тому же времени относится и создание критянами-минойцами собственной письменности. Она выросла, несомненно, на основе местной древней пиктографии. "Пиктография", т.е. рисуночное письмо, как способ

фиксации и передачи той или иной информации, применялась многими народами на стадии родового общества. При этом каждый рисунок-пиктограмма обозначал только тот предмет, который изображал. Он не был неразрывно связан с конкретным словом определенного языка. Таким образом, пиктографические "надписи" представляют собой всего лишь "рассказы в картинках", а не памятники настоящего письма, призванного фиксировать формы звуковой речи.

Постепенное возникновение подлинного письма, письма фонетического, которое всегда появляется одновременно со становлением цивилизации и вызывает к жизни хозяйственными нуждами нарождающегося классового общества (первоначально лишь как средство учета), достаточно хорошо прослеживается по критским печатям III тыс. до н.э. Известно немало относящихся еще к раннеминойскому I периоду печатей разнообразных форм с изображениями людей, животных и различных неодушевленных предметов, явно имеющими характер пиктограмм. Самые ранние из них датируются первой половиной III тыс. до н.э. На появление таких печатей, предназначенных для оттискивания рисунков, имеющих значение личных знаков собственности, по всей видимости, оказали известное влияние египетские образцы.

Дальнейшее развитие критского письма из местной пиктографии шло, судя по всему, следующим образом. Устоявшееся употребление одних и тех же конкретных рисуночных знаков для обозначения определенных предметов, а потом и некоторых понятий, так или иначе связанных с изображаемыми предметами (эта более высокая ступень рисуночного письма получила название "идеографии" — "письма идей"), позволило закрепиться за этими знаками постоянным фонетическим значениям целых слов, т.е. превратило их в однозначно читаемые "идеограммы" (или "логограммы" — словесные знаки). Со временем часть из них начала использоваться и как слоговые знаки — силлабограммы, обозначающие лишь начальный слог данного слова (так называемый "акрофонический" принцип)⁸. По аналогии с ними были затем подобраны знаки для передачи всех других слогов, встречавшихся в языке древних обитателей Крита — минойцев. О том, что эволюция критской иероглифической письменности, как и других ранних письменностей, шла именно таким путем, неопровержимо свидетельствует простое наблюдение: знаки-силлабограммы, имевшие прямой иконографический прототип — идеограмму (логограмму), сохраняли подчас способность употребляться на письме и в том, и в другом качестве. Это ясно прослеживается в развившемся вскоре из иероглифики критском линейном письме А (см. рис. 6).

В результате в недрах критской иероглифики сложился замечательный по простоте и удобству усвоения силлабарий — набор

⁸ В ряде случаев заметна связь силлабограмм со словами звукоподражательного характера: например, знаки, восходящие к изображениям голов быка, козла и kota, читались соответственно *ти*, *те* и *та* (эти и другие примеры рассмотрены в работе: Молчанов А.А. К проблеме изучения древнейших лингвистических слоев на юге Балкан (звукоподражательные слова в минойском языке) // Балканы в контексте Средиземноморья: проблемы реконструкции языка и культуры. М., 1986. С. 158—160.

в качестве особого декоративного шрифта для минойских текстов сакрального и иного торжественного характера приходит, по-видимому, специально введенная, так называемая "письменность Фестского диска" или, иначе, "минойский иератический силлабарий"⁹), представляла собой, типичнейшую смешанную лого-силлабическую (словесно-слоговую) письменность.

Тот же характер в принципе имело и критское линейное письмо А, явившееся результатом графического упрощения иероглифического (знаки в нем приобрели более легкое и удобное для воспроизведения, обобщенное начертание), употреблявшееся сперва параллельно с ним и пережившее его примерно на два столетия. Однако начавшийся и быстро развивавшийся в иероглифике процесс наступления силлабария на логограммы во всех случаях, когда была желательна максимальная точность в фонетическом воспроизведении слов — грамматических форм, имен собственных и т.п. (в инвентарных же списках и прочих реестрах для краткости было удобнее применение логограмм), зашел в линейном А настолько далеко, что это письмо можно уже назвать по преимуществу слоговым.

Линейное письмо А перестает употребляться на Крите в самом конце позднеминойского I периода, т.е. около середины XV в. до н.э. Это происходит одновременно с крушением самой минойской (догреческой критской) цивилизации, которое связывают как с последствиями стихийного бедствия — катастрофического извержения вулкана на острове Санторин (к северу от Крита), сопровождавшегося разрушительным землетрясением, цунами и гибельным пеплопадом, так и со вторжением на Крит с материка греков-ахейцев. Обосновавшись в Кноссе, бывшей столице Крито-Минойской державы¹⁰, греческие правители, по-видимому, многое позаимствовали из прежних местных государственных установлений, и в частности процедуру осуществления учета материальных ценностей в дворцовом хозяйстве¹¹. Поскольку язык пришельцев (а говорили они на греческом языке) стал теперь господствующим на Крите, для составления документов хозяйственной отчетности перешли на использование приспособленного для него линейного письма В¹².

⁹ Молчанов А.А. Таинственные письма первых европейцев. М., 1980. С. 82, 84; Он же. Фестский диск. Загадка древнейшего печатного текста // Наука и жизнь. 1982. № 2. С. 120.

¹⁰ Объединение минойского Крита под главенством династии правителей Кносса произошло, судя по археологическим данным, не позднее начала XVI в. до н.э. Расцвет общекритского государства, подчинившего своему влиянию обширные области Эгеиды (в том числе многие острова Эгейского моря, часть побережья Малой Азии и отдельные районы материковой Греции), падает на XVI — первую половину XV в. до н.э.

¹¹ Молчанов А.А. [Рец. на кн.:] Г.Ф. Полякова. Социально-политическая структура пилосского общества (По данным линейного письма В). М., 1978 // ВДИ. 1979. № 3. С. 177—178.

¹² По мнению бельгийского микенолога Ж.-П. Оливье, линейное письмо В было создано примерно в начале XVI в. до н.э. по образцу линейного А приезжими греческими купцами на минойском еще Крите и потом перенесено на материк (Olivier J.-P. L'origine de l'écriture lineaire B // SMEA. Fasc. XX, Roma. 1979. P. 43—52).

4. ИЗУЧЕНИЕ ТЕКСТОВ ЛИНЕЙНОГО ПИСЬМА В ДО 1950-Х ГОДОВ

Наибольшее число критских надписей эпохи бронзы выполнено письмом именно третьего, самого позднего типа — линейным письмом В, являющимся в графическом отношении видоизменением линейного А. Поскольку все три, открытых Эвансом и описанных выше, вида древнейшей критской письменности в смысле иконографии своих знаков явно представляют собой звенья единой эволюционной цепи, давно стало ясно, что прочтение одного из видов этого письма, безусловно, повлечет за собой хотя бы частичное прочтение и остальных двух родственных видов.

Наибольшие надежды в этом плане благодаря многочисленности его памятников подавало, естественно, линейное письмо В. Однако более полувека ученые безуспешно бились над его дешифровкой, чему были веские причины. Главную трудность, как это ни парадоксально, создал не кто иной, как сам А. Эванс, заслуги которого в открытии и исследовании всей критской культуры эпохи бронзы так велики. Много было сделано Эвансом для изучения памятников письменности Крита II тыс. до н.э.: установлена последовательность появления указанных трех основных видов письма, причем в линейном письме был определен слоговой характер значительной части применявшихся знаков; верно распознаны в исписанных глиняных табличках документы хозяйственной отчетности: выявлена и расшифрована система цифровых обозначений, встречающихся на этих табличках; указано на генетические связи критской иероглифики и линейного письма А и В с другими письменностями Средиземноморья и т.д. Но, стремясь исключительно собственными силами решить сложнейшую проблему дешифровки, Эванс совершенно неоправданно затянул издание находившихся в его руках богатых материалов и не позволял другим ученым публиковать из них что-либо.

Поэтому в научный оборот до второй мировой войны была введена всего лишь крайне незначительная часть критских надписей, выполненных линейным письмом В (чуть больше 150). Только после смерти Эванса в 1941 г. его друг и коллега Дж. Майрз смог приступить к подготовке публикации всех найденных в Кноссе табличек линейного В, осуществленной в 1952 г.

Эванс создал и еще одно серьезнейшее препятствие, которое также мешало и ему самому, и другим ученым найти верный путь к решению загадки линейного В. Основываясь на своей трактовке результатов археологических исследований Крита и материковой Греции, он полностью исключал возможность того, чтобы язык надписей линейного В оказался греческим, каковым он в действительности являлся.

Авторитетность мнения Эванса была настолько велика, что мало кто мог осмелиться оспорить его. Справедливость суждения Эванса, казалось, подтверждало и очень важное сравнение надписей линейного В с дешифрованными ранее надписями с острова Кипр, сделанными слоговым письмом на греческом языке уже в I тыс. до н.э.

Классическое кипрское слоговое письмо, судя по форме части его знаков, несомненно, вело свое происхождение через более раннее

”кипро-минойское” (второй половины II тыс. до н.э.) от письмен Крита бронзового века. Но оно совершенно явно было лишь позднее приспособлено для записи текстов на греческом языке, поскольку весьма приблизительно передавало с помощью силлабограмм, обозначавших только открытые слоги типа С+Г и Г, греческие слова, в которых часто встречаются слоги закрытые, а также со скоплением и удвоением согласных (ГС, СГС, ССГ, ССГС, СССГ и т.д.).

В частности, в классическом кипрском силлабарии очень распространенный в словах греческого языка конечный согласный *-s* всегда фигурировал на письме не иначе, как в составе слога *se*. Но в надписях линейного В не удалось обнаружить слогового знака, который соответствовал бы ему по степени встречаемости в данной позиции. Кроме того, критский письменный знак, совершенно аналогичный по начертанию кипрскому *se* и, по всей видимости, имевший то же фонетическое значение, в конце слов на табличках линейного В обнаруживался крайне редко. Отсюда сам собой напрашивался вывод об определенно негреческом характере текстов данных табличек и представлялось вроде бы очевидным, что минойский силлабарий со знаками лишь для слогов типа С+Г и Г (за то, что этот силлабарий был именно таким, помимо аналогичного характера его потомка — кипрского силлабария, говорил и простой статистический подсчет общего числа употреблявшихся в нем слоговых знаков) в обоих своих линейных вариантах — А и В — был создан для догреческого критского языка, условно названного минойским. Поэтому, когда с помощью отдельных удачных сопоставлений простейших по начертанию силлабограмм линейного письма В и классического кипрского силлабария Эвансу случайно удалось правильно прочесть по-гречески слово на одной из кносских табличек¹³, он сам отказался от чтения, полученного ”по недоразумению”.

Прежняя устоявшаяся точка зрения на природу языка табличек линейного В не была поколеблена даже после того, как американский археолог К. Блеген нашел в 1939 г. такие же таблички (сразу около 600!) на греческом материке при раскопках города Пилоса (на юго-западном побережье Пелопоннесского полуострова) — легендарной столицы царя Нестора, прославленного Гомером мудрого старца, одного из предводителей греков-ахейцев в Троянской войне. Ученые просто сочли их привезенными в Пилос с Крита (согласно другой версии, эти таблички были написаны здесь попавшими в плен к пилосцам критскими писцами).

5. ДЕШИФРОВКА ЛИНЕЙНОГО ПИСЬМА В М. ВЕНТРИСОМ

Перед самой второй мировой войной к работе над дешифровкой надписей линейного письма В подключился еще совсем юный английский исследователь Майкл Вентрис (1922—1956), которому и суждено было со временем решить эту труднейшую задачу. Путь к успеху Вен-

¹³ Там была изображена голова жеребенка и рядом стояли два знака, по аналогии с классическими кипрскими силлабограммами читаемые как *pa-lo* — ср. греч. *πῶλος* — ’жеребенок’.

a ʾ	a ₂ ʾ	e A	i ʾ	o ʾ	u ʾ
ai ʾ		je X		jo ʾ	
ja ʾ		wc ʾ	wi ʾ	wo ʾ	
wa ʾ					
da ʾ		de ʾ	di ʾ	do ʾ	da ₂ ʾ
ka ʾ		ke ʾ	ki ʾ	ko ʾ	ku ʾ
ma ʾ		me ʾ	mi ʾ	mo ʾ	
na ʾ		ne ʾ	ni ʾ	no ʾ	nu ʾ nu ₂ ? ʾ
pa ʾ pa ₂ ? ʾ		pe ʾ	pi ʾ	po ʾ	pu ʾ
		qe ʾ	qi ʾ	qo ʾ qo ₂ ? ʾ	
ra ʾ ra ₂ ? ʾ		re ʾ	ri ʾ	ro ʾ ro ₂ ? ʾ	ru ʾ
sa ʾ		se ʾ	si ʾ	so ʾ	
ta ʾ ta ₂ ? ʾ		te ʾ pte ʾ	ti ʾ	to ʾ	tu ʾ
		ze ʾ		zo ʾ zo ₂ ? ʾ	

Рис. 7. Основная таблица слоговых знаков линейного письма В по первой публикации М. Вентриса и Дж. Чэдунка (1953 г.).

трису был в значительной степени проложен трудами двух американских ученых — Алисы Кобер и Эммета Беннета. Кобер, по своей основной специальности математик, сумела выявить в надписях линейного В такие постоянно встречающиеся сочетания знаков, которые могли быть определены как содержащие различные грамматические окончания¹⁴. Очень важную работу проделал и профессор Беннет, уточнив, в каких вариантах начертания мог употребляться тот или иной из основных знаков линейного В. Это позволило впервые начать издание текстов с воспроизведением всех встречающихся в них графем в единой нормализованной форме, что сделало более удобным и надежным сравнение отдельных слов и их комбинаций. Он же опубликовал в 1951 г. пиловские таблички¹⁵ и тем самым дал необходимый материал будущему дешифровщику.

Дешифровка линейного письма В была осуществлена М. Вентрисом уже в следующем, 1952 г. Используя результаты формального анализа надписей, произведенного А. Кобер, он сумел намного дальше развить ее наблюдения о наличии в их языке грамматических окончаний и составить особую координатную сетку, отражающую чередование последних. Теперь оставалось выяснить, какой из древних языков мог укладываться в полученную им "сетку".

Долгие годы Вентрис думал, что языком табличек линейного В должен оказаться этрусский — язык этрусков, древних обитателей Италии, судя по многим данным, связанных своим происхождением с эгейским миром. Во всяком случае, он не допускал и мысли, что это может быть греческий язык. "Гипотеза о том, что минойский язык (текстов линейного В. — А.М.) мог оказаться греческим, ко-

¹⁴ Kober A.E. Evidence of inflection in the "chariot" tablets from Knossos // AJA. Vol. 49. 1945. P. 143—151; *Idem*. Inflection in Linear Class. B.I. Declension // AJA. Vol. 50. 1946. P. 268—276.

¹⁵ Bennett E.L. The Pylos Tablets. A Preliminary Transcription. Princeton. 1951.

нечно, основана на явном игнорировании исторической вероятности”, — писал в свое время Вентрис, полностью, как видим, следуя теории А. Эванса. Однако этрусский язык грамматически никак не подходил для “сетки” Вентриса. И тогда исследователь решил на всякий случай, эксперимента ради проверить, насколько подошел бы для нее греческий. Получившийся результат оказался поразительным: греческий язык подходил как нельзя лучше!

Завершить дешифровку Вентрису, хотя и обладавшему блестящими лингвистическими способностями, но бывшему по образованию не филологом, а архитектором, помог один из лучших знатоков древнейших греческих диалектов, доцент Кембриджского университета (ныне академик) Джон Чэдвик. Он же после безвременной кончины Вентриса выпустил в свет их совместный капитальный труд “Документы на микенском греческом языке”, в котором обобщены результаты прочтения и интерпретации табличек линейного письма В¹⁶. Чэдвиком также была написана книга “Дешифровка линейного В”, рассказывающая о М. Вентрисе, замечательном ученом и человеке, и его выдающемся открытии¹⁷.

6. ПИСЬМЕННАЯ СИСТЕМА МИКЕНСКОГО ДИАЛЕКТА ПО ДАННЫМ ПАМЯТНИКОВ ЛИНЕЙНОГО ПИСЬМА В

Первый результат дешифровки — прочтение текстов на табличках линейного письма В по-гречески — оказался совершенно неожиданным для ученых. Но наибольшей сенсацией он был для филологов-классиков. Ведь до тех пор древнейшими памятниками греческого языка являлись прославленные эпические поэмы “Илиада” и “Одиссея”. Однако какие бы архаичные диалектные черты не скрывались в гомеровском эпосе, его окончательное литературное оформление относится в целом к концу VIII—VII в. до н.э. И вот вдруг прочтены греческие тексты конца XV—XIII в. до н.э., которые примерно на семь столетий старше поэм Гомера. Правда, читаются и интерпретируются микенские тексты подчас не без труда. Орфографические особенности этих текстов не вполне отвечают особенностям данного диалекта. Причина этого — в заимствовании линейным В своих основополагающих принципов у письменной системы, созданной для языка совершенно иного характера (подробнее об орфографии текстов линейного письма В см. в гл. III).

Правила орфографии линейного В были в целом очень близки соответствующим правилам классического кипрского силлабария. Но между ними имелись и различия, причем одно из них и послужило причиной долгого отрицания родства языков обеих этих письменностей (см. выше § 4). Дело в том, что все конечные согласные, греческого языка, передававшиеся греками-киприотами на письме, соче-

¹⁶ *Ventris M., Chadwick J. Documents in Mycenaean Greek. Cambridge, 1956. 2nd ed. Cambridge, 1973.*

¹⁷ *Chadwick J. The Decipherment of Linear B. Cambridge, 1958. 2nd ed. Cambridge, 1967.* См. русский перевод в сб.: Тайны древних писмен. Проблемы дешифровки. М., 1976. С. 105—251.

I.

	a	e	i	o	u
	𐤀 ₈	𐤁 ₃₈	𐤂 ₂₈	𐤃 ₆₁	𐤄 ₁₀
p	𐤅 ₃	𐤆 ₇₂	𐤇 ₃₉	𐤈 ₁₁	𐤉 ₅₀
t	𐤊 ₅₉	𐤋 ₄	𐤌 ₃₇	𐤍 ₅	𐤎 ₆₉
d	𐤏 ₁	𐤐 ₄₅	𐤑 ₇	𐤒 ₁₄	𐤓 ₅₁
k	𐤔 ₇₇	𐤕 ₄₄	𐤖 ₆₇	𐤗 ₇₀	𐤘 ₈₁
q	𐤙 ₁₆	𐤚 ₇₀	𐤛 ₂₁	𐤜 ₃₂	
j	𐤝 ₅₇	𐤞 ₄₆		𐤟 ₃₆	
w	𐤠 ₅₄	𐤡 ₇₅	𐤢 ₄₀	𐤣 ₄₂	
m	𐤤 ₈₀	𐤥 ₁₃	𐤦 ₇₃	𐤧 ₁₅	𐤨 ₂₃
n	𐤩 ₆	𐤪 ₂₄	𐤫 ₃₀	𐤬 ₅₂	𐤭 ₅₅
r	𐤮 ₆₀	𐤯 ₂₇	𐤰 ₅₃	𐤱 ₂	𐤲 ₂₆
s	𐤳 ₃₁	𐤴 ₉	𐤵 ₄₁	𐤶 ₁₂	𐤷 ₅₈
z	𐤸 ₁₇	𐤹 ₇₆		𐤺 ₂₀	

II.

𐤻 _{25 ha(a₂)}	𐤼 _{43 ai(a₂)}	𐤽 _{76 ra₂}	𐤿 _{33rai(ra₂)}	𐆀 _{68ro₂}
𐆁 _{66 ta₂}	𐆂 _{29 pu₂}	𐆃 _{85 au}		𐆄 _{62 pte}
𐆅 _{71dwe}	𐆆 _{90dwo}	𐆇 _{87twe}	𐆈 _{91two}	𐆉 _{48nwa}

Рис. 8. Силлабарий линейного письма В.

танием с немим -e, в линейном В попросту не фиксировались. Поэтому-то столь частый в кипрских силлабических текстах слоговой знак *se* почти не встречается в конечной позиции в словах на табличках линейного В.

Применение классического кипрского силлабария было, разумеется, более удобным методом для передачи греческого языка, поскольку выработка его и совершенствование осуществлялись куда дольше — целые столетия. Линейное же письмо В явилось результатом самого первого и, можно сказать, довольно поспешного приспособ-

01 da	16 qa	31 sa	46 je	61 o	76 ra ₂
02 ro	17 za	32 qo	47	62 pte	77 ka
03 pa	18	33 ra ₃	48 nwa	63	78 qe
04 te	19	34	49	64	79
05 to	20 zo	35	50 pu	65	80 ma
06 na	21 qi	36 jo	51 du	66 ta ₂	81 ku
07 di	22	37 ti	52 no	67 ki	82
08 a	23 mu	38 e	53 ri	68 ro ₂	83
09 se	24 ne	39 pi	54 wa	69 tu	84
10 u	25 a ₂	40 wi	55 nu	70 ko	85
11 po	26 ru	41 si	56	71 dwe	86
12 so	27 re	42 wo	57 ja	72 pe	87
13 me	28 i	43 ai	58 su	73 mi	88
14 do	29 pu ₂	44 ke	59 ta	74 ze	89
15 mo	30 ni	45 de	60 ra	75 we	90 dwo

Рис. 9.

a	08	ka	⊕ 77	o	Δ 61	ra	△ 60	ta	□ 59	18	⊙ 86
a ₂	25	ke	✱ 44	pa	⊥ 03	ra ₂	⊥ 76	ta ₂	⊥ 66	19	⊥ 87
ai	43	ki	∇ 67	pe	⊥ 72	ra ₃	∇ 33	te	⊥ 04	22	⊥ 88
da	01	ko	⊙ 70	pi	△ 39	re	∇ 27	ti	△ 37	34	⊥ 89
de	45	ku	∩ 81	po	⊥ 11	ri	∩ 53	to	⊥ 05	35	⊙ 86
di	07	ma	∇ 80	pte	∩ 62	ro	⊥ 02	tu	∇ 69	47	∇ 87
do	14	me	∩ 13	pu	∩ 50	ro ₂	∩ 68	u	∩ 10	49	∩ 88
du	51	mi	∇ 73	pu ₂	∇ 29	ru	∩ 26	wa	∩ 54	56	∩ 89
dwe	71	mo	∩ 15	qa	∩ 16	sa	∇ 31	we	∩ 75	63	∩ 86
dwo	90	mu	∩ 23	qe	⊙ 78	se	∩ 09	wi	∩ 40	64	∩ 87
e	38	na	⊥ 06	qi	∩ 21	si	∩ 41	wo	∩ 42	65	∩ 88
i	28	ne	∩ 24	qo	⊥ 32	so	∩ 2	za	∩ 17	79	∩ 89
ja	57	ni	∇ 30			su	∩ 58	ze	∩ 74	82	∩ 86
je	46	no	∩ 52					zo	∩ 20	83	∩ 87
jo	36	nu	∩ 55							84	∩ 88
		nwa	∩ 48							85	∩ 89

Рис. 10.

ления знаков критского линейного А, с сохранением их фонетического значения, для насущных нужд ведения хозяйственной отчетности. Линейное В выступало в качестве своего рода стенографии, так как весьма приблизительно воспроизводило греческие слова и потому не могло применяться для записи более сложных текстов, допустим литературного или исторического содержания. Такое несовершенство линейного В целиком объясняется механическим заимствованием им основных функциональных принципов у системы письма, предназначенной для фиксации форм языка, коренным образом отличавшегося от греческого — того самого догреческого минойского языка с фонетической структурой СГСГСГ, на котором говорили создатели критской иероглифики и линейного А.

Правда, некоторыми учеными (в частности, И.М. Дьяконовым) высказывались сомнения относительно соответствия структуры минойской речи графической структуре минойского письма — линейного А. При этом делались ссылки на пример лувийской иероглифики, созданной в первой половине II тыс. до н.э. лувийцами — древними жителями полуострова Малая Азия для записи текстов на лувийском языке (относящемся к анатолийской группе индоевропейской семьи языков), где знаки, передающие обычно слоги типа С+Г, могли использоваться условно и в значении С+нуль. Однако эти сомнения легко устраняются, если иметь в виду, что отмеченное несоответствие написания и действительного чтения возникло в лувийском иероглифическом письме (как в линейном В и классическом кипрском слоговом письме, аналогичным образом приспособленных для другого индоевропейского языка — греческого) из-за заимствования у минойцев Крита — древнейшего письменного народа Эгеиды — принципа силлабария со знаками только для слогов типа С+Г и Г. Он хотя и не позволял передавать свойственные фонетике индоевропейских языков скопления согласных, а также различия между удвоенными и неудвоенными, глухими, звонкими и аспирированными согласными, но был достаточно удобен в употреблении и при обучении грамоте благодаря сравнительно небольшому общему количеству используемых силлабограмм. Впервые же такой силлабарий мог быть выработан только для языка с соответствующей ему фонетической структурой СГСГСГ.

Говорившие и писавшие по-гречески писцы-ахейцы взяли большинство слоговых знаков из линейного письма А (правомерность отождествлений силлабограмм обеих письменностей подтверждают как результаты комбинаторного анализа их памятников, так и обнаружение в последних важных лексических соответствий) и лишь около двух десятков их было заменено (ср. рис. 6 и 8—11). Почти полностью перешла к микенцам минойская система чисел и идеограмм (см. рис. 12). В инвентарных списках числовые обозначения следо-

Рис. 9. Силлабарий линейного письма В по табличкам из Пилоса (1 вариант). Транскрипция слоговых знаков, принятая в Вингспреде (1961 г.).

Рис. 10. Силлабарий линейного письма В по табличкам из Пилоса (2 вариант). Транскрипция слоговых знаков, принятая в Вингспреде (1961 г.).

a 08		e 38		i 28		o 61		u 10		a ₂ 25		ai 43			
da 01		de 45		di 07		do 14		du 51		dwe 71		dwo 90			
ja 57		je 46				jo 36									
ka 77		ke 44		ki 67		ko 70		ku 81							
ma 80		me 13		mi 73		mo 15		mu 23							
na 06		ne 24		ni 30		no 52		nu 55				nwa 48			
pa 03		pe 72		pi 39		po 11		pu 50		pte 62		pu ₂ 29			
qa 16				qi 21		qo 32									
ra 60		re 27		ri 53		ro 02		ru 26		ra ₂ 76		ra ₃ 33		ro ₂ 68	
sa 31		se 09		si 41		so 12		su 58							
ta 59		te 04		ti 37		to 05		tu 69				ta ₂ 66			
wa 54		we 75		wi 40		wo 42									
za 17		ze 74				zo 20									

18		19		22		34		35		47		49	
56		63		64		65		79		82		83	
84		85				87		88		89			

Рис. 11. Силлабарий линейного письма В по табличкам из Кносса. Транскрипция слоговых знаков, принятая в Вингспреде (1961 г.).

вали за идеограммами, обозначающими учитываемые предметы¹⁸. В одних случаях идеограммы употреблялись самостоятельно, в других — сопровождалась соответствующими словами, записанными слоговыми знаками, а иногда — в соединении с какой-нибудь одной силлабограммой, т.е. с самым кратким фонетическим пояснением (например, с сокращением полного силлабического написания наименования предмета до его первой силлабограммы). Некоторые из идеограмм линейного В представляют собой слитное начертание (лигатуру) двух слоговых знаков. Так, к примеру, идеограмма 135 со значением 'мед' образована путем соединения силлабограмм 13-*me* и 53-*ri* (микенское *me-ri* соответствует классическому греческому μέλι).

¹⁸ Для указания значения идеограмм линейного В сначала использовались соответствующие английские слова, но затем ученые перешли к употреблению их латинских эквивалентов: например, идеограмма, представляющая собой схематичное изображение мужской фигуры и имеющая значение "мужчина", транслитерируется при воспроизведении микенских текстов как VIR (см. рис. 12).

100 VIR	108 ^f SUS ^f	118 L	130 OLE um	151 CORN u	162	172+ KERO	190	141+213 AUR+ LANX	233
101	108 ^m SUS ^m	120 GRA num	130+A OLE+A	152	162+KI	173 LUNA	191 GAL ea	214	234 GLA dius
102 MUL ier	108+KA SUS+KA	120+PE GRA+PE	130+PA OLE+PA	153 PEL lis	162+QE	174	200	215 CAL ix	240
103	108+SI SUS+SI	121 HORdeum	130+PO OLE+PO	154	162+RI	175 FICus	201 TRI pus	216	241
104 CER V us	23-109 MU-BOS	122 OLIV a	130+WE OLE+WE	155	163	176	202	217	242 CAPS us
105 EQV us	109 ^f BOS ^f	122+A OLIV+A	131 VIN um	156 TURO ₂	164	177	203	218	243 ROTA
105 ^f EQU ^f	109 ^m BOS ^m	122+TI OLIV+TI	132	157	165	178	204	219	243+TE ROTA+TE
105 ^m EQU ^m	109+SI BOS+SI	123 AROM a	133 AREPA	158	166	179	205	220	244
21-106 QI-OVIS	110 Z	KO+123 KO+AROM	134	159	166+WE	180	206 HYD ria	225 ALV eus	Signa 299 incerta X
106 ^f OVIS ^f	111 V	124+QA	135 MERI	159+KU	167	181	207	226	
106 ^m OVIS ^m	112 T	124+123	140 AES	159+PA	168	182	208 PAT era	227	Numeri vacantes (vel*deleti)
106+TA OVIS+TA	113 S	125+KU CYP+KU	141 AUR um	159+PU	168+SE	183	209 AMPH ora	228	119,*126,129, 136 139,*143, 144,147-149.
22-107 CAP ra	114	125+O CYP+O	142	159+TE	169	184	210	229	*186,*187.
107 ^f CAP ^f	115 P	125+PA CYP+PA	145	159+ZO	170	185	211	230 HAS ta	192-199, 221-224*235, 236-239, 245-298
107 ^m CAP ^m	116 N	127 KAPO	146	160	171	188	212 SIT ula	231 SAC itta	
85-108 SUS	117 M	128 KANAKO	150	161	172	189	213 LANX	232	

Рис. 12. Классификация идеограмм линейного письма В, принятая в Вингспреде (1961 г.).

$$\begin{array}{l} \triangle \triangle \triangle = 30 \frac{2}{2} = 120 \quad \# \\ 1 \frac{2}{2} = 4 \quad \# \\ 1 \quad \# \end{array}$$

Рис. 13. Меры веса в линейном письме В.

$$\begin{array}{l} \triangle \triangle \triangle = 10 \quad \top = 60 \quad \triangleleft = 240 \quad \cup \\ 1 \quad \top = 6 \quad \triangleleft = 24 \quad \cup \\ 1 \quad \triangleleft = 4 \quad \cup \\ 1 \quad \cup \end{array}$$

Рис. 14. Меры сыпучих тел в линейном письме В.

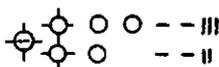
$$\begin{array}{l} \triangle \triangle \triangle = 3 \quad \curvearrowright = 18 \quad \triangleleft = 72 \quad \cup \\ 1 \quad \curvearrowright = 6 \quad \triangleleft = 24 \quad \cup \\ 1 \quad \triangleleft = 4 \quad \cup \\ 1 \quad \cup \end{array}$$

Рис. 15. Меры жидкостей в линейном письме В.

Числа передавались на письме по десятичному принципу — с использованием отдельных цифровых знаков для единиц (вертикальная черта¹⁹), десятков (горизонтальная черта), сотен (круг), тысяч (круг с расходящимися от него в разные стороны четырьмя лучами), десятков тысяч (круг с расходящимися от него четырьмя лучами и горизонтальной чертой внутри). Способ построения больших чисел был весьма сходен с тем, который присущ счёту с помощью хорошо

¹⁹ Для отличия от черточки-словоразделителя цифровой знак единицы располагался ближе к верхнему, а не к нижнему краю строки, будучи как бы приподнят над ее базисной линией.

всем известных римских цифр. Так, например, число 12 345 выглядело у микенцев следующим образом:

Существенные изменения произошли лишь в записи дробей. Микенскими писцами не употреблялись для этого цифровые обозначения, известные их минойским коллегам. Микенцы изображали дробные части в системах весов, а также мер сыпучих тел и жидкостей как отдельные единицы с их собственными условными знаками (см. рис. 13—15).

7. ЗНАЧЕНИЕ ДЕШИФРОВКИ ЛИНЕЙНОГО ПИСЬМА В ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ДРУГИХ ЭГЕЙСКИХ ПИСЬМЕННОСТЕЙ

Следует отметить еще один очень важный результат замечательного научного открытия М. Вентриса. Произведенная Вентрисом дешифровка линейного письма В не только позволила прочесть древнейшие греческие тексты второй половины II тыс. до н.э., но и создала основу для плодотворного исследования памятников письменности Эгеиды догреческого периода (сюда относятся следующие четыре вида письма так называемого "эгейского" типа: критская иероглифика, линейное письмо А, письменность Фестского диска, кипринойское письмо)²⁰.

Благодаря дешифровке линейного письма В, многие знаки которого (около 50 силлабограмм и ряд важнейших идеограмм) почти или полностью совпадают по начертанию со знаками линейного А (см. рис. 6 и 8) удалось прочесть подавляющее большинство надписей последнего²¹. Однако понять при этом прочитанные минойские тексты Крита не удалось. Ученые пока никак не могут твердо установить родство языка минойцев ни с одним из известных древних или современных языков, и это не позволяет им применить здесь этимологический метод, основывающийся на отыскании в родственных языках слов одного происхождения, близких по звучанию и по смыслу. Из-за общей скудости материала (табличек линейного А обнаружено в несколько десятков раз меньше, чем линейного В) и краткости имеющихся в распоряжении исследователей отдельных текстов (помимо явно хозяйственных табличек с инвентарными списками, сопровождаемыми числовыми обозначениями, надписи линейного А, как и иероглифические, встречаются на самых разнообразных предметах, и в первую очередь на печатях) не удастся получить их интерпретацию, и используя вместо этимологического комбинаторный метод, который подразумевает углубленное исследование внутренней структуры каждого текста как основополагающий этап проникновения в его содержание.

²⁰ Ср. Молчанов А.А. Методика работы с минойскими текстами (дешифровка и интерпретация) // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1983.

²¹ Хотя отождествление фонетических значений генетически родственных силлабограмм линейного А и В не всегда представляется абсолютно достоверным, в подавляющем большинстве случаев оно сомнений не вызывает.

В перечислениях на табличках линейного А угадываются названия различных видов зерна и списки личных имен. Среди минойских слов предположительно опознаются также некоторые наименования сосудов. Однако единственным словом с точно установленным значением является слово *ku-ro*, часто сопровождающее числовой результат подытоживания общего количества учитываемых предметов и означающее, следовательно, 'итого, всего'²².

С интерпретацией критских иероглифических надписей, в которых читаются по аналогии с линейным А и В всего два с половиной десятка слоговых знаков, дело обстоит еще сложнее (лишь некоторые хозяйственные таблички, где весь текст состоит из идеограмм-логограмм и цифр, практически не нуждающихся ни в прочтении, ни в переводе, могут быть легко поняты). Правда, последние исследования критских печатей с иероглифическими надписями позволили выделить среди них круг памятников, относящихся к представителям династии минойских правителей Кносса, и частично реконструировать генеалогию этой династии²³.

Данные о древнейшей топонимии острова Крит, извлеченные из кноссских табличек линейного письма В, используются при построении искусственной билингвы, которое является единственно возможным путем для проникновения в смысл текста Фестского диска — уникального памятника критской письменности рубежа XVII—XVI в. до н.э.²⁴.

Привлекаются результаты дешифровки микенского силлабария и исследователями, изучающими кипро-минойские тексты (кипрское слоговое письмо позднего бронзового века получило название "кипро-минойского" по сходству его с крито-минойским письмом)²⁵. Од-

²² О состоянии изучения памятников линейного письма А см.: Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки. М., 1976. С. 83—100; *Godart L. Le linéaire A et son environnement // SMEA. Fass. XX. 1979. P. 27—42.* Более подробную характеристику минойского языка см. в работах: *Stephens L., Justeson J.S. Reconstructing "Minoan" Phonology: the approach from universals of language and universals of writing systems // Transactions of the American Philological Association. 1978. N 108. P. 271—284; Гамкрелидзе Т.В. К вопросу о системе смычных и фрикативных "минойского" языка по показаниям греческой линейной письменности класса В // Историчность и актуальность античной культуры. Тбилиси, 1980. С. 54—58; *Gamkrelidze Th. V. Zur Frage des Systems der Verschluss — und Frikativlaute in "Minoischen" nach Ausweis der griechischen Linearschrift B // Sprachwissenschaftliche Forschungen. Festschrift für Johann Knobloch (Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft, Bd. 23). Innsbruck, 1985. S. 107—110; Молчанов А.А. Минойский язык: проблемы и факты // Античная балканистика. М., 1987, с. 78—85; *Гамкрелидзе Т.В. К вопросу о системе смычных и фрикативных "минойского" языка по показаниям греческой линейной письменности класса В // ВЯ. 1988. N 1.***

²³ *Молчанов А.А. Критская иероглифическая надпись на восьмисторонней печати из собрания Эшмолеанского музея // ВДИ. 1981. N 3. С. 116—133; Он же. Критская иероглифическая печать из собрания Афинского музея (к вопросу о типологии минойских сфрагистических формул) // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока: Тезисы и доклады конференции. М., 1984. Ч. 1. С. 62—64.*

²⁴ *Молчанов А.А. Некоторые результаты применения комбинаторного метода исследования при анализе текста Фестского диска // ВМУ. Сер. История. 1977. N 2. С. 67—83; Он же. Таинственные письмена первых европейцев. С. 61—71.*

²⁵ Появление первых минойских колоний на Кипре, который лежал на важном морском пути, связывавшем Крит с богатыми торговыми городами сирийско-финикийского побережья, относится к периоду наивысшего расцвета Кносской державы. Наиболее

нако хотя около 20 знаков кипро-минойского письма могут быть сопоставлены со знаками линейного В и классического кипрского силлабария, фонетические значения которых известны (см. рис. 5), подстановка этих значений в открытые к настоящему времени тексты, оставленные кипро-минойцами, дает слишком мало полных чтений слов для того, чтобы судить о их языковой принадлежности и затем использовать тот или иной из древних языков Средиземноморья для их дешифровки²⁶.

Развитие микенологических исследований стало, таким образом, важнейшим стимулирующим фактором в изучении прочих письменных систем эгейского типа. После того, как дешифрованное линейное письмо В (рассматривавшееся первоначально вместе с другими письменностями минойского круга) обособилось в качестве объекта штудий для отдельной науки — микенологии, памятники остальных письменностей Крита эпохи бронзы (явно догреческих, т.е. собственно минойских) стали предметом еще одной специальной научной дисциплины — миноистики²⁷. Правда, четкое разграничение областей обеих этих отраслей антиковедения, ранее составлявших единое целое, стало вполне очевидным лишь в последнее время.

8. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ МИКЕНОЛОГИИ

Микенология, будучи столь молодой отраслью антиковедения, за три десятилетия, прошедших после замечательного открытия М. Вентриса, развивалась быстрыми темпами²⁸. Отличительной чертой этого развития с самого начала было тесное сотрудничество ученых разных стран. Впервые микенологи собрались на свой международный научный форум в апреле 1956 г. в Жиф-сюр-Иветт близ Парижа. Участники этого коллоквиума помимо научных докладов обсудили насущные организационные проблемы²⁹. В дальнейшем микенологические коллоквиумы стали проводиться регулярно³⁰. С 1957 г. начал выходить ежемесячный хроникально-библиографический журнал по микенологии "Нестор", редактируемый Э. Беннетом³¹.

значительные памятники минойской культуры Кипра обнаружены при раскопках древнего города около современного селения Энкоми (на юго-восточном берегу острова), где открыты весьма значительные по объему кипро-минойские надписи.

²⁶ Ср.: *Молчанов А.А.* К интерпретации самой большой кипро-минойской надписи на табличке из Энкоми 1953 г. // ВДИ. 1979. N 1. С. 126—134.

²⁷ Термин "миноистика" введен в употребление как самым непосредственным образом связанный с минойским языком и письменностями критян-минойцев (см.: *Молчанов А.А.* Таинственные письма первых европейцев. С. 107).

²⁸ Подробнее о развитии микенологии как науки см.: *Тронский И.М.* Некоторые итоги развития микенологии // ВДИ. 1971. N 2. С. 84—92; *Гринбаум Н.С.* Микенологии 20 лет // Грамматические и лексикологические исследования. Романо-германская и классическая филология. Кишинев, 1977. С. 5—12; *Он же.* Микенологические исследования (1973—1977 гг.) // ВДИ. 1982. N 1. С. 200—212.

²⁹ *Études Mécéniennes. Actes du Colloque International sur les Textes Mycéniens (Gif-sur-Ivette, 3—7 avril 1956).* P. 1956.

³⁰ См. их труды в специальном разделе библиографии.

³¹ *Nestor. Mycenaean Bibliography* / Ed. by E.L. Bennett. Madison University, Wisconsin, 1957—.

В 1961 г. на III Международном микенологическом коллоквиуме в Вингспреде (США) была утверждена унифицированная система воспроизведения, транслитерации и условной нумерации письменных знаков линейного письма В³². Осенью 1967 г. в Риме состоялся I Международный конгресс микенологов³³, в работе которого приняли участие более тысячи ученых, в том числе представительная делегация советских историков и лингвистов. Опубликованные вскоре труды конгресса составили три объемистых тома³⁴. На следующий год там же был создан Институт микенологических и эгео-анатолийских исследований, заменивший собой организованный несколько ранее Центр микенологических исследований при Римском университете. Это ведущее научное учреждение по изучению истории и культуры Эгеиды взяло на себя роль объединителя и координатора усилий специалистов разных стран. Институтом выпускается специализированная серия трудов "Studi micenei ed egeo-anatolici" (в 1979 г. вышел уже 20-й ее том), опубликованы десятки отдельных монографий. Микенологическая тематика теперь постоянно присутствует на международных конгрессах и конференциях антиковедов, где ей зачастую бывает посвящена работа целых самостоятельных секций. Те или иные частные проблемы микенологии рассматриваются на специальных симпозиумах и коллоквиумах.

Важнейшей задачей микенологов в настоящее время остается публикация вновь найденных и критическое переиздание давно известных текстов линейного письма В. Особенно большую работу в этой области проделали Э. Беннет (США), Дж. Чэдуик (Великобритания), Ж.-П. Оливье (Бельгия), Л. Годар и А. Саккони (Италия), Т. Спиропулос (Греция).

Особый интерес у ученых вызвало значительное расширение географии находок табличек линейного В. Их обнаружили при раскопках Микен, Тиринфа и Фив, т.е. тех древних городов, которые, согласно эллинской исторической традиции, принадлежали к числу важнейших центров Ахейской (Микенской) Греции (первые подобные находки в Микенах были сделаны в конце 1950-х годов; в 1975 г. были опубликованы уже 43 фиванских таблички; к 1977 г. в Тиринфе нашли 6 фрагментов табличек). Содержание текстов этих табличек совпадает с содержанием кносских и пилосских "глиняных бухгалтерских книг". Это дает основания предполагать, что, если не во всем микенском мире, то по крайней мере во многих ахейских царствах, где существовали дворцовые хозяйственные архивы, действовала одна и та же система учета материальных ценностей.

Помимо хозяйственных табличек из Кносса, Пилоса, Микен, Тиринфа и Фив, в научный оборот теперь введены многочисленные надписи, выполненные линейным письмом В на керамической посуде

³² Mycenaean Studies. Proceedings of the Third International Colloquium for Mycenaean Studies, held at "Wingspread", 4—8 September 1961. Madison, 1964. P. 255—259.

³³ Ср.: Гринбаум Н.С. Первый международный конгресс микенологов // ВДИ. 1968. N 4. С. 179—189.

³⁴ Atti e memorie del 1° Congresso Internazionale di Micenologia, Roma, 27 settembre — 3 ottobre 1967. Roma, 1968. P. 1—3.

позднеэладского III и позднеминойского III периодов. Они происходят из нескольких областей Средней и Южной Греции и с острова Крит. Их находки зафиксированы в 9 различных пунктах: Креузе, Орхомене и Фивах (Беотия), Элевсине (Аттика), Микенах и Тиринфе (Арголида), Кноссе, Хании и Мателико (Крит).

За время, прошедшее после смерти основоположника микенологии М. Вентриса, появился ряд важных дополнений и уточнений к его дешифровке микенского силлабария. В первой публикации, где излагались результаты только что произведенной дешифровки линейного В, Вентрисом и Чэдвиком были даны значения 65 силлабограмм из общего числа 90³⁵. За последующие десятилетия ученым удалось уточнить транскрипцию многих знаков. В частности, большинство слоговых знаков, определенных сперва как "дублетные", т.е. имевшие аналогичное фонетическое значение с "основной" силлабограммой данного звучания, получили объяснение. Так, установлено, что силлабограмма 33, ранее транскрибирувавшаяся как *ra*₁, должна читаться *rai*. За знаком 85 скрывается дифтонг *ai*.

Как выяснилось, чтение силлабограммы 62-*pte* (ранее нарушавшее стройность системы силлабария со знаками только типа С+Г и Г) восходит к *pje*. Иначе стали читать знаки 66-*tja* (вместо *ta*₂), 68-*rjo* (вместо *ro*₂), 76-*rja* (вместо *ra*₂). Фонетическое значение силлабограммы 71-*dwe* подтвердил новый текст из Пилоса. Предложены также чтения: 16-*qa* (вместо *pa*₂), 64-*swi*, 87-*rwe*³⁶. Вновь выявленный, как самостоятельная силлабограмма, знак 91 (ранее считавшийся графическим вариантом знака 66) получил транскрипцию *twa*. Из нескольких альтернативных чтений знака 82 самым аргументированным оказалось *swa*. Как полагают, перечисленные "дублетные" силлабограммы первоначально (при создании самой письменной системы) обозначали тот же слог, что и "основные", но с согласным, имевшим палатализованный (смягчающий) или лабиализованный (связанный с дополнительно артикулируемым губным шумом) оттенок, позднее утраченный. Теперь есть объяснение и происхождения силлабограммы 25-*a*₂, согласно которому этот знак передавал гласный *a* с рефлексом интервокального и превокального *s(sa>ha)*. Отмеченные факты являются, по мнению некоторых ученых, свидетельствами процесса развития древнегреческого языка с момента создания микенской письменности до составления известных нам текстов табличек линейного В.

Продолжалась и работа по уточнению значений идеограмм линейного письма В (например, для идеограммы 169 предложено значение 'ложе', а для идентичных по сути дела идеограмм 124 и 125 — значение 'кипер') и декодированию применявшейся писцами-ахейцами в документах хозяйственной отчетности системы сокращений. Применение экспериментально-статистического метода для выяснения средней вме-

³⁵ Ventris M., Chadwick J. Evidence for Greek Dialect in the Mycenaean Archives // JHS. 1953. Vol. 73.

³⁶ Ставился также вопрос об изменении транслитерации слоговых знаков 17-*za*, 20-*zo*, 74-*ze* и 79-*zu*? на соответственно: *kja*, *kjo*, *kje* и *kju*.

стимости различных типов микенских сосудов дало возможность внести коррективы в предложенное М. Вентрисом и Дж. Чэдуиком определение абсолютных величин микенской системы мер. Прежде три встречающиеся в документах линейного В единицы емкости, соотносящиеся между собой как 1:4:24, считались равными приблизительно 0,5 л, 2 л и 12 л. Теперь же, согласно вычислениям американской исследовательницы М. Лэнг, абсолютная величина указанных единиц должна определяться соответственно: или 0,2 л, 0,8 л и 3,2 л (эту точку зрения, которой придерживается сама Лэнг, поддержал известный микенолог Л. Палмер), или 0,4 л, 1,6 л и 6,4 л (данные цифры кажутся более приемлемыми Дж. Чэдуику).

Микенологические исследования ведутся сейчас лингвистами и историками многих стран. Исходный материал для них неуклонно пополняется. Появление новых и углубленный анализ ранее опубликованных текстов линейного В позволяют ученым получать уникальную информацию о микенском диалекте и различных сторонах жизни древних греков во второй половине II тыс. до н.э.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ТЕКСТЫ ЛИНЕЙНОГО ПИСЬМА В КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

1. ДЕШИФРОВКА ЛИНЕЙНОГО ПИСЬМА В И ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ГРЕЦИИ II ТЫС. ДО Н.Э.

Европейская историческая мысль всегда интересовалась древнейшим прошлым Греции — колыбели античной культуры. Сами историки Эллады (первые научные исторические труды были написаны ими в VI в. до н.э.) сообщали в своих сочинениях о многих важных событиях из прошлого родной страны. И, как выясняется теперь, они очень неплохо были осведомлены о нем.

Величайший древнегреческий историк Фукидид (около 460—395 гг. до н.э.) пишет о том, что в незапамятные времена на территории Эллады происходили передвижения различных племен. Жившие здесь до эллинов другие народы, в том числе пеласги, давали стране свое имя. По словам старшего современника Фукидида — Геродота (484—431/425 гг. до н.э.), Эллада до греков принадлежала пеласгам и носила имя Пеласгии.

По утверждению эллинской исторической традиции¹, впоследствии сюда пришли греческие племена, причем некоторые из них время от времени перемещались на новые места обитания. В разных областях Греции возникали местные царства, между которыми зачастую происходили военные столкновения. Постепенно усилилась власть правителей Микен (эллинские предания говорят о двух следовавших друг за другом могущественных микенских династиях — Персеидах и Атридах), претендовавших на гегемонию не только в Пелопоннесе, но и во всей Греции. Так, когда был организован общегреческий поход на город Трою в Малой Азии, его возглавил микенский владыка Агамемнон, именуемый в эпосе "пастырем народов".

Однако организация столь крупномасштабных военных экспедиций за пределы Эллады привела к истощению сил Микенского и других ахейских царств. Последовавшие усиление междоусобной борьбы и внутридинастические неурядицы еще больше ослабили многие из них.

¹ Особенно много интересных сведений о древнейшем периоде греческой истории содержит труд Павсания (III в. н.э.) "Описание Эллады". Его автор объездил всю Грецию, скрупулезно собирая местные исторические предания и сакральные мифы, в которых содержались и воспоминания о событиях II тыс. до н.э.

Все это привело к тому, что жившие до того в Северной Греции дорийцы усилили нажим на ахейские царства и после целого ряда неудачных попыток завладеть их территориями взяли наконец верх над ними. Эллинская традиция датировала дорийское завоевание, в пересчете на нашу хронологию, где-то в пределах XII в. до н.э. (самой поздней из предложенных древнегреческими историками для этого события дат является 1104 г. до н.э.).

Ученые нового времени вплоть до 1870-х гг. считали вторжение дорийцев первым вполне достоверным фактом истории древней Греции, а все предания о более ранней, "ахейской" эпохе, сохранившиеся в сочинениях античных авторов, включая и поэмы Гомера, рассматривали как плод народной поэтической фантазии эллинов. И только начавшиеся во второй половине XIX в. археологические раскопки "микенских" памятников в Греции заставили историков отказаться от прежнего, целиком скептического отношения к "баснословным рассказам" эллинских мифографов и гомеровского эпоса.

Многие культурные реалии, описанные в эпосе — предметы вооружения (бронзовое оружие, шлемы и щиты особой конструкции, и т.д.), боевые колесницы, парадные сосуды, жилища правителей и характер дворцовой жизни — нашли себе соответствие в археологических материалах, датированных XVI—XIII вв. до н.э. Засвидетельствованное археологией исключительное богатство погребений микенских владык сделало понятным эпическое выражение "златообильные Микены". Исследованная в Тиринфе система оборонительных сооружений микенского времени с хитроумной планировкой и мощнейшими стенами показала, насколько оправданно говорит эпос о "крепостенном Тиринфе". Археологически засвидетельствованный для конца XIV в. до н.э. упадок Фив соотносится с историческими преданиями об осаде и взятии этого города коалицией ахейских вождей, поддержавшей одного из претендентов на тамошний престол. В раскопанной археологами Трое тот слой, который, судя по находкам, относится к XIII — началу XII вв. до н.э. (именно этим временем датировала Троянскую войну эллинская традиция), содержит в себе явные следы разрушения города и большого пожара (согласно Гомеру, Троя была разрушена и сожжена взявшими ее ахейцами).

Однако только успешное прочтение текстов линейного письма В позволило установить, что население материковой Греции позднэлладского (микенского) периода было, вопреки господствовавшему в науке до начала 1950-х годов мнению, по преимуществу греческим, ибо оно говорило на греческом языке и пользовалось греческими личными именами.

На Крите, при дворе ахейского правителя Кносса, текущая хозяйственная документация также велась на микенском диалекте греческого языка. Правда, этническая ситуация была здесь намного сложнее. Значительная часть населения острова, несомненно, состояла тогда из коренных жителей — минойцев и говорила по-минойски. Достоверно известно, что потомки догреческих обитателей Крита, так называемые этеокритяне (Ἐτεόκριτες — "истинные критяне") еще в V в. до н.э. отличали себя от эллинов и пользовались

своим особым языком (вероятно, представлявшим собой последний этап развития минойского языка). Во времена Геродота они жили на востоке острова, в области города Преса. В табличках линейного В из Кносса встречается большое число явно или предположительно догреческих имен (подробнее об этнической истории Крита доахейского периода см. ниже, § 10).

Но все же пришельцы-греки являлись главной политической силой на Крите уже на протяжении всей второй половины XV в. до н.э. (т.е. сразу после падения Крито-Минойской державы²) и их язык был здесь в это время языком государственного аппарата. Таким образом, Крит с середины XV в. до н.э. принадлежал вместе с прочими ахейскими царствами к единому в языковом и культурном отношении "микенскому миру", ранее ограничивавшемуся территорией материковой Греции.

Поскольку после дешифровки линейного письма В стала очевидной греческая языковая принадлежность населения юга Балканского полуострова еще до середины II тыс. до н.э. (когда греки-ахейцы с материка продвигаются на остров Крит), то достоверная история Ахейской Греции, как самый ранний этап всей древнегреческой истории, может быть прослежена уже с начала среднеэлладского периода (около 1900 г. до н.э.). К этому времени большинство ученых относит приход первых греческих племен на территорию будущей Эллады, где именно на рубеже раннеэлладского и среднеэлладского периодов происходит отмечаемое во многих пунктах разрушение прежних центров и смена археологических культур. Судя по лингвистическим данным, непосредственными предшественниками греков на греческом материке были носители иных индоевропейских языков — повсеместно "пеласгского" или "пеласгийского" (условно названного так по имени часто упоминаемых эллинской исторической традицией пеласгов и генетически тождественного фракийскому³) и частично анатолийского. Доиндоевропейский языковой слой (помимо минойского Крита, сумевшего до середины XV в. временно распространить свое влияние на ряд островов и прибрежных областей Эгеиды) прослеживается как субстратный только для самого отдаленного, доисторического прошлого юга Балкан.

² Начало позднеминойского II периода, к которому относится утверждение на Крите владычества греков-ахейцев, датируется большинством виднейших специалистов по археологии Греции (А. Эвансом, Дж. Пендлбери, С. Маринатосом, Р. Хатчинсоном и др.) примерно 1450 г. до н.э. (Ф. Шахермайр относит его примерно к 1470 г. до н.э., Ф. Матц — примерно к 1480 г. до н.э.). Конец указанного периода, и следовательно пожар в хранилище документов линейного письма В при разрушении врагами дворца ахейского владыки всего Крита в Кноссе, все перечисленные исследователи (а также крупнейший греческий археолог Н. Платон) датируют примерно 1400 г. до н.э. Предпринятая было попытка ревизовать датировку кноссских табличек, предложенную А. Эвансом и его последователями, не представляется убедительной.

³ Фракийские племена, по свидетельствам древних авторов и прочим данным, населяли в I тыс. до н.э. — начале I тыс. н.э. обширные территории на северо-востоке Балканского полуострова. Ранее они занимали также его запад и юг. Последние фундаментальные лингвистические исследования устанавливают присутствие на Балканах их непосредственных предков — протофракийцев уже с начала III тыс. до н.э. (Гиндин Л.А. Древнейшая ономастика Восточных Балкан. С., 1981. С. 188).

В текстах табличек линейного письма В было найдено и одно очень важное подтверждение того исторического факта, который был документально известен только из иноязычного источника. Дело в том, что хеттские письменные памятники XIV—XIII вв. до н.э. говорят о могущественном государстве Аххийява⁴, располагавшемся где-то к западу от Малой Азии — в континентальной Греции или на островах Эгейского моря. При этом один из правителей Аххийявы назван в хеттской передаче Attariššijaš, что очень напоминает хорошо известное эллинской исторической традиции имя царя Микен Атрея (греч. Ἄτρεΰς), основателя наиболее могущественной из ахейских династий — династии Атридов. В тексте кносской таблички C 914 встречается форма *A-ka-wi-ja-de* (= *Akhaiwiān-de*), что расценивается учеными как свидетельство существования топонима, тождественного Аххийяве хеттских текстов (ср. греч. Ἀχαιοί < *Ἀχαιοί, на рубеже XV—XIV вв. до н.э. В данной связи существен и тот факт, что в пиловских документах встречается патронимик E-te-wo-ke-re-we-i-jo (= *EtewokIewēios*). Тем самым удостоверяется наличие в ахейском ономастике формы *EτεFоклѐFης (ср. Ἐτεοκλῆς, Ἐτεοκλέες, Ἐτεοκλῆς, Ἐτέοκλος), с которым отождествляется антропоним *Tawagalawaš* хеттских текстов. Лицо, носящее это имя, выступает как полководец и брат царя Аххийявы. С этим Тавагалавасом-Этеоклом может быть, на наш взгляд, сопоставлен без каких-либо затруднений один из героев эпических сказаний греков-ахейцев — аргосский царевич Этеокл, сын Ифия. Он известен эллинским преданиям в качестве видного военачальника, жившего и действовавшего незадолго до Троянской войны.

2. ХАРАКТЕР ДОКУМЕНТОВ ЛИНЕЙНОГО ПИСЬМА В И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ ИЗУЧЕНИЯ

Таблички линейного В, обнаруженные в архивах столиц различных ахейских царств, несмотря на значительную разницу во времени их изготовления (до двух столетий) обладают помимо диалектного единства и целым рядом общих признаков формального характера. Последние относятся как к внешнему виду и особенностям бытования этих документов хозяйственной отчетности, так и к их содержанию.

Форма табличек сводится в целом к двум основным типам: "пальмовый лист" (узкие, горизонтального формата полосы)⁵ и "страница" (вертикального формата, достаточно широкие, со скругленными углами). Остальные таблички занимают промежуточное положение между указанными двумя типами. На "пальмовых листьях" помещались короткие записи в одну-три строки, на прямоугольных "страницах" записывались более пространственные тексты.

⁴ Так, царь хеттов Тудхалияс IV в одном из договоров при перечислении равных ему правителей называет вместе царей Египта, Вавилонии, Ассирии и Аххийявы.

⁵ Возможно, изготовители табличек этого типа умышленно воспроизводили форму другого писчего материала, употреблявшегося параллельно с глиной. Во всяком случае, античной традиции было известно, что древние критяне писали на пальмовых листьях (ср.: Плиний Старший. Естественная история. XIII. 69).

Табличка для записи текста формовалась из мягкой глины на плоской поверхности, отчего ее нижняя (при употреблении — лицевая) сторона становилась плоской, а верхняя (оборотная) получалась более выпуклой (на ней часто заметны отпечатки рук и пальцев изготовителя таблички). Подготовленную поверхность линовали и затем писали на ней острым стилем слева направо. Если текст не уместался на одной стороне, то его дописывали на обороте таблички.

Поскольку писцы вели на глине только текущую документацию (эти записи хранились, судя по их датировке исключительно месяцами и ремаркам типа "этого года", "следующего года", "последнего года", не более одного года, а все важное из них впоследствии должно было переноситься на более долговечный писчий материал), они не заботились о длительной сохранности табличек. Поэтому они оставались необожженными и лишь высушивались, а смогли они дойти до нас в целости и сохранности лишь благодаря случайному обжигу в огне пожаров, разрушивших помещения дворцовых архивов (наиболее вероятная дата гибели в огне Кносского дворца — около 1400 г. до н.э., Фиванского дворца — около 1320 г. до н.э., Пилосского дворца — около 1200 г. до н.э.).

Хранились исписанные и высушенные таблички на полках архивных комнат в специальных ящиках или корзинах, завязанных веревками или ремнями и тщательно опечатанных. На этих строго систематизированных "единицах хранения" имелись глиняные ярлыки, которые несли имена ответственных писцов, оттиски печатей и наименования учитываемых в документации припасов.

Сходство, обнаруживаемое в технике изготовления, принципах хранения и учета хозяйственных табличек линейного В, прослеживается и в самих записанных на них текстах. Практически одинаковы во всех инвентарных записях из разных ахейских центров: графика письменных знаков (как идеограмм, так и силлабограмм), орфография отдельных слов и фразеология канцелярского языка в целом, порядок и стиль изложения (со стереотипными формулами и устоявшейся терминологией), обязательное суммирование подсчетов (подчас с указанием образовавшейся задолженности). Все это вместе говорит о существовании и сохранении в течение длительного периода (по крайней мере со второй половины XV в. и примерно до конца XIII в. до н.э.) устойчивой традиции ведения отчетной хозяйственной документации, которая поддерживалась соответствующей системой обучения специалистов-писцов, носившей ярко выраженный консервативный характер.

Интересно, что четкие систематизационные принципы, совершенно необходимые для осуществления правильного бухгалтерского учета и в полной мере присущие документам линейного письма В, стали обнаруживаться намного ранее того, как эти тексты были прочтены и интерпретированы. Формальный анализ всей совокупности хозяйственных текстов из ахейских архивов позволил еще до дешифровки самой письменности выявить среди них по целому ряду признаков (прежде всего по тождеству содержащихся в надписях идеограмм) отдельные комплексы (серии), отражающие практику составления

деловой документации в определенной области хозяйственной деятельности. Такую детализированную группировку ввел в процессе работы по подготовке к изданию пилосских табличек Э. Беннет.

Так, например, списки людей (тексты с идеограммами "мужчина" и "женщина") оказались сведены в серию А, записи по учету стад домашних животных — в серии С и D, земельные документы и реестры приношений богам (содержащие общую идеограмму "пшеница") — в серию Е, ведомости по выдаче бронзы кузнецам — в серию J, инвентаризационные описи арсеналов — в серию S, перечисления мебели и сосудов — в серию T, и т.д. К заглавным литерам при дополнительной разбивке серий на меньшие группы табличек прибавляется строчная буква. Поэтому теперь все микенские хозяйственные тексты при публикации получают соответствующие буквенные обозначения и постоянный номер (Aa 61, Ab 186, Ep 613, Ta 711 и т.п.), предваряемые в случае необходимости указанием на место их находки (Py An I, Kp Ak 824 и т.д.).

Хотя в целом документы линейного письма В демонстрируют крайне односторонний, специфически бухгалтерский подход своих составителей ко всем, так или иначе затронутым тотальной системой учета, явлениям экономической и духовной жизни греков-ахейцев XV—XIII вв. до н.э., сам круг этих явлений все же достаточно широк. При этом изучение документов хозяйственной отчетности из архивов столиц ахейских государств второй половины II тыс. до н.э. (в первую очередь Кносса и Пилоса, откуда происходит основная масса известных нам табличек линейного В) открывает наибольшие возможности для получения сведений о социально-политических структурах и принципах организации хозяйства, действовавших в этих государствах. Однако оно включает в себе и немалые трудности, обусловленные особой спецификой данного вида письменных источников.

Заемствование минойского силлабария ранее бесписьменными носителями совершенно иного по звуковой структуре языка неизбежно создавало большую разницу между послоговым написанием слов последнего и их реальным звучанием. Возникшие таким образом "слишком свободные" правила орфографии, применявшиеся при использовании линейного письма В для записи текстов хозяйственного назначения, по-видимому, вполне удовлетворяли не только авторов, но в равной степени и адресатов этих текстов, ибо, хорошо зная, о чем может идти речь в подобного рода документах, они легко узнавали в самом приблизительном послоговом написании употребительные термины и другие ходовые слова обиходной канцелярской лексики. Этого, к сожалению, никак нельзя сказать о современных исследователях, пытающихся проникнуть в смысл таких своеобразных стенографических отчетов первых грамотных греков о своих обычных текущих делах. Зачастую слишком велика оказывается возможная многозначность чтений отдельных слоговых знаков и тем более целых слов. К тому же фонетические значения некоторых силлабogramм еще не определены или требуют дальнейшего уточнения, а многие идеограммы до сих пор не получили сколько-нибудь надежного

истолкования. Указанные обстоятельства крайне затрудняют задачу интерпретации значительной части текстов табличек линейного В.

Их понимание дополнительно усложняет наличие в них слов, не встречающихся в греческом языке более поздней эпохи. Надо полагать, такие слова суть не только и не столько вышедшие со временем из употребления собственно греческие формы, сколько глоссы, попавшие в язык греков-ахейцев из языков других древних народов Восточного Средиземноморья, особенно таких, как их непосредственные предшественники на юге Балканского полуострова и островах Эгейды — пеласги и минойцы, по сравнению с которыми ахейцы в момент своего появления в данном географическом регионе находились на куда более низком уровне экономического и общественного развития (это относится, разумеется, в первую очередь к культурным терминам).

Не случайно исследователи особое внимание уделяют установлению смысла некоторых ключевых терминов, встречающихся в текстах табличек, что является крайне важным для правильной интерпретации содержащих их записей. Одним из таких терминов является, например, слово *da-ma-te*, значение которого до сих пор не выяснено. В нем видели имя богини Деметры, единицу земельного надела, обозначение усадьбы землевладельца (типа старинного русского термина "двор"), наименование должностных лиц или членов религиозной общины, и т.д. Советский микенолог Г.Ф. Полякова справедливо указала на слабость аргументации всех существующих на этот счет гипотез, как со стороны филологической, так и в плане соответствия контексту⁶. В своем собственном толковании этого слова, весьма осторожном и приближенно-гипотетическом, она опирается на данные, полученные комбинаторным путем, и потому ее точка зрения, заключающаяся в том, что данный термин определенным образом характеризует связанный с ним объект перечисления, выглядит в настоящее время наиболее обоснованной.

Однако попытки отождествить форму *da-ma-te* с более или менее подходящими по смыслу греческими словами остаются по-прежнему всего лишь гадательными. Следует только добавить, что нельзя недооценивать и возможность догреческого происхождения этого термина. В данной связи особого внимания заслуживает вполне минойский (даже в свете тех немногих фактов языка минойцев, которыми мы располагаем) облик слова *da-ma-te*: в нем выявляются корень *dam* и суффиксальный элемент *-t-*, часто встречающийся в словах на табличках линейного А и в личных именах, явно или предположительно догреческих, в кносских текстах линейного В⁷.

⁶ Полякова Г.Ф. Социально-политическая структура пилосского общества (по данным линейного письма В). М., 1978. С. 30—37.

⁷ Однокоренным с *da-ma-te* может оказаться прежде всего слово *No-da-ma-te*, (вероятно, личное имя), начертанное линейным письмом А на двух votивных двусторонних секирах первой половины XVI в. до н.э. из пещерного святилища в Аркалохори (Центральный Крит), и отличающееся от него лишь добавлением употребительного минойского префикса *no-* (ср., например, личные имена текстов линейного А с корнем *dar* — *Da-re* и *No-da-re*, а также соответствующие им *Da-ro* и *No-da-ro* кносских

Учет трудностей орфографического и терминологического характера, как видим, весьма важен для правильной интерпретации текстов табличек линейного В. И чем больше неясностей или возможностей альтернативного чтения и понимания отдельных слов в тексте, тем сложнее надежное истолкование последнего. Поэтому предварительные этимологические штудии становятся зачастую необходимым условием для успеха последующих попыток интерпретировать текст в целом. Однако многие записи на хозяйственных табличках линейного В все же читаются без особых затруднений и смысл их вполне прозрачен.

3. ДАННЫЕ О СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ МИКЕНСКОГО ОБЩЕСТВА

Уже само употребление письменности для регулярного ведения хозяйственного учета и наличие дворцовых архивов свидетельствуют, как подсказывают хорошо известные аналогичные примеры из всемирной истории, о существовании у греков в XV—XIII вв. до н.э. классового общества и государства. Содержание текстов табличек линейного В не только подтверждает в принципе этот факт, но позволяет получить и более конкретные данные о сословно-классовой стратификации и общественной функции отдельных слоев населения таких ахейских царств, как Пилосское и Кносское, экономическая и социальная жизнь которых нашла свое отражение в массовом эпиграфическом материале документов микенского письма.

Очень важным для историков обстоятельством является то, что в текстах на табличках линейного В имена людей сопровождаются также обозначениями рода их занятий. В деловой документации из Пилоса и Кносса помимо названий профессий и сословных терминов встречаются наименования служебных должностей и титулы разных рангов. Упоминания в пилосских и кносских текстах царя (*wa-na-ka*, что соответствует гомеровскому ἄναξ) доказывают существование в ахейских государствах института верховной монархической власти (о чем свидетельствуют и многочисленные данные восходящей к той же эпохе эллинской мифолого-исторической традиции).

Поскольку появление на табличках царского титула никогда не сопровождается уточнением личного имени, можно сделать вывод, что власть *wa-na-ka* носила единоличный характер. Не противоречит такому выводу и присутствие рядом с царем второго по значимости в государстве лица — лавагета (*ra-wa-ke-ta = lāwāgetas* — буквально 'вождь народа'⁸). Лавагет мог быть и постоянным главным военачальником (назначаемым или наследственным), и ближайшим родственником царя (например, престолонаследником), тради-

---

табличек линейного В). Весьма вероятным, по-видимому, должно показаться аналогичное предположение и по отношению к минойскому царскому имени Радамант (*Ῥαδάμανθυς*; реконструируемая минойская форма — *Ra-da-ma-te*, где перед корнем *dam* стоит префикс *ra-*), сохраненному античной традицией.

⁸ Ср. греческое слово классического времени λαγέτας (дорийский диалект) с тем же значением и традиционное спартанское царское имя Агесилай (*Ἀγέσιλαος, Ἀγέσιλας*) с обратным сочетанием тех же двух основ.

ционно исполняющим те же функции главнокомандующего⁹. Последнее предположение, пожалуй, способно лучше всего объяснить наличие в документах линейного В перечислений лиц различных профессий не только с эпитетом "царский" (*wa-na-ka-te-ro* = *wanakteros*) и "лавагетов" (*ra-wa-ke-si-jo* = *lāwāgesios*). То же самое относится и к общему для царя и лавагета праву владеть особыми участками земли — теминами (термин *te-me-no*, ср. *τέμενος* — гомеровское наименование царского землевладения, встречается в словосочетаниях *wa-na-ka-te-ro te-me-no* и *ra-wa-ke-si-jo te-me-no*).

Определить конкретное место в государственной структуре других представителей господствующего класса, упоминаемых в текстах табличек, весьма затруднительно. Документы линейного В сообщают о писцах, царских чиновниках гражданского и военного ведомства, представителях местных органов власти (см. ниже § 4), лицах, выполняющих жреческие функции (см. ниже § 9).

Среднюю ступень в сословной иерархии занимали свободные ремесленники различных специальностей и землевладельцы некоторых категорий. Те и другие оказываются в зависимости от верховного владыки страны: они обязаны вносить в дворцовую казну натуральные налоги согласно твердо фиксированным нормам.

Низы ахейского общества — это достаточно внушительный по численности контингент рабов (на одной из пиловских табличек читается список более чем тысячи царских рабов — женщин и детей). Рабы (*do-e-ro*, ср. *δοῦλος*) и рабыни (*do-e-ra*, ср. *δοῦλα*) находились в собственности как царя, так и частных лиц (известны, например, рабы царских чиновников, жрецов и жриц; зачастую документы называют только имя владельца без указания на его ранг или род занятий). Они могли поступать из дворца в распоряжение одного человека и сразу нескольких людей. Только в кносских текстах зафиксированы рабы дамоса ("народа") и покупные рабы. Рабский труд применялся прежде всего на самых тяжелых и неквалифицированных работах. Основными источниками пополнения сословия рабов служили, по-видимому, международная торговля и захват военнопленных (об этом говорят встречающиеся в текстах табличек указания на иноземное происхождение рабынь — "асвиянки", "книдянки", "милетянки", "лемнианки", "зефириянки"). Результаты подневольного труда строго учитывались чиновниками царя, а продукты для скудного рациона *do-e-ro* (= *doeloi* — форма мн. ч.) выделялись из дворцовых кладовых.

Однако, судя по документам линейного В, сословие рабов в ахейских государствах было далеко не однородным. Так, например, отмеченная текстами табличек терминологическая обособленность *te-o-jo do-e-ro* (= *theoio doeloi*) — 'рабов бога' явно подразумевает их особый статус. Положение некоторых групп лично несвободного населения подчас менялось в зависимости от их места в общей системе общественного производства.

⁹ Подобный институт известен и в других государствах древнего мира: например, в Новохеттской державе при царе Мурсилисе III (первая треть XIII в. до н.э.).

Некоторые важные наблюдения в этом отношении были сделаны Г.Ф. Поляковой. Представляет интерес произведенное исследовательницей сопоставление средних величин участков (их количественные характеристики выражены в мерах зерна), связанных с различными видами земледержания, а также ее попытка наметить реальное числовое соотношение, характеризующее имущественное положение пяти отдельных групп земледельцев: жрецов, пастухов, ремесленников, должностных лиц и *do-e-ro* (главным образом *te-o-jo do-e-ro*). Правда, гипотетичность используемых чисел дает право лишь на предварительные выводы и самые осторожные предположения, в частности о возможных отличительных чертах "рабов бога" как земледельцев от других арендаторов, упоминаемых в пиловских табличках линейного В. В то же время рассмотрение всей совокупности данных, извлекаемых из документов дворцового архива ахейского Пилоса, относительно группы лиц, которые обозначаются термином *do-e-ro/do-e-ra*, заставляет констатировать невозможность обнаружения пока четких разграничений между отдельными категориями рабов, сходство положения рабов и части свободных в сфере аграрных отношений и ремесленно-производственных занятий, одинаково подчиненный статус рабов и нерабов относительно высшей государственной власти, связанный с общей централизующей ролью дворца в экономике Пилосского государства¹⁰.

4. АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО КНОССКОГО И ПИЛОССКОГО ЦАРСТВ

Поскольку целью составителей дошедших до нас документов линейного письма В был всего лишь учет материальных ценностей, упоминаемые в текстах табличек должностные лица разных рангов характеризуются, в силу самой специфики источника, только со стороны их участия в контроле над сферами производства и потребления. Прямых указаний на роль каждого из них в сфере управления нет. Поэтому пока невозможно реконструировать несомненно достаточно сложную картину иерархии чинов и административного деления ахейских государств. Тем более нет серьезных оснований восстанавливать государственный строй последних по образцу средневековых феодальных монархий, как это делал американский ученый Л. Палмер (его взгляды по данной проблеме были справедливо подвергнуты критике и не получили признания у специалистов).

Даже о правах царя из текстов линейного В удастся узнать совсем немного, причем исследователям приходится постоянно возвращаться к вопросу о правильной интерпретации в каждом отдельном случае термина *wa-na-ka*, употреблявшегося носителями микенского диалекта греческого языка в двух значениях: 'царь' и 'бог'. Надежно засвидетельствована только культовая роль царя, а также его право назначать на административные посты и освобождать от обязанности выплачивать налоги.

Достаточно определенно очерчивается круг должностных лиц, при-

¹⁰ Полякова Г.Ф. Указ. соч. С. 108—117, 123—172.

надлежащих к разветвленному государственному аппарату во всем его терминологическом разнообразии. Однако распределение функций между ними (*a-to-mo*, *du-ma/da-ma*, *ko-re-te*, *te-nu-wa*, *to-ro-qa*, *o-pi-te-u-ke-u*, *qa-si-re-u* и др.) остается при нынешнем состоянии источников непостоянной задачей. Ясно только, что *ko-re-te-re* (форма множественного числа от *ko-re-te*) выполняли скорее всего роль старост отдельных населенных пунктов, а их помощники были *po-ro-ko-re-te-re* ('заместители коретеров, прокоретеры').

Местными правителями были *басилеи* (*qa-si-re-u*, ср. βασιλεύς). Данный титул, обозначавший позднее царя, в микенское время не принадлежал еще к числу самых высоких (характерно, что еще у Гомера *басилеями* титулуются правители, подчиненные верховному владыке страны). В контексте, сходном с тем; в котором таблички упоминают *qa-si-re-u*, встречается и термин *ke-ro-si-ja* (= *geronsia*), соотносимый с γερουσία — 'совет старейшин'. Члены *герусии*, как и *басилеи*, принимают участие в организации производства, контролируемого дворцом. При этом *басилеи* возглавляют *герусию*, выполняют функции контроля в военной и производственной сфере. Деятельность *басилеев* и рядовых *геронтов* (членов *герусии*) в административной области, о которой можно догадываться (хотя бы исходя из греческих аналогий послемикенского времени), в документах линейного В конкретного отражения не получила, несомненно в силу их сугубо учетного характера.

Эти и другие должностные лица тщательнейшим образом контролировали всю экономическую жизнь общества. В документах постоянно присутствуют упоминания о надзирателях за тем или иным видом сельскохозяйственного и ремесленного производства, за той или иной группой производителей материальных благ. Чиновники-наблюдатели зачастую названы просто по именам, в других случаях тексты табличек сообщают их титулы.

Употребительный в пилосских и кносских табличках термин *da-mo* (ср. δῆμος с общим значением 'народ') не находит в существующих контекстах полного разъяснения, хотя некоторые важные аспекты применения связанных с ним обозначений административно-хозяйственного характера получают освещение благодаря анализу зафиксированных ситуаций его употребления. Так или иначе, в ряде случаев *da-mo* выступает в роли коллективного владельца общественной земли и коллективного администратора. Определенное отношение к осуществлению статуса *da-mo* имел, судя по всему, *da-mo-ko-ro* — чиновник, назначаемый царем (он известен и в Пилосе, и в Кноссе).

В сложном вопросе о возможности общинного устройства ахейских поселений — единиц, составлявших государственный организм, разрешение которого весьма затруднительно при нынешнем состоянии источников, наиболее обоснованной представляется та точка зрения, согласно которой "тексты линейного письма В не противоречат положению о существовании общины в Пилосе, однако они не дают конкретных данных о функционировании этой системы"¹¹, и все же

¹¹ Там же. С. 266.

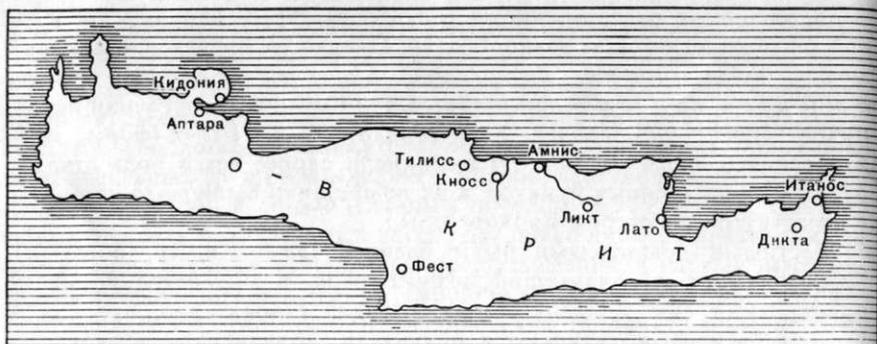

Рис. 16. Города Крита, упоминаемые в кносских табличках линейного В.

”свидетельство существования общины можно усматривать в том, что в податных документах дворец опирался на селение как на единое целое, селение выставляет на военную службу определенное число людей”¹².

Намного больше из табличек линейного В удалось узнать о том, какие именно населенные пункты с их округой входили в государственную территорию двух лучше всего знакомых нам по их хозяйственным архивам ахейских царств — Кносского и Пилосского, и тем самым очертить границы владений *wa-na-ka* Кносса и *wa-na-ka* Пилоса.

Из упоминаемых в табличках кносского дворцового архива топонимов значительную часть удается отождествить с теми, которые известны по письменным источникам более позднего времени и надежно локализируются на Крите в I тыс. до н.э. Это прежде всего Кносс (*Knossos*, ср. Κνωσός, Κνωσσός), бывший, согласно эллинской исторической традиции, столицей Крита и в самый древний (т.е. еще минойский) период и в ахейское время (по крайней мере до Троянской войны). Другие подотчетные кносской царской канцелярии критские города, из числа идентифицируемых с существовавшими в эпоху дорийского господства, обнаруживаются по всему острову: в центре Крита — Амнис (*Amni-so*, ср. Ἀμνισός), Дикта (*Di-ka-ta-de*, ср. Δίκη), Ликт (*Ru-ki-to*, ср. Λύκτος) и Тилисс (*Tu-ri-so*, ср. Τυλισσός); на востоке — Лато (*Ra-to*, ср. Λατώ) и Итанос (*U-ta-no*, ср. Ἰτανός); на юге — Фест (*Pa-i-to*, ср. Φαιστός); на западе — Аптара (*A-pa-ta-wa*, ср. Ἀπτара) и Кидония (*Ku-do-ni-ja*, ср. Κιδωνία). Отсюда неизбежно следует вывод о том, что власть *wa-na-ka*, имевшего резиденцию в Кноссе, распространялась на весь остров Крит (см. рис. 16). О высокой степени централизации политической и экономической власти в общекритском масштабе, установленной кносскими правителями во второй половине XV в. до н.э., по сравнению с предшествующим периодом свидетельствует отсутствие отдельных дворцовых

¹² Полякова Г.Ф. Некоторые черты социально-экономического устройства греческих обществ II тысячелетия до н.э. // Античная Греция. Проблемы развития полиса. М., 1983. Т. 1. Становление и развитие полиса. С. 88.

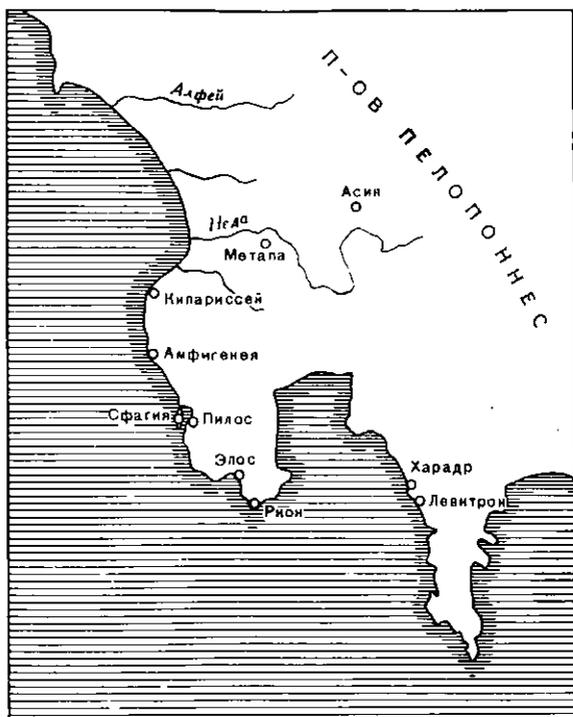

Рис. 17. Города Юго-Западного Пелопоннеса, упоминаемые в пилоских табличках линейного В.

хозяйственных архивов в тех крупных городах острова, где в минойское время они имелись.

На табличках пилоского архива чаще всего фигурирует название самой столицы (*Пи-го*, ср. Πύλος). Остальные топонимы, обнаруживаемые в этих хозяйственных записях, во многих случаях удается достаточно убедительно локализовать в пределах области Мессении (на юго-западе Пелопоннеского полуострова), где находился Пилос, или в непосредственной близости от ее границ (см. рис. 17). Поселения, названия которых сопоставимы с упоминаемыми у Гомера и его комментаторов, в "Географии" Страбона (I в. до н.э.) и "Описании Эллады" Павсания (III в. н.э.), а также в древнегреческих надписях, располагались главным образом вдоль морского побережья. На самой береговой линии стояли Кипариссей (*Ku-pa-ri-so*, ср. Κιπαρισσῆεις), Амфигеня (*A-pi-ke-ne-a*, ср. Ἀμφίγενεια), столица Пилос и располагавшаяся против него на маленьком острове Сфагия (*Pa-ki-ja*, ср. Σφαγία), Элос (*E-re-e*, ср. Ἔλος), Рион (*Ri-jo*, ch. Ῥίον), Харадр (*Ka-ra-do-ro*, ср. Χάραδρος) и Левктрон (*Re-u-ko-to-ro*, ср. Λεῦκτρον). На некотором удалении от моря, вверх по течению реки Неды (*Ne-do-wo-to*, ср. Νέδα, ср. πилоских табличек) находились Метapa (*Me-ta-pa*, ср. Μετὰ Πα) и Асия (*A-si-ja-ti-ja*, ср. Ἀσία — на границе Мессении и Аркадии).

Как видим, границы владений *wa-na-ka* Пилоса прослеживаются не столь хорошо и точно, как пределы Кносского царства конца XV в. до н.э. Но все же не приходится сомневаться в том, что и здесь государственная территория в основном не выходила за рамки тех естественных рубежей, которые и в более поздние времена ограничивали с севера и востока Мессению, омываемую с юга и запада морем.

Зато в записях на табличках линейного В, найденных в Пилосе, особенно ясно обнаруживаются признаки постоянного и строгого административного надзора за производственной деятельностью различных групп населения страны. Со всей очевидностью по текстам инвентарных табличек выявляется ведущая организаторская роль дворца в хозяйственной жизни пилосского общества. Под контролем государства, согласно документам дворцового архива Пилоса, находилось ремесленное производство различных видов, включая распределение сырья и произведенной из него продукции, а также учет количества квалифицированной рабочей силы, имеющейся в наличии или отсутствующей, что находит себе параллели на древнем Востоке (Ур времени III династии и Алалах). Судя по тексту таблички E_q 213, дворец осуществлял контроль над пахотными землями в разных районах государственной территории. На достаточно высокую степень централизованности Пилосской державы указывает ее военная организация, отраженная в документах линейного В (см. ниже § 8).

Функционирование разработанной в масштабах всего государства (в Пилосском и Кносском царствах) системы налогообложения подразумевало, как видно, выявление и обязательное покрытие обнаруживавшихся недоимок. Налоговые документы образуют ряд серий среди пилосских и кносских табличек (ср. серии Ma, Mc, Na, Nc). Принцип построения записей в них предельно прост и ясен: после названия населенного пункта приводятся идеограммы взимаемых с населения в качестве подати натуральных продуктов и числовые обозначения их ожидаемых количеств, затем указывается действительный объем состоявшихся налоговых поступлений и имеющаяся недостача. В ряде случаев фиксируется освобождение от налогов тех или иных групп податного населения. Это, как правило, лица, связанные по роду своей деятельности с материальным обеспечением армии (строители кораблей, кузнецы) или непосредственно несущие воинскую службу (в частности, в качестве гребцов на военных судах или воинов в отрядах, расквартированных в приграничных районах). В дворцовых канцеляриях Кносса и Пилоса для обозначения главных показателей в налоговой документации использовались одни и те же термины: 'уплата' (*a-pu-do-si*, ср. ἀπόδοσις) и 'задолженность' (*o-pe-ro*, ср. ὀφελος).

Детальная специализация терминологии и повсеместное наличие в текстах хозяйственных табличек твердо устоявшихся лапидарных формул говорят о том, что система ведения отчетности, которой пользовались писцы-ахейцы дворцовых канцелярий Пилоса и Кносса, отличалась большой разработанностью и это ставит ахейские державы в один ряд с современными им древневосточными государствами.

5. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Основой экономики ахейских государств было, согласно свидетельствам текстов линейного письма В, достаточно высоко развитое сельское хозяйство. В земледелии важнейшее место занимало выращивание злаков, из которых в рационе греков II тыс. до н.э. доминировали пшеница и ячмень. Из-за того, что писцы — составители документов хозяйственной отчетности зачастую обозначали многие учитываемые виды припасов с помощью одних только идеограмм, без параллельного фонетического послогового написания наименований, идентифицировать их во многих случаях весьма затруднительно. Два знака линейного В — идеограммы 120 и 121 — принято в настоящее время считать обозначениями соответственно пшеницы и ячменя (однако пока нельзя полностью исключить для них и возможность обратного отождествления). Оба они постоянно фигурируют в списках отпускаемых из дворцовых кладовых продуктов питания и стоят всегда в рационах на первом месте. Тот и другой могут сочетаться с термином *si-to* — 'зерно, хлеб' (ср. *σῖτος*). Хорошо известное греческое наименование ячменя опознается также в слове *ki-ri-ta* (ср. *κρίθῆ*).

Вполне надежна идентификация идеограммы 131 как означающей 'вино', так как этот знак присутствует на оттисках печатей из винного склада Пилосского дворца. Само культивирование винограда и приготовление из него вина на юге Балкан во II тыс. до н.э. в принципе не вызывали сомнений и раньше. Но теперь они документально засвидетельствованы благодаря весьма убедительному толкованию слова *wo-no* текстов линейного В как *woinos* — 'вино' (ср. *οἶνος*). К тому же на кноских табличках обнаруживается кличка быка *Wo-no-ḡo-so* — 'Виноцветный', т.е. 'гнедой' (*Οἶνοψ*, ср. гомеровское выражение *βοῦς οἶνοψ* — 'бык гнедой'), дополнительно подтверждающая существование самого напитка и соответствующего термина для его обозначения в микенском диалекте греческого языка.

Помимо хлебных злаков в рационе питания постоянно присутствовали оливки (идеограмма 122) и фиги (*su-za = sutsai*, ср. *συχέα*; идеограмма 30, использовавшаяся в ином контексте как слоговой знак). В садах, где росли деревья, дававшие эти плоды, насчитывались, как видно из табличек линейного В, сотни олив (идеограмма 176) и смоковниц (идеограмма 175). Уход за ними обеспечивали специалисты-садоводы (ср. упоминание в табличках *o-pi-su-ko = opisukoi* — 'надзирающих за смоковницами'). Оливковое масло (идеограмма 130¹³) не только употреблялось в пищу. Оно применялось при изготовлении мазей (*a-re-pa = aleiphar*, идеограмма-лигатура 133) и служило приношением богам. Хотя мед (*me-ri*, ср. *μέλι*; идеограмма-лигатура 135) известен по текстам табличек только в этом последнем качестве, он был наверняка желанным лакомством и для людей. Его сбором занимались бортники (*me-ri-te-wo*, ср. *μελισσέως*).

Идеограммы других видов плодов и фруктов, а также бобовых культур (их выращивание греками-ахейцами засвидетельствовано ар-

¹³ Этот знак, так же как и упомянутые выше идеограммы 'пшеница', 'ячмень', 'вино', 'олива' и 'фига', употреблялся уже в критском линейном письме А.

хеологически) пока не опознаны. Зато в текстах из Кносса, Пилоса и Микен представлен широкий ассортимент пищевых приправ: кориандр (*ko-ri-a₂-da-na*, ср. *κορίαννον*), кардамон (*ka-da-mi-ja*, ср. *κάρδαμον*), сельдерей (*se-ri-no*, ср. *σέλινον*), тмин (*ku-mi-no*, ср. *κύμινον*), кипер (*ku-pa-ro₂*, ср. *κύπερον*; идеограммы 124 и 125), укроп (*ma-ra-tu-wo*, ср. *μάραθον*), мята (*mi-ta*, ср. *μίνθα*), болотная мята (*ka-ra-ko*, ср. *γλάχων*), сафлор (*ka-na-ko*, ср. *κνακός, κνήκος*), сезам (*sa-sa-ma*, ср. *σῆσαμα*). Важной технической культурой в пилосском растениеводстве был лен (*ri-no*, ср. *λίνον*), шедший на изготовление тканей.

Из домашних животных в перечислениях на табличках линейного В встречаются бык и корова (идеограмма 109), лошадь и жеребенок (*i-fo*, ср. *ἵπλος*, и *po-lo*, ср. *πῶλος*; идеограмма 105), осел (*o-no*, ср. *ὄνος*)¹⁴, овца (идеограмма 106), коза (идеограмма 107) и свинья (идеограмма 108). Идеограммы особей того и другого пола несколько отличаются друг от друга (при транслитерации текстов табличек такие варианты идеограмм помечаются дополнительными латинскими литерами, указывающими на пол животного: f — *femininum*, m — *masculinum*; см. рис. 12). Пасли стада различных видов скота лица, обозначенные соответствующими терминами: *qo-u-ko-ro* (ср. *βουκόλος*) и *qo-qo-ta* (ср. *βουβότης*) — ‘волопас’, *po-me* (ср. *ποιμήν*) — ‘овчар’, *ai-ki-pa-ta* (ср. *αἰγίπάτης*) — ‘козопас’, *su-qo-ta* (ср. *συβότης*) — ‘свинопас’. В табличках говорится о многочисленных стадах овец и коз. Приставленные к ним пастухи были подведомственны особым лицам, которые осуществляли надзор за содержанием стад и регулярно собирали для дворцовых нужд положенное количество живого скота, настриженной шерсти и шкур.

Свиноводство также было развито. В хозяйственных записях отдельно учитывалась, по-видимому, особо ценная категория “откормленных боровов” (*si-a₂-ro*, ср. *σίαλος*, с идеограммой 85 — ‘свинья’). Меньше имеется упоминаний о крупном рогатом скоте, но в списках пар упряжных быков приводятся даже клички животных: Быстроногий (*Po-da-ko*, ср. *Πόδαργος*), Проворный (*Ai-wo-ro*, ср. *Αἰώλος*) и т.п. Еще реже в табличках линейного В говорится о лошадях. Однако боевые колесницы, которые не могли использоваться без них, занимают видное место среди вооружения, хранившегося в дворцовых арсеналах и инвентаризированного ахейскими писцами. В табличках упоминаются конюхи (*i-po-po-qo-i*, ср. *ἵπλοφορβός*) и колесничие (*a-ni-o-ko*, ср. *ἀνίοχος*).

Г.Ф. Полякова, специально изучавшая надписи серии Сп из Пилоса, попыталась восстановить картину организации животноводства в Пилосском государстве¹⁵. Проанализировав вариации численности и качественный состав стад (прежде всего, овечьих отар), принципы их территориального размещения и точного учета, исследовательница пришла к убеждению, что эта организация была ориентирована на распределение животных группами с определенным числом

¹⁴ В инвентарных списках лошади и ослы могли обозначаться одной и той же идеограммой (как в равной степени ездовые животные) и лишь сопроводительная надпись, выполненная слоговыми знаками, разъясняет в таком случае, какие именно из этих упряжных животных учитываются в соответствующих рубриках инвентарных списков.

¹⁵ Полякова Г.Ф. Социально-политическая структура пилосского общества. С. 177—212.

голов в каждой по нескольким населенным пунктам под постоянным наблюдением и руководством некоего центрального органа (очень близкие и важные аналогии этому приводятся из хорошо известной скотоводческой практики средневековой Англии), в роли которого должен был, по всей видимости, выступать дворец, т.е. само государство, через своих специальных представителей — "организаторов производства". При этом собственником всего поголовья скота, учитываемого писцами, признается носитель верховной государственной власти (*wa-na-ka*), а правильное функционирование максимально высокопродуктивного животноводства обеспечивалось, следовательно, тем, что оно являлось организованным в государственном масштабе.

Животноводство давало ахейцам мясные и молочные продукты (в текстах линейного В упоминаются сыры — *tu-ro₂*, ср. *τυρός*). Оно же снабжало сырьем ремесленников, прежде всего кожевников и сукновалов. Мясо и шкуры давала также охота на диких зверей. Так, встречаемая на табличках идеограмма 104, имеющая вид рога той головы оленя, обозначает, судя по всему, оленью тушу. А в одном из пиловских документов упоминается изделие из оленьей шкуры (*e-ra-pe-ja*, ср. соответствующее прилагательное *ἐλάφειος*). Термин "охотник" (*ku-na-ke-ta-i* — дат. п. мн. ч., ср. *κυναγέτας* — буквально "проводник собаки") подразумевает использование охотничьих собак, хорошо засвидетельствованное и в сюжете микенского искусства. Домашние и дикие птицы, рыба и другие дары моря, несомненно, дополнявшие рацион питания ахейцев, в известных к настоящему времени документах дворцовых архивов не представлены.

Тот факт, что, по взаимно дополняющим друг друга данным археологии и письменного источника — памятников линейного письма В конца XV—XIII вв. до н.э., в качестве основы экономики передовых ахейских государств периода их расцвета оказывается существование развитого и достаточно высокопродуктивного скотоводства и земледелия, предполагает наличие значительных по площади угодий, используемых под выпас и пашню, с соответствующей практикой их использования. Таблички серии E, касающиеся учета земельных участков и получаемой с них в виде зерна сельскохозяйственной продукции, послужили исходным материалом для попыток реконструировать сложную картину аграрных отношений в Пиловском государстве (документов же из кносского архива, относящихся к землевладению и землепользованию, известно пока совсем немного).

Тексты серии E информируют о ситуации в различных пунктах Пиловского царства, но система аграрных отношений, фиксируемая повсюду писцами, как и сам способ этой фиксации, обнаруживают несомненное единство. Как удалось установить, здесь имелись два основных вида земельной собственности, упоминаемых в табличках линейного В. Это *ko-to-na ki-ti-me-na* и *ke-ke-me-na ko-to-na* — земля "частная" и земля общинная или общественная, причем используемый в указанных словосочетаниях термин *ko-to-na* (ср. *κτοίνα*) без соответствующего пояснения мог обозначать лишь просто "участок земли". Для детализации этой, весьма общей картины большое значение имеет выявление терминологической системы, применявшейся

писцами при составлении кадастровых и инвентарных списков. Доскональный разбор вариантов формул записи владения и аренды различных категорий земли показывает, как тот или иной характер держания земельных наделов мог отражаться в способах их канцелярского описания.

Не вызывает сомнений единство терминологической лексики внутри стереотипных формулярных схем типа "личное имя — общественный статус названного лица или его профессия — вид участка и принадлежность его к определенной категории земельной собственности — указание на владельца земли, предоставившего ее в пользование (частное лицо или "народ") — количество зерна" и т.д. Зачастую общественная земля предоставлялась в пользование отдельным лицам (иногда сразу целой группе лиц), что делалось *pa-ro da-mo* — 'от народа'. Арендовались и земельные участки *ko-to-na ki-ti-me-na* у частных лиц. В целом система аренды оказывается довольно сложной.

Многие пиломские таблички содержат записи о том, сколько пшеницы высевалось на различных полях. При этом выявляется метод регистрации размеров посевных площадей через количество идущего на них семенного зерна, весьма схожий с применявшимся для той же цели в древней Месопотамии. Правда, точно определить абсолютную величину официально фиксированного рации, использовавшегося при составлении этих кадастровых записей, пока не удастся.

Очень интересные данные о характере землепользования в Пилосе получила, например, Г.Ф. Полякова¹⁶ при рассмотрении документов, связанных с владением и арендой участков *ka-ma*, входящих в категорию *ke-ke-me-na*¹⁷. Присутствие в этих документах специальной "формулы долженствования" ясно указывает на существование особого рода административного контроля за проведением всех необходимых агротехнических мероприятий на учитываемых землях с целью предотвращения любых потерь урожая по небрежности владельца или арендатора. Такая практика официальной юридической защиты важнейшего экономического достояния государства — пахотной земли от всевозможных проявлений преступной бесхозяйственности находит себе близкие параллели в знаменитых древневавилонских законах Хаммурапи (XVIII в. до н.э.).

Проведенный той же исследовательницей текстологический анализ надписи Eq 146 приводит ее к убедительному выводу о том, что слово *ko-ro* в тексте является обозначением земли, находящейся во владении теретов, соответствует греческому *χῆρος*. Сами же тереты (*te-re-ta = telestai*¹⁸) безусловно предстают перед нами в качестве некоего слоя земельных собственников с правами держателей земли и конкретными экономическими обязательствами по отношению к цен-

¹⁶ Там же. С. 68—85.

¹⁷ К той же категории общественной земли принадлежала и земля, называемая *e-to-ni-jo*.

¹⁸ От встречающегося в тех же табличках глагола *te-re-ja-e* со значением 'выполнять' (определенные условия или требования).

тральной власти. Стараясь выяснить, имелись ли различия между статусами двух групп землевладельцев — теретов и камаевсов (*ka-ma-e-i* — единственное число), Г.Ф. Полякова с помощью скрупулезного анализа приходит к выводу, что камаевсы (а среди них были и "рабы бога") по своим обязанностям перед государством скорее всего были связаны с земледержанием только одного определенного типа — обладанием землей *ka-ma* (ср. *ḫaṣā — "земля", к которому восходит гомеровский локатив *ḫaṣāi*), в то время как тереты несли государственные повинности, по-видимому, вне зависимости от принадлежности их земельных участков к той или иной категории¹⁹.

Раскрыть значение термина *e-re-mo*, как выражающего отсутствие надлежащей обработанности почвы, вновь помогает обращение к некоторым статьям Законов Хаммурапи, касающимся правил аренды земли. Не вызывает теперь сомнений и основанная на тщательном изучении соответствующих контекстов интерпретация других терминов табличек серии E: *wo-ro-ki-jo-ne-jo* (по отношению к земле — 'обработанная', 'обрабатываемая' или 'подлежащая обработке'), встречающегося в сочетаниях *wo-ro-ki-jo-ne-jo ka-ma* ('земля, находящаяся во владении лиц, выполняющих требуемые от них по статусу обязательства') и *wo-ro-ki-jo-ne-jo e-re-mo* ('запущенная и потому более трудная для обработки земля'); *ko-to-no-o-ko* и *a-ko-to-no* (указывают на то, что поименованное в записи лицо является или не является владельцем участка типа *ko-to-na*, причем принадлежность последнего к одной из возможных категорий земли, "частной" или общественной, во внимание не принимается); *o-na-to* (аренда, держание земли *ko-to-na* и *ka-ma*) и *o-na-te-re* (ед. — *o-na-te*; применяется по отношению к арендаторам земли любого вида); *a-no-no* (обозначает землю, 'не сдаваемую в пользование').

Суммируя результаты рассмотрения документов дворцового архива Пилоса (см. рис. 18), Г.Ф. Полякова выделяет три важных момента, характеризующих пилосское общество второй половины II тыс. до н.э. Во-первых, земельные отношения эволюционировали здесь в сторону не развития частного землевладения в противовес общинному, а наступления государственной власти, установившей свое верховное право собственника на всю землю. Во-вторых, определение социального статуса лиц, как оно отразилось в терминологической системе табличек линейного В, связанных с аграрными отношениями, опирается прежде всего на критерий качественный, а не только количественный; т.е. принадлежность конкретного индивидуума к той или иной категории людей определяется юридически, исходя из факта владения им землей какого-либо типа, а не просто обладанием земельной собственностью неких размеров. В-третьих, анализ способа ведения отчетности не оставляет сомнений в общегосударственном

¹⁹ Ранее ученые предлагали различные толкования термина *te-re-ta*, считая их то феодальными баронами, то главами родовых коллективов, то жрецами, то должностными лицами — сборщиками налогов. Однако один из пилосских текстов (Un 718) недвусмысленно свидетельствует о том, что тереты входили в состав *da-mo* ('народа').

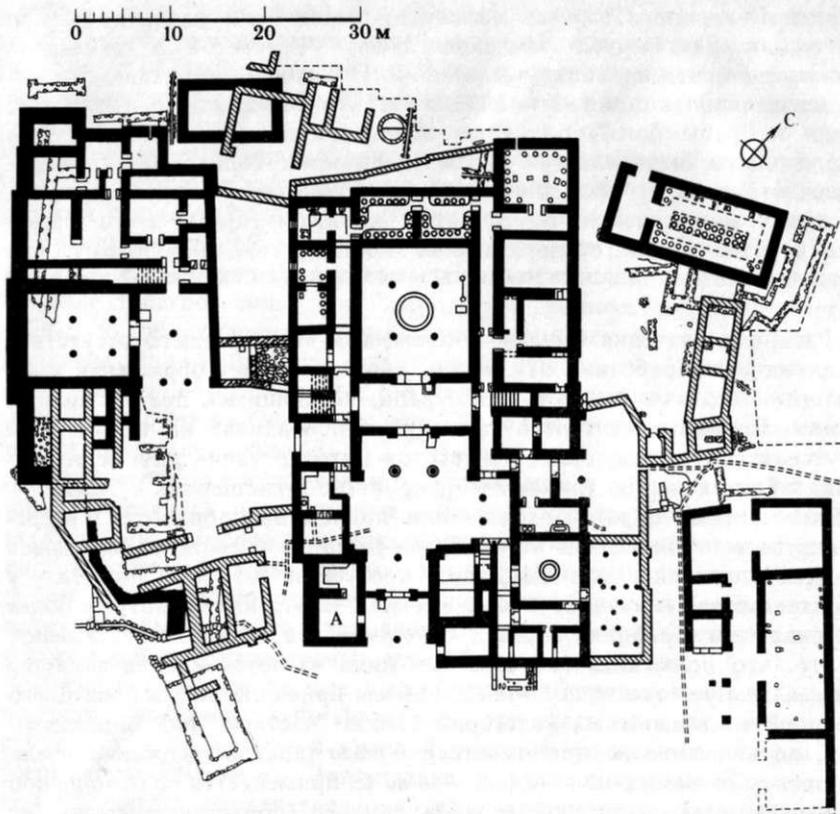

Рис. 18. Дворец в Пилосе (XIII в. до н.э.). План Буквой А обозначено помещение, где размещался архив.

(дворцовом) характере зафиксированного в ней принципа организации хозяйства, при котором государство в лице царя выступает в качестве верховного собственника земли и главного распорядителя материальных ценностей.

6. РЕМЕСЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Обильную информацию дали таблички линейного письма В о ремесленном производстве в ахейских государствах конца XV—XIII вв. до н.э. Выяснилось такое разнообразие его видов, о котором нельзя было составить представление по одним лишь доступным ранее ученым археологическим материалам. Обращает на себя внимание большое число упоминаемых в табличках (особенно из Пилоса) названий ремесел и отдельных профессий ремесленников. Их идентификация с соответствующими терминами, употреблявшимися в греческом языке I тыс. до н.э., позволяет убедиться на конкретных примерах в том, что труд ахейских мастеров отличала весьма высокая степень специализации. Личные имена в учетных списках до-

кументов линейного В во многих случаях сопровождаются указаниями на род занятий перечисляемых лиц.

К представителям исключительно мужских профессий следует отнести прежде всего лесорубов (*du-ru-to-mo*, ср. δρυτόμος), плотников (*te-ko-to-ne*, ср. τέκτονες), каменщиков (*to-ko-do-mo* = *thoikhodomoi*), кораблестроителей (*na-u-do-mo* = *naudomoi*), изготовителей луков (*to-ko-so-wo-ko* = *toxoworgoi*), оружейников (*e-te-wo-ko* = *enteworgoi*). В ряд специалистов по обработке металла входили медники (или, точнее бронзокузнецы — *ka-ke-u*, ср. χαλκεύς), ножовщики (*pi-ri-je-te*, ср. πριότηρ). В записях на табличках говорится о следующих металлах: меди (т.е. бронзе — *ka-ko*, ср. χαλκός; см. также идеограмму 140), свинце (*mo-ri-wo-do*, ср. μόλιβδος), серебре (*a-ku-ro*, ср. ἄργυρος), золоте (*ku-ru-so*, ср. χρυσός; идеограмма 141) и, возможно, железе (*pa-ra-ku*, сопоставляемое с хеттским *ha-pal-ki*). Производство предметов роскоши было делом златокузнецов (*ku-ru-so-wo-ko* = *khrusoworgoi*, ср. χρυσοουργός), изготовителей "киана" (*ku-wa-no-wo-ko* = *kuanoworgoi*), мазеваров (*a-re-pa-zo-o* = *aleiphazoōi*). В текстах линейного В упоминаются также гончары (*ke-ra-me-u*, ср. κεραμεύς), плетельщики сетей (*de-ku-tu-wo-ko* = *dektuworgoi*) и изготовители кресел (*to-ro-no-wo-ko* = *thronoworgoi*).

Номенклатура обиходных вещей из дерева, металла и керамики весьма разнообразна: столы (*to-pe-za* = *torpedza*, ср. τράπεζα), стулья или кресла (*to-no* = *thornos*, ср. θόρναξ, θρόνος), скамеечки для ног (идеограмма 220; *ta-ra-nu*, ср. θρήνυς), ложа (идеограмма 169), кастрюли-фиалы (идеограмма 200; *pi-a₂-ra*, *pi-je-ra₂*, ср. φιάλη), чайники (идеограмма 213; *i-po-no*, ср. ἰπνός), котлы-треножки (идеограмма 201; *ti-ri-po*, ср. τρίπος), горшки с четырьмя ушками (вариант идеограммы 202; *di-pa qe-to-ro-we* = *dipas q^uet^rōwes*, ср. δέλας — большой сосуд, упоминаемый в эпосе), горшки с тремя ушками (вариант идеограммы 202; *di-pa ti-ri-jo-we* = *dipas triōwes*), горшки без ушек (вариант идеограммы 202; *di-pa a-no-we* = *dipas anōwes*), двуручные сосуды для вина (идеограмма 203; *qe-to*, ср. πίθος), большие одноручные кувшины (идеограмма 204; *qe-ra-na*), малые одноручные кувшины (идеограмма 205; *a-te-we*), трехручные сосуды типа позднейшей греческой гидрии (идеограмма 206; *ka-ti*, ср. κάθιδος — аркадское диалектное название гидрий), амфоры обычного типа (идеограмма 209; *a-pi-po-re-we*, *a-po-re-we*, ср. ἀμφιφορεύς, ἀμφορεύς), амфоры на трех ножках (идеограмма 207; *ku-ru-su-pa₃*), амфороподобные сосуды (идеограмма 210; *ka-ra-re-we*), чаши (идеограмма 208), сосуды типа кратеров (идеограмма 211; *po-ti-...-we*), ведра для воды (идеограмма 212; *u-do-ro* = *hudroi*, ср. ὕδρος) и т.д.

Встречаются в инвентарных списках и подробные описания ремесленных изделий, отличавшихся высокими художественными достоинствами и богатством декорировки (например, кресел с резными спинками из слоновой кости и скамеечек для ног, украшенных изображениями людей и животных).

Изготовление тонких тканей возлагалось целиком на женщин-работниц — чесальщиц (*pe-ki-ti-ra₂* = *pekt^riai*), прях (*a-ra-ka-te-ja* = *alakateiai*) и ткачих (*i-te-we* = *histēwei*). Специальные термины существовали для

обозначения изготовительниц льняных (типа *ri-ta pa-we-a = pharwea*) и иных особого вида тканых изделий: *ri-ne-ja (=lineiai)*, *a-pu-ko-wo-ko (=ampukworgoi* — изготовительницы головных повязок, ср. ἄμυκος), *e-ne-re-ja*, *o-nu-ke-ja*, *te-pe-ja*. Валяльщики шерсти (*ka-na-pe-u*, ср. κναφεύς) были всегда мужчинами. Швейных дел мастера встречаются обою пола (*ra-pte*, ср. ῥαπτῆς, и *ra-pi-ti-ra₂*, ср. ῥαπτρία). Однако одежды (*ki-to*, ср. χιτών; *u-po-we*, ср. ὑποέστης и др.) изготавливали, видимо, только женщины-швей. Предполагается, что мужчины-швейцы занимались шитьем не одежд из тканей, а различных изделий из кожи (в первую очередь, принадлежность конской экипировки и прочей упряжи, инвентарные списки которых также находились в дворцовых архивах). Сырьем для кожевенного производства служили шкуры различных домашних и диких животных — свиньи, овечьи, козы, олени.

Молоди зерно и занимались его выдачей ("отмериванием") женщины (*me-re-ti-ra₂*, *me-re-ti-ri-ja = meletriai* и *si-to-ko-wo = sitokhowoi*), выпечкой хлеба — мужчины (*a-to-po-ḡo*, ср. ἄρτοκόπος). Среди разного рода служителей во дворце и у частных лиц встречаются: посыльные (*a-ke-ro*, ср. ἄγγελος), глашатаи (*ka-ru-ke*, ср. κήρυξ), погонщики волов (*ze-u-ke-u-si*, ср. ζευγῖται) и банщицы (*re-wp-to-ro-ko-wo = lewotrokhowoi*, ср. λοετροχόος) и служанки (*a-pi-ḡo-ro*, ср. ἀμφίπολος). В *pu-ka-wo (= purkawoi*, ср. πурκαεύς), которых исследователи сначала принимали за истопников, теперь скорее можно видеть хранителей священного огня. Таблички говорят также об "изготовителях смесей" (*mi-ka-ta*, ср. *μίκτας). Из представителей свободных профессий упоминается врач (*i-ja-te*, ср. ἰατήρ).

Естественно, существовали очень значительные различия в юридическом и социальном статусе тех или иных групп ремесленников. В некоторых отраслях ремесленного производства применялся, насколько можно судить по документам дворцовых архивов, подневольный труд. Так, несомненно, были рабынями женщины, занесенные в рационные списки Кносского и Пилосского дворцов и занятые главным образом на различных операциях в процессе изготовления тканей. Низкий статус представителей ряда профессий был связан как с самим характером выполняемого ими труда, тяжелого и малоквалифицированного, так и со специфическими формами его организации в дворцовых мастерских. Только под строгим и неусыпным контролем дворца могла осуществляться, в частности, обработка шерсти, настриженной одновременно примерно со 100 000 овец, как определил по кносским табличкам английский исследователь Дж. Киллен.

Ремесленники других специальностей, более ответственных и "престижных" (например, златокузнецы или строители колесниц), разумеется, не должны были принадлежать к социальным низам ахейского общества. Мастера могли иметь помимо своей основной профессии и другие источники существования или дополнительных доходов. Так, многие пилосские ремесленники известны по хозяйственным табличкам и как землевладельцы. О том, что часть мастеров постоянно обслуживала непосредственные нужды дворца, говорит их именование "царскими" (*wa-na-ka-te-ro = wanakteros*). Среди них, как и

следовало ожидать, оказываются те, кто был занят изготовлением различных видов вооружения для царского войска. Таковы, к примеру "оружейники" (*e-te-do-mo*), строители колесниц и колесники (*a-mo-te-wo*, ср. *harmotēwos* и *harmosīēwos*). Есть упоминание и о существовании в Пилосе специальной мастерской, где делались колесницы (*a-mo-to-jo-na-de* = *harmoteiōna-de*). Известны и мастера, работавшие на лавагета (*ra-wa-ke-si-jo* = *lāwāgesios*).

Остальных лично свободных ремесленников, надо полагать, кормило "собственное дело", которым они смогли обзавестись и которое ориентировалось на общий рынок. При этом децентрализованный характер труда мастеров многих ремесленных специальностей не вызывает сомнений (он естествен, например, для гончаров). Особенно очевиден он по содержанию табличек, сообщающих о выдаче для выполнения сдельной работы кузнецам определенного количества сырья (ср. пилосскую серию Jn).

Технология изготовления некоторых видов изделий ремесла была сложной и трудоемкой, требовала использования различных материалов. Таблички с инвентарными списками колесниц и мебели перечисляют в данной связи целый ряд древесных пород — иву (*e-ri-ka*, ср. ἔλικη), кипарис (*ku-pa-ri-se-ja* = *kuparisseia* — 'сделанные из кипариса, кипарисовые', ср. гомеровское *κυπαρίσσινος*), черное дерево (*ku-te-so*, ср. κύτινος), тис (*mi-ra₂*, ср. μίλαξ), вяз (*pe-te-re-wa*, *pte-re-wa* = *ptelewās*, ср. *πτελέφα), самшит (*pu-ko-so*; ср. πύθος) и некий "скиндапс" (*ki-da-pa*, ср. σκινδαψός — деревянный струнный музыкальный инструмент), а также рог (*ke-ra-ja-pi* = *keraiāphi* — 'сделанный из рога', ср. κεράος), слоновую кость (*e-re-pa*, ср. ἔλεφας) и "киан" (*ku-wa-no*, ср. κύανος) — стеклянную пасту синего цвета, имитирующую лазурит.

7. ТОРГОВЛЯ И ВНЕШНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

Главные свидетельства о торговом обмене на территории Греции II тыс. до н.э., а также об интенсивности и конкретном составе товарооборота между ахейскими государствами и их соседями дает археология. Большое количество предметов раннегреческого происхождения обнаружено при раскопках во всех районах Восточного Средиземноморья (на севере Балкан, в Малой Азии, на сирийско-финикийском побережье, в Египте, Италии и Сицилии). Достаточно многочисленны и находки привозных изделий, сделанные в различных пунктах на греческом материке и островах Эгейского моря.

Однако прочтенные таблички линейного письма В сообщают дополнительно некоторые интересные детали о торгово-экономических связях ахейцев. На одной из табличек пилосского архива (Ta 641) упоминаются котлы-треножки с пояснением, что они были *ke-re-si-jo we-ke* (= *krēsīowergēs*), т.е. "критской работы, критского стиля исполнения". В других случаях говорится о получении Кносским дворцом отдельных видов изделий (колесниц, тканей) из иных городов острова Крит. Правда, здесь речь идет скорее о доставке положенных по специальной разрядке одновременных натуральных взносов или регулярных государственных податей.

Зато встреченные в документах линейного В наименования рабынь, образованные от названий областей и городов (возможно, ахейских колоний) на западном побережье полуострова Малая Азия — *A-swi-ja* (= *Aswiai*, ср. *Ἀσία* — позднейшая Лидия), *Ki-ni-di-ja* (= *Knidiai*, ср. *Κνίδος* — Книд, город в Карию), *Mi-ra-ti-ja* (= *Milätiai*, ср. *Μίλατος*, *Μίλητος* — Милет, город в Карию), *Ra-mi-ni-ja* (= *Lämniai*, ср. *Λάμνος*, *Λῆμνος* — Лемнос, одноименные остров в северной части Эгейского моря и город на нем), *Ze-pu₂-ra₃* (= *Dzephurai*, ср. *Ζεφυρία* — Зефирия, город в Карию, позднее называвшийся Галикарнас) — свидетельствуют, как считают, о роли последних как торговых факторий и центров работоторговли. Появление личных имен Киприй (*Ku-pi-ri-jo* = *Kuprios*, ср. *Κύπριος*) и Египтий (*Ai-ku-pi-ti-jo* = *Aiguptios*, ср. *Αἰγύπτιος*) у жителей Ахейской Греции указывает если и не на прямые связи, то как минимум на знакомство греков с островом Кипр и Египтом под соответствующими названиями (*Κύπρος* и *Αἴγυπτος*) уже в эпоху поздней бронзы.

8. ВОЕННОЕ ДЕЛО. ОРГАНИЗАЦИЯ АРМИИ И ФЛОТА

Обширные складские помещения при дворцах ахейских владык были не только хранилищами всевозможных припасов и ремесленных изделий. Они служили также государственными арсеналами, где постоянно находились значительные запасы оружия и военных материалов. Хозяйственные документы дворцовых архивов фиксируют наличие в арсеналах различных видов вооружения, причем как в исправном состоянии, так и требующих ремонта. Иногда документация материально-технического снабжения военного ведомства ввиду ее особой важности хранилась в отдельном помещении (как это было со списками колесниц из Кносского дворца).

В табличках линейного В перечисляются отдельные предметы, входившие в обычный набор оружия и доспехов воина-ахейца. Шлем (идеограмма 191; *ko-ru-to*, ср. *κόρυτος*) состоял из мягкой основы, вероятно кожаной, с укрепленными на ней защитными металлическими пластинками (эти пластинки назывались *o-pa-wo-ta*). Матерчатую основу-подкладку имел прикрывавший тело чешуйчатый панцырь (идеограмма 163; *to-ra-ke* = *thōrākes*, ср. *θώραξ*). Руки защищали специальные нарукавники (*qe-ro₂* = *sq^uelion*; ср. *σπέλιον* = *ψέλιον*). В текстах табличек упоминаются два типа мечей — с широким клинком (идеограмма 233; *pa-ka-na* = *phasgana*, ср. *φάσγανον*) и с узким клинком (идеограмма 234; *qi-si-pe-e* = *q^usiphee*, ср. *ξίφος*), копья (идеограмма 230; *e-ke-a* = *enkheha*, ср. *ἔγχος*²⁰), стрелы (идеограмма 231) и дротики (*pa-ta-ja* = *paltaiā*, ср. *παλτόν*). Однако упоминаний о щитах и поножах, несомненно, употреблявшихся ахейскими воинами (судя по данным археологии и изображениям на памятниках искусства микенского времени), пока не встречено.

Легкая одноосная колесница (*i-qi-ja* = *hiqq^uia* — ‘лошадиная’, т.е. ‘лошадиная повозка’; *wo-ka* = *wokha* — ‘повозка’, ср. *ὄχηα*), как прави-

²⁰ На одной из кносских табличек записаны *e-ke-a ka-ke-re-a* (= *enkheha khalkareha*) — ‘копья с бронзовыми наконечниками’ в количестве 42 штук.

ло, запряженная двойкой лошадей, служила в мирное время для торжественных выездов при дворцовых церемониях и религиозных торжествах, а также как средство передвижения для представителей высшей ахейской знати. Но главная ее функция была, несомненно, военная. Изображение древнейшей греческой боевой колесницы имеется на известной стеле с рельефом из Микен (XVII—XVI вв. до н.э.). О двух способах использования на войне колесниц греками в ахейскую эпоху — их массивной атаке вражеского строя, подвозе ими на поле боя свежих воинов и эвакуации раненых — говорится и в гомеровском эпосе. Документы линейного В подтверждают факт широкого применения боевого колесного экипажа в военном деле греков-ахейцев, перечисляя во множестве комплектные колесницы (идеограмма 240), колесницы без колес (идеограмма 241), кузова колесниц (идеограмма 242), колеса (идеограмма 243; *a-mo=harmo* — ед. ч., *a-mo-te=harmote* — двойственное число, *a-mo-ta=harmota* — мн. ч.; ср. ἄρμα, ἄρματα — 'колесница' у Гомера).

Кносские таблички содержат списки целого колесничного подразделения, состоявшего из более чем 80 экипажей; причем каждый раз писец указывает имя снабженного латами воина, наличие у него колесницы с колесами и пары лошадей (панцирь конника, лошади, боевая повозка и ее колеса обозначаются в инвентарных списках с помощью соответствующих идеограмм). Помимо латника, на каждый экипаж приходился возничий. Из Пилоса происходят записи, учитывающие отдельно колеса от колесниц — годные, неисправные, "старые" и т.д. Там же функционировала и специальная мастерская по изготовлению колесниц (см. выше §6). Пилосские документы демонстрируют тесную связь организуемой центральной властью деятельности кузнецов, получающих металл из дворца для выполнения конкретных заказов, с оборонными мероприятиями государства.

К колесницам, судя по табличкам линейного В, имели прямое отношение должностные лица, обозначаемые термином *e-qe-ta* (ср. ἑλέτας), который вероятно означал буквально 'следующий по пятам, спутник' (ср. сходные по семантике слова: греч. ἑταῖρος и лат. *comes*, означавшие 'спутник царя, владыки, господина'²¹). По другим данным, эти "спутники" могли иметь рабов и земельные владения. По всей видимости, им была присвоена особая форма одежды (ткань для нее называлась *e-qe-si-ja*). Не исключена их связь с царским хозяйством и практикой отправления культа. В войсках же, по мнению большинства исследователей, им отводилась роль представителей центрального командования на местах или офицеров связи. О других ахейских военных предводителях различных рангов мы ничего не знаем.

Никаких конкретных сведений о том, кто осуществлял верховное руководство войсками, таблички линейного В также не дают. Лишь этимология упоминаемого ими второго по значению в государстве сановника — лавагета ("вождя народа, предводителя войска") застав-

²¹ Предлагалось также переводить слово *e-qe-ta* как 'всадник, колесничий' (ср. латинские *equus* — 'конь' и *eques* — 'всадник'). Но этому препятствует обстоятельство, что в микенских текстах слова "конь" (*i-qi*) и "колесница" (*i-qi-ja*) пишутся всегда только с начальным *i*.

ляет предполагать в нем главного военачальника в ахейских государствах (по крайней мере, в Кносском и Пилосском царствах).

Помимо обычных сухопутных сил в Пилосе засвидетельствованы специальные отряды для охраны побережья. Некоторые таблички содержат списки гребцов (до 400 и более), вероятно, для кораблей военного флота. Наибольший интерес в данной связи представляют документы серии An из Пилоса, связанные с *o-ka* — термином неясной этимологии, обозначающим скорее всего воинское подразделение. Интерпретацию данной группы табличек дал Л. Палмер (поддержанный многими другими учеными, в том числе Дж. Чздуиком), который видит в них свидетельство сложной и опасной для Пилосского государства военно-политической ситуации, сложившейся накануне его падения²². В этих табличках речь идет о наблюдении за морским побережьем и сборе военных отрядов (число воинов в них всегда кратно десяти).

Предлагались и другие трактовки табличек *o-ka* (например, как отражающих систему несения повинностей и сбора податей). Однако очевидный факт разрушения врагами дворца в Пилосе вскоре после составления известных нам документов линейного В и сообщения греческой мифолого-исторической традиции о дорийском завоевании Мессении через два поколения после Троянской войны (т.е. примерно около 1200 г. до н.э.) лучше всего согласуются с точкой зрения Палмера. В пользу последней говорит и текст таблички An 1, отмечающий сбор гребцов для отправки морской экспедиции в Плеврон (*Pe-re-u-ro-na-de*=*Pleurōna-de*, ср. Πλευρών). К гомеровскому времени город с таким названием уже давно существовал в Этолии²³ (области на западе Средней Греции), на северном берегу Коринфского залива, омывающего с севера Пелопоннесский полуостров. Как раз неподалеку от Плеврона происходила, по преданию, переправа через Коринфский залив на Пелопоннес завоевателей-дорийцев, разрушивших находившиеся там ахейские государства, и в том числе Пилосское царство²⁴. Поэтому посылка военного корабля при наступлении угрожаемого положения к месту концентрации сил противника для подкрепления основных сил обороны или на разведку выглядит вполне уместной.

9. РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И КУЛЬТОВАЯ ПРАКТИКА

Много важных данных удалось получить ученым в результате прочтения текстов линейного письма В для изучения раннего периода в истории древнегреческой религии. Немало имен божеств, почитавшихся греками II тыс. до н.э., встречается на кносских и пилосских табличках. Боги фигурируют в хозяйственных записях исключительно

²² Palmer L.R. Military arrangements for the defence of Pylos // *Minos*. Vol. IV. Fasc. 2. 1956. P. 120—145.

²³ Согласно эллинской мифолого-исторической традиции, Плеврон задолго до времени Троянской войны являлся одним из важнейших этолийских городов.

²⁴ Кроме Пилоса в конце позднелладского III В периода (около 1200 г. до н.э.) оказались разрушенными многие центры микенской цивилизации, причем наибольший урон, судя по археологическим материалам, понесли обитатели Пелопоннесского полуострова, что полностью согласуется с данными эллинской традиции.

как объекты жертвоприношений, поэтому их имена в списках священных даров стоят как правило в формах дательного и родительного падежей.

В пантеоне греков-ахейцев обнаруживаются многие божества, известные позднее эллинам I тыс. до н.э. Зевс присутствует здесь под именем Дивия (*Di-wo, Di-we* и др., ср. греч. Διός) вместе с парной ему богиней Дивией (*Di-u-ja, Di-wi-ja*)²⁵, при этом его всегдашняя супруга (согласно представлениям греков классического периода) — Гера (*E-ra*, ср. Ἥρα) появляется в том же тексте в качестве самостоятельной богини. Еще одну божественную пару составляют владыка моря Посейдон (*Po-si-da-o* и др., ср. Ποσειδάων) и Посидея (*Po-si-da-e-ja* и др.). Афина²⁶ выступает с эпитетом Потния — 'Госпожа' (*A-ta-na po-ti-ni-ja*, ср. Ἀθίνα Πότνια), который и позднее был употребителен по отношению к наиболее чтимым богиням.

Из числа будущих олимпийских богов в текстах линейного В надежно опознаются по именам также Артемида (*A-te-mi-to* — род. п., *A-te-mi-te* — дат. п., ср. Ἄρτεμις), Гермес (*E-ma-a₂* — дат. п., ср. Ἑρμῆς), Гефест (с ним связано, как полагают, личное имя *A-pa-i-ti-jo* = *Hāphais-tios*, ср. Ἥφαιστος — Гефестий, упоминаемое в одной из кносских табличек²⁷; ср. Ἀφαιστος, Ἥφαιστος), Дионис (*Di-wo-nu-so-jo* — род. п., ср. Διώνυσος). Бог войны Арес известен табличкам под именем Эниалия — 'Воинственного' (*E-nu-wa-ri-jo*, ср. Ἐνυάλιος — постоянный эпитет Ареса у древнегреческих поэтов и трагиков, начиная с Гомера и Гесиода), а Аполлон — под именем Пайавона — 'Целителя' (*Pa-ja-wo-ne* — форма дательного падежа, ср. Παιήων). Деметра прямо не названа в текстах ахейских архивов, но в них встречаются ее более общее обозначение как Матери Божественной (*ma-te-re te-i-ja* = *mātrei theiāi* — дат. п.), а также другие иносказательные наименования — 'госпожа хлеба' (*si-to-po-ti-ni-ja* = *sītōn potniāi* или *sītōi potniāi*, ср. Σιτώ — эпитет Деметры), 'госпожа коней' (*i-ge-ja* = *hiqq^ueīāi* — дат. п., ср. ἵπλειος), 'госпожа из Азии' (*po-ti-ni-ja a-si-wi-ja* = *Potniāi Aswiāi* — дат. п., ср. Ἀσία, хеттское *Aššuwā*). В перечне приношений встречается богиня Пресва (*Pe-re-swa* = *Preswā*), возможно родственная Персефоне, дочери Деметры.

Из второстепенных божеств позднейшего эллинского пантеона ахейцы почитали: Илитию, помогавшую при родах (*E-re-u-ti-ja*, ср. Ἐλευθία, Εἰλειθία)²⁸; Эринию — богиню возмездия (*E-ri-nu, E-ri-nu-we* — дат. п., ср. Ἐρινός); Элевтера, сына Аполлона (*E-re-u-te-re* — дат. п., ср. Ἐλευθήρ); Ифимедею, сохранявшуюся затем в памяти греков лишь как незначительный мифологический персонаж (*I-pe-me-de-ja* — дат. п., ср. Ἰφίμέδεια). В инвентарных списках адресатов священных даров есть и

²⁵ Богиня Дивия известна в более позднее время по одной из греческих надписей из Памфилии, где она тождественна малоазийской Великой Матери.

²⁶ Ахейская *A-ta-na* восходит к минойской богине Атане (*A-ta-na, A-ta-no*), упоминаемой в текстах линейного письма А.

²⁷ Исходной основой и данного теофорного имени, и имени самого бога является критский догреческий топоним *Pa-i-to* (о греческим окончанием) — Фест (ср. Φαιστός).

²⁸ Обнаружение имени этой богини на кносских табличках особенно примечательно в свете сообщения Гомера о существовании ее пещерного святилища около Амниса — гавани Кносса. Упоминаемое в "Одиссее" (XIX, 188—189) святилище, основанное еще в минойское время, обнаружено и исследовано археологами.

другие личные имена (а также некоторые слова с неясным смыслом), которые, однако, нельзя с уверенностью считать теонимами неизвестных нам богов, поскольку они могут оказаться всего лишь именами или титулами служителей культа, непосредственно принимавших подношения.

В Кноссе засвидетельствован культ ветров: в тексте одной из табличек упоминается "жрица ветров" (*a-ne-mo i-je-re-ja=anemōn hierēiāi*). Там же регулярно совершались приношения "всем богам" (*pa-si te-o-i=pansi theoihi*), что однако совсем не характерно для Пилоса. Обычно богам жертвовали продукты питания: пшеницу, ячмень, растительное масло, сыры, фиги, вино, мед, пряности. Иногда подношениями служили крупный и мелкий рогатый скот (быки, бараны), шерсть (ее, например, получала в жертву богиня Гера в Фивах), овечьи шкуры, благовонные мази. Посвятельными дарами оказывались, кроме того, золотые сосуды и люди (по-видимому, отдаваемые в услужение богу и его жрецам).

В ахейском обществе XV—XIII вв. до н.э. существовали профессиональные служители культа. Документы линейного В сообщают о жрецах (*i-je-re-u*, ср. ἱερεὺς) и жрицах (*i-je-re-ja*, ср. ἱερεῖα). Однако встречающиеся в них специальные термины, передающие отдельные жреческие титулы и храмовые должности, пока удовлетворительному толкованию, в смысле точной дифференциации их функций, не поддаются: *da-ko-ro* (ср. ζάκορος — 'храмовый служитель'), *i-je-ro-wo-ko* (ср. ἱεροουργός — 'совершитель священных обрядов'), *ka-ra-wi-po-ro* = *klāwiphoros* — 'носителница ключа, жрица-ключарь'), *pu-ka-wo* (ср. πυκαεὺς — 'зажигатель огня').

Не вызывает сомнений принадлежность священнослужителей к привилегированному слою общества. Они, как показывают пилосские тексты, могли принадлежать и к разряду землевладельцев. Так, имя жреца *We-te-re-u* не раз встречается в табличках с записями, фиксирующими поземельные отношения.

10. ТЕКСТЫ ЛИНЕЙНОГО ПИСЬМА В И ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ДОГРЕЧЕСКОГО КРИТА

Прочтение микенских текстов не только дало специалистам — лингвистам и историкам — ценнейший материал для изучения самых ранних этапов развития греческого языка и государственности. Оно пополнило новыми конкретными данными имевшиеся уже у ученых-антиковедов представления о догреческом периоде истории Эллады, и прежде всего острова Крит, основанные на анализе археологических и лингвистических материалов.

Обнаружение в табличках линейного В ряда слов, употреблявшихся греками-ахейцами, но заимствованных у догреческих обитателей Эгеиды, документирует их присутствие в древнейшем диалекте греческого языка как минимум с третьей четверти II тыс. до н.э., в то время как прежде подобная реликтовая лексика могла быть обнаружена только благодаря свидетельствам источников, зафиксированным письменно многими столетиями позднее (так, например, поэмы Гомера в том виде, в каком они известны нам, записаны лишь в VI в. до н.э.).

Многие слова, главным образом культурные термины, перешли в греческий язык из языков-предшественников. Примеры таких слов дают хозяйственные документы линейного В. Так, в них обнаружено слово *a-sa-mi-to*, соответствующее более позднему греческому ἀσάμιδος — 'ванна', относимому исследователями к числу заимствований из "пеласгского" языка. Присутствует на пиловских табличках и наименование сосуда с двумя боковыми и одной верхней ручкой — *ka-ti*, сходного, судя по его идеограмме (206), с классической греческой гидрией (сосудом для воды). Сходство это, как выяснилось, не является случайным: в аркадском диалекте греческого языка имелось слово κάτιδος, бывшее синонимом обычного ὄβριαι. Термин *ka-ti* известен и минойскому языку: он встречается в критских текстах линейного письма А, которые старше табличек линейного В. Однако и здесь его, по-видимому, следует считать иноязычным заимствованием, пришедшим из Малой Азии (он имел, вероятно, общее происхождение с наименованиями сосудов в таких анатолийских языках, как иероглифический лувийский — *gati* и хеттский — *gazzi*)²⁹.

Как уже говорилось выше (см. §2), один из ключевых терминов, применявшихся при описании поземельных отношений в Пиловском государстве, а именно *da-ma-te*, возможно, имел минойское происхождение. В данной связи встает один весьма важный вопрос. Дело в том, что на материале табличек серии Е из Пилоса, дополняемом кносскими документами, удается восстановить в целом способ описания аграрных отношений, применявшийся чиновниками ахейских владык. Но создан ли он самими носителями языка линейного В, как считают некоторые микенологи? Не заимствован ли он в большей или меньшей степени греками-ахейцами у тех же критян-минойцев, у которых была заимствована их письменность? Ведь общегосударственная система землепользования ахейского времени на Крите, где, надо полагать, и произошло приспособление минойской грамоты к микенскому диалекту греческого языка, не могла быть созданной заново, ибо она складывалась не на пустом месте, а в стране с высокоразвитыми земледельческими традициями, сохранившей к тому же довольно значительный (как минимум) контингент прежнего сельскохозяйственного населения.

Для послеминойского Крита была очень характерна большая живучесть многих минойских традиций: религиозной — там до римского времени (по крайней мере вплоть до III в. н.э.) сохранялось почитание все тех же минойских святынь и божеств, жили все те же сакральные мифы догреческого происхождения; исторической и культурной — у античных авторов имелось довольно ясное, общее и в отдельных деталях, представление о могуществе Кносской морской державы середины II тыс. до н.э. ("талассократии Миноса"), ими признавалось важное значение технических и художественных достижений минойских мастеров, заимствованных греками; этническо-языковой — исконные обитатели острова, так называемые этеокритяне, которым, в

²⁹ Neumann G. Weitere mykenische und minoische Gefäßnamen // Glotta. Bd. XXXIX. H. 3/4. 1960/1961. S. 172—178.

частности, принадлежал город Прес со святилищем Зевса Диктейского, еще во времена Геродота отличали себя от эллинов и говорили на древнем догреческом наречии; династической — для критско-греческих и общеэллинских исторических преданий кносские цари-ахейцы времен Троянской войны и ближайших к ней суть несомненные потомки Миноса³⁰; административно-правовой — унаследованными дорийскими полисами Крита от минойской эпохи, согласно сообщениям древнегреческих авторов, считались различные законоположения и государственные установления³¹.

Поэтому многие важные элементы как общегосударственной системы землепользования, так и процедуры осуществления постоянного контроля над ней, включая составление отчетной документации, могут оказаться на ахейском Крите также восходящими к соответствующей минойской традиции. То, что эту систему и эту процедуру мы застаем в документах кносского и пилосского дворцовых архивов уже вполне развитыми и хорошо отлаженными, говорит в пользу их куда более давнего происхождения по сравнению со временем создания на базе минойского силлабария линейного письма В.

Исключительный интерес представляют и те данные, которые дают таблички линейного В из Кносса относительно этнического состава населения Крита в начальный период греческой колонизации острова (вторая половина XV в. до н.э.). Среди личных имен, встречающихся во всевозможных реестрах, обнаруживается множество явно негреческих. Это свидетельствует о значительном удельном весе автохтонного, доахейского элемента на Крите и после примерно полувекового владычества здесь завоевателей-ахейцев. Однако некоторые сведения, извлекаемые из кносских текстов линейного В, вместе с сообщениями античной традиции позволяют детализировать картину этнической истории острова и для более раннего времени.

Относящиеся к ранней этнической истории Крита сведения, которые содержатся в трудах античных авторов, говорят о сложном составе населения острова уже в догреческую эпоху. Согласно "Одиссее" (XIX, 175 сл.), в гомеровские времена здесь, помимо более поздних греческих пришельцев — ахейцев и дорян, жили этеокритяне, кидоны и пеласги. То, что греки не входили в состав древнейшего критского населения, подчеркивает Геродот. По его (I, 173) словам, "весь Крит в древности целиком занимали варвары", а появление на нем первой греческой миграционной волны "отец истории" относил (VII, 170—171) к периоду, последовавшему за крушением "талассократии Миноса".

Этеокритяне ("истинные критяне") признавались эллинами коренными обитателями Крита. Местная критская традиция, сохраненная древнегреческим историком Диодором Сицилийским (V, 64, 1; 80, 1), прямо называет их автохтонами. Пребывание этеокритян — подданных

³⁰ Престиж старинного минойского происхождения их династии (действительного или мнимого) был настолько велик, что самые могущественные из ахейских владык — цари Микен стремились породниться с ними и очень дорожили этим родством.

³¹ Ср.: Молчанов А. А. Государственно-политическое устройство минойского Крита по данным античной мифолого-исторической традиции // ВДИ. 1983. N 3. С. 103—115.

царя Миноса и их потомков — отмечается древними авторами (Гомером, Геродотом, Стафилом, Страбоном) по всему острову: на севере (Кнос и его округа), на востоке (Прес), на западе (Полихна) и юге. В качестве господствующей этнической группы догреческого Крита они должны быть, несомненно, отождествлены с минойцами (т.е. с носителями минойского языка, создателями критской иероглифики и линейного письма А, распространителями "Минойской талассократии").

Критскими автохтонами, наряду с этеокритянами-минойцами, традиция считала кидонов, живших на западе острова, в районе реки Ярдана и города Кидонии. Эпонимом-основателем Кидонии почитался Кидон, внук Миноса, что возможно указывает на происхождение кидонов от рано обособившейся части этеокритян-минойцев (примечательно, что личное имя *Ku-do-ni* встречается в минойских текстах на табличках линейного А) или по крайней мере подразумевает их родство.

О пребывании на Крите пеласгов, вслед за Гомером, говорят и другие античные авторы. Диодор (IV, 60, 2; V, 80, 1) упоминает о пеласгском вторжении на остров, ранее населенный этеокритянами. Перебрались пеласги сюда с территории материковой Греции, где они, согласно традиции, являлись автохтонами по отношению к пришедшим позднее грекам-ахейцам.

Античная традиция отмечает присутствие в догреческом этническом субстрате Крита и еще одного компонента — анатолийского (хетто-лувийского)³². По сообщению Геродота (I, 173; VII, 92), предки современных ему малоазиатских ликийцев жили когда-то на Крите. Геродоту, происходившему из полукарийской среды граждан Галикарнасса, было известно (I, 172) и то, что карийцы, населявшие область вокруг города Кавна в Малой Азии, считали себя критскими выходцами. Однако анатолийский элемент к началу I тыс. до н.э., вероятно, уже полностью растворился среди других групп разноэтничного населения Крита, так как он не отражен в перечне критян из XIX песни "Одиссеи".

Свидетельства античной мифолого-исторической традиции об этническом составе критского населения до прихода на остров греков находят подтверждение в данных, полученных лингвистикой при изучении языковой ситуации на юге Балканского полуострова в древнейший период. Работа на дешифровке памятников линейного письма А и анализ догреческой реликтовой лексики привели ученых к выводу о существовании на Крите ранее середины II тыс. до н.э. трех различных языков — минойского, "пеласгского" (=фракийского) и анатолийского.

Среди прочтенных в текстах кносских табличек линейного В названий критских городов рубежа XV—XIV вв. до н.э. обнаруживаются восходящие ко всем трем указанным языковым слоям. Минойское про-

³² К числу народов, живших на территории Малой Азии (Анатолии) и говоривших на анатолийских языках, относятся: во II тыс. до н.э. — хетты, лувийцы и палайцы; в I тыс. до н.э. — ликийцы, киликийцы, лидийцы, карийцы и др. (ср.: Древние языки Малой Азии. М., 1980. С. 129—353).

исхождение устанавливается, например, для топонимов *A-mi-ni-so* (минойский корень *-min-* содержится в словах: Μίνως — имя-титул критских царей; Μίνφα — названия поселений, основанных критянами в различных районах Эгеиды; *mi-nu-te* и других сходных формах из надписей линейного письма А), *Ku-do-ni-ja* (ср. *Ku-do-ni* — минойское личное имя, Κύδων — внук царя Миноса; о критском племени Κύδωνες см. выше) и *U-ta-no* (от того же корня образованы: личные имена кносских документов линейного В *Ta-no*, *Ta-na-to* и *A-ta-no*; минойские формы из табличек линейного А — *ta-na-ti*, *ta-na-no*, *a-ta-no*, *ja-ta-no*; Τάνος — название еще одного критского города). Название поселения *Ti-ri-to*, сопоставимого с Τίρου/ινθος (с характерным суффиксальным элементом *-vθ-*) может связываться с "пеласгской" топонимией. Топоним *Ru-ki-to* (в греческой передаче Λύκτος) имеет отчетливую анатолийскую этимологию³³.

Судя по данным табличек линейного В из кносского дворцового архива, характерной чертой критской топонимии второй половины XV в. до н.э. в целом является отсутствие новых, собственно греческих географических названий, которые стали закрепляться за отдельными пунктами, видимо, лишь после более продолжительного пребывания на острове завоевателей-ахейцев. Таким образом, топонимическая карта Крита этого времени, как видно, по-прежнему отражает ту этно-историческую ситуацию, которая складывалась на острове еще в догреческий период. При этом отождествление названий критских городов середины II тыс. до н.э. с позднейшими греческими, которые успешно локализуются на современной карте острова, приводит к идентификации их с памятниками, исследованными археологами. Засвидетельствованное же археологически непрерывное существование минойских поселений, начиная с самых первых этапов развития цивилизации бронзового века на Крите³⁴, позволяет предполагать бытование и соответствующих географических названий со столь же раннего времени. В результате подобной ретроспекции появляется возможность допустить появление некоторых древнекритских топонимов, и прежде всего названий городов Кносса (*Ko-no-so* линейного В), Феста (*Pa-i-to*) и Амниса (*A-mi-ni-so*)³⁵, уже в начале I раннеминойского периода, т.е. не позднее второй четверти — середины III тыс. до н.э.³⁶ А это означает, что наука получает важное свидетельство присутствия на Крите фактов минойского языка — в данном случае имен собственных — за много веков до их первой письменной фиксации³⁷.

³³ Ср.: Гиндин Л.А. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. М., 1967. С. 106—107, 166.

³⁴ Ср.: Пендлбери Дж. Археология Крита. М., 1950. С. 50, 61, 74 и др.

³⁵ Если только это название не есть результат переименования в честь одного из критских царей — "Миносов": ср. *A-mi-ni-so* линейного В, где *a-* — употребительный минойский префикс, *-min-* — минойский корень со значением типа 'царь', *-i-* и *-s-* — характерные для догреческой ономастической и апеллативной лексики суффиксальные элементы, *-o(s)* — греческое окончание.

³⁶ Пеласги могли переселяться на Крит скорее всего во второй половине III тыс. до н.э., анатолийцы (носители анатолийского языка) — где-то в начале II тыс. до н.э.

³⁷ Самые ранние минойские тексты, выполненные критской иероглификой и линейным письмом А, датируются XX—XIX вв. до н.э.

11. ЗАДАЧИ ДАЛЬНЕЙШЕГО ИЗУЧЕНИЯ ТЕКСТОВ ЛИНЕЙНОГО ПИСЬМА В С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СОВРЕМЕННОЙ МЕТОДИКИ КОМПЛЕКСНОГО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

Дешифровка текстов линейного В не только снабдила антиковедов — лингвистов и историков — ценнейшей информацией о языке и культуре греков-ахейцев XV—XIII вв. до н.э. Она, как это обычно бывает при рождении и последующем развитии любой науки, поставила перед специалистами-микенологами много таких вопросов, на которые им не удалось сразу дать точные ответы.

До сих пор остается невыясненным даже вопрос о степени распространения грамотности в Микенской Греции. Ясно, что дворцовые архивы с постоянным штатом писцов существовали как минимум в пяти столицах ахейских царств — Кноссе, Пилосе, Микенах, Тиринфе и Фивах. Численность этих писцов-профессионалов была достаточно велика. Так, в одном только кносском архиве выявлено по меньшей мере 75 индивидуальных почерков составителей документов хозяйственной отчетности текущего года. Однако нет данных о более или менее широком использовании линейного письма В в других сферах, кроме бухгалтерского учета. Конечно, микенские тексты на недолговечном материале (ткани, папирусе, дереве и т.п.) могли погибнуть от времени. Но странно, что до сих пор не найдено надписей линейного В на стенах раскопанных ахейских дворцов, ни на произведениях монументального искусства, ни на вотивных предметах, ни на культовых сооружениях. А ведь подобные надписи, как известно, были весьма обычны в тех странах древнего мира, где письменность активно использовалась для нужд культа, политической пропаганды, кодификации законодательства и т.д.

Надписи, выполненные линейным В на керамике, оказываются очень немногочисленными, если учитывать огромное число найденных археологами аналогичных, но ненадписанных сосудов. К тому же часть владельческих пометок была определенно сделана не там, где были обнаружены при раскопках сами несущие их предметы (например, сосуды с надписями линейного В, оказавшиеся в Фивах, видимо, происходят с Крита) и это сужает географию следов микенской грамотности. Все это как будто бы говорит об ограниченном характере применения микенского письма, причем ряд ученых считает, что именно такое использование последней замкнутым кругом специально обученных лиц в одной только сфере — дворцовом хозяйстве — делает понятными причины бесследного исчезновения в материковой Греции и на острове Крит столь узко специализированной письменности после разрушения микенских дворцов. Однако будущие находки памятников линейного письма В могут внести значительные коррективы в наши представления на сей счет.

Что касается перспектив дальнейших микенологических исследований, то самый быстрый прогресс здесь могло бы сулить открытие новых больших комплексов документов линейного письма В, подобных кносскому и пилосскому собраниям табличек. В принципе, вполне можно надеяться на обнаружение хозяйственных архивов и при раскопках дворцов в других ахейских столицах. Свидетельства эллин-

ской исторической традиции, подкрепляемые данными археологии, о существовании в Греции XV—XIII вв. до н.э. и иных городов, столь же крупных и политически значимых как Кносс, Пилос, Микены, Фивы и Тиринф (где царскими писцами велась отчетность с помощью линейного письма В на глиняных табличках), заставляет ожидать и в них счастливые находки такого же рода. Но как скоро это может произойти, зависит прежде всего от тех субъективных факторов, которые зачастую определяют возможность проведения любых более или менее широкомасштабных археологических работ. К сожалению, над такими погребенными в земле бывшими столицами ахейских царств как, например, те же Микены и Фивы, или Иолк (город в области Фессалия на севере Греции, откуда был родом предводитель аргонавтов Ясон), стоят теперь современные города и это, естественно, крайне ограничивает деятельность археологов на их территории (в данном отношении давным-давно покинутые жителями Кносс и Пилос представляли собой идеальное место для раскопок).

Сейчас основные направления в работе ученых, занимающихся микенологической проблематикой, остаются теми же, что и в последние три десятилетия, прошедшие после выдающегося открытия М. Вентриса. Они суть следующие:

1) издание хоть и небольших, но постепенно увеличивающихся в числе, групп микенских надписей из производимых ныне раскопок ахейских центров;

2) переиздание (по типу корпуса эпиграфических памятников) ранее уже опубликованных микенских текстов с учетом всех требований, предъявляемых сегодня к подобного рода публикациям, и с исчерпывающим научным аппаратом;

3) поиски в музейных хранилищах и частных собраниях древностей неопубликованных табличек линейного В (включая и разрозненные фрагменты, из которых иногда удается составить целый текст), происходящих из давно известных архивных комплексов;

4) установление значений остающихся пока еще недешифрованных слоговых знаков и идеограмм линейного письма В;

5) палеографическое исследование надписей, особенно важное для идентификации рук писцов отдельных табличек с последующей тематической группировкой последних;

6) распознавание грамматических форм и их сопоставление с имеющимися данными по древнегреческой диалектологии и индоевропейстике в целом;

7) отождествление имен собственных, встречающихся в микенских текстах, с греческими и иноязычными личными именами, теонимами и топонимами;

8) интерпретация неясных терминов (как путем отыскания их этимологии, так и исходя из контекстов, в которых они встречаются), отчего зависит правильное понимание многих текстов;

9) сопоставление политических, экономических, религиозных и культурно-бытовых ситуаций, фиксируемых документами хозяйственных архивов ахейских дворцов, как с археологическими материалами, так и со свидетельствами античной мифолого-исторической традиции,

в которой, однако, присутствуют два различных по характеру отражения в них реалий, основных вида древнейших нарративных источников — локальные генеалогические и сакральные предания (весьма высокая в целом степень их достоверности обусловлена спецификой самого жанра таких устных повествований, ориентированного на максимально точную фиксацию в памяти последовательности поколений и наиболее значительных событий религиозной жизни) и эпические сказания (им свойственно сохранение воспоминаний о реальных фактах истории, и даже археологически точное описание отдельных деталей военного и мирного быта далекого прошлого, в соединении с множеством разнообразных элементов поэтического преувеличения и прямого вымысла, изображаемых, однако, столь же реалистически).

Работая в указанных направлениях, специалисты — лингвисты и историки — стремятся в конечном счете обеспечить возможности для полного и всестороннего анализа микенских текстов. Но для решения наиболее общих проблем изучения истории Греции II тыс. до н.э. требуется помимо использования ничем не заменимых письменных источников того же времени — памятников линейного письма В, также одновременное привлечение всей совокупности сведений, полученных от ряда смежных научных дисциплин. Тесная увязка всех имеющихся в распоряжении исследователя данных — неременное требование современного комплексного источниковедения, и прежде всего для тех разделов исторической науки, где особенно остро ощущается потребность в расширении традиционной источниковедческой базы (ранее ориентировавшейся обычно на изолированное рассмотрение определенных видов источников, а не на их синтез). Это в равной степени относится и к медиэвистике³⁸, и к древней истории.

---

³⁸ Ср.: Янин В.Л. Очерки комплексного источниковедения. М., 1977. С. 19—21, 239.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
ЯЗЫК КРИТО-МИКЕНСКИХ НАДПИСЕЙ
ЛИНЕЙНОГО ПИСЬМА В

1. ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА КРИТО-МИКЕНСКИХ ТЕКСТОВ

Большой неожиданностью для многих ученых и для самих авторов дешифровки, как мы видели, явилось то, что язык линейного письма В оказался греческим. В нем уже налицо все те инновации, которые отделяют греческий как особую ветвь от других индоевропейских языков. С другой стороны, это особый архаический диалект древнегреческого языка, существенно отличающийся от остальных древнегреческих диалектов. В настоящее время можно выделить две основные стадии в истории древнегреческого языка: язык крито-микенских надписей II тысячелетия до н.э., выполненных линейным письмом В, который иначе называется микенским диалектом древнегреческого языка, и классический древнегреческий язык, засвидетельствованный в литературных и эпиграфических памятниках I тысячелетия до н.э. и первых столетий н.э., записанных алфавитным письмом (в его нескольких разновидностях) и кипрским силлабарием.

Эта глава, которая представляет собой краткий очерк грамматического строя микенского диалекта, преследует цель подготовить начинающего исследователя к работе с крито-микенскими надписями и ознакомить его с основными проблемами изучения их языка. Она предполагает предварительное знакомство читателя с основами древнегреческой грамматики, диалектологии и истории языка, а также графики и грамматологии в целом. Несмотря на значительный вклад в развитие микенологии, который внесли советские ученые, в настоящее время на русском языке нет, к сожалению, полного описания языка крито-микенских надписей, кроме первой части монографии С. Я. Лурье¹.

Неоспоримой заслугой С. Я. Лурье является его труд, написанный всего через три года после дешифровки линейного письма В. Значимость этой монографии заключается как в полноте описания всего доступного во время ее написания материала, так и в оригинальном подходе автора к важным проблемам письменности и языка линейного письма В. Многие мысли и выводы, высказанные в этой работе, сохраняют свою актуальность и на нынешнем этапе развития мике-

¹ Лурье С. Я. Язык и культура микенской Греции. М.; Л., 1957.

нологии. "Язык и культуру микенской Греции" должен хорошо изучить каждый, кто углубленно изучает микенологию.

Вместе с тем надо отметить, что ряд положений этой книги устарел в связи с новыми находками табличек линейного письма В и новыми изданиями крито-микенских надписей. Многие надписи сейчас читаются иначе, чем у С.Я. Лурье. Приступать к изучению микенологии с монографии С.Я. Лурье в настоящее время трудно еще и потому, что в ней применяется старая система классификации и нумерации табличек, от которой отказались как раз в то время, когда он уже завершил свой труд. С.Я. Лурье применял, кроме того, систему транслитерации слоговых знаков, несколько отличную от общепринятой. И, наконец, надо отметить, что по отдельным вопросам он придерживался взглядов, не подтвердившихся в ходе развития микенологии.

Поэтому изучение монографии С.Я. Лурье следует начинать, уже имея определенную подготовку, соответствующую нынешнему состоянию этой научной дисциплины. Все сказанное выше относится и к его очерку языка крито-микенских надписей, опубликованному на немецком языке в журнале "Klio"².

Из работ других советских ученых следует в первую очередь отметить ряд блестящих статей И.М. Тронского. Микенскому диалекту посвящена глава "Древнейший письменный язык" вышедшей посмертно его монографии³. Значительный вклад в разработку лингвистических проблем микенологии, в особенности проблемы диалектной принадлежности языка крито-микенских надписей внес еще один наш соотечественник — Н.С. Гринбаум. В частности, следует отметить первую главу "Язык крито-микенских текстов и древнегреческие диалекты" вышедшей в 1984 г. монографии⁴. Именному склонению языка крито-микенских надписей была посвящена кандидатская диссертация⁵ и ряд статей автора этой главы.

Данная глава ни в коей мере не преследует цель дать полное описание микенского диалекта. После изучения настоящей работы для более углубленного ознакомления с лингвистическими проблемами микенологии рекомендуем обратиться к единственной на сегодняшний день грамматике Э. Вилборга, представляющей полное описание языка крито-микенских надписей⁶. Краткий очерк микенской грамматики представляет собой приложение А. Шерера "Mykenisch", дополняющее двухтомное описание древнегреческих диалектов А. Тумба⁷. В сжатой форме излагаются основные черты грамматического строя языка крито-микенских надписей в обобщающем труде основоположников микенологии М. Вентриса и Дж. Чэдуика "Документы на

² Lurie S. Die Sprache der mykenischen Inschriften // Klio 42, 1964, S. 5—60.

³ Тронский И.М. Вопросы языкового развития в античном обществе. Л., 1973.

⁴ Гринбаум Н.С. Ранние формы литературного языка. Л., 1984.

⁵ См.: Шарыпкин С.Я. Именное склонение языка крито-микенских надписей: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1972.

⁶ Vilborg E. Tentative Grammar of Mycenaean Greek. Göteborg, 1960.

⁷ Scherer A. Mykenisch // Thumb A. Handbuch der griechischen Dialekte, bearbeitet von A. Scherer. Heidelberg, 1959. Bd. 2. Anhang.

микенском греческом языке⁸. Второе издание 1973 г. Дж. Чэдвик снабдил примечаниями, отражающими новые данные и положения микенологии, появившиеся со времени выхода первого издания (см. Библиографию).

Хорошим введением в изучение микенского греческого могут служить работы К.Й. Рюиха⁹ и М. Дориа¹⁰. Конспективное описание микенского диалекта содержит введение в микенологию Дж.Т. Хукера¹¹, а также словарь В.П. Казанскене и Н.Н. Казанского (см. Словарь, с. 129).

Настоятельная потребность в полном описании языка крито-микенских надписей, которое обобщило бы итоги тридцатипятилетнего развития микенологии, остро ощущается в настоящее время не только самими микенологами, но и специалистами, работающими в области классической филологии и индоевропеистики.

Языковая сторона надписей линейного письма В была объектом интенсивного и всестороннего исследования ученых различных стран. К настоящему времени подробно исследованы звуковой строй и именное словоизменение; в силу специфики крито-микенских надписей менее изучены системы глагольного и местоименного словоизменения.

В дальнейшем изложении, насколько это позволяет объем главы, приводятся различные точки зрения по многим спорным проблемам микенологической лингвистики. Излагая при этом собственную точку зрения, мы не претендуем на окончательное решение обсуждаемых проблем. Право выбора той или иной концепции предоставляется самому читателю.

Приступающему к изучению греческого языка II тысячелетия до н.э. необходимо отдавать себе отчет в тех трудностях, с которыми первоначально столкнулись ученые, и с которыми отчасти придется встретиться и ему. Эти трудности обусловлены тремя основными факторами.

Первый фактор, на который неизменно ссылаются все исследователи, это несоответствие графической системы звуковому строю греческого языка. Во-вторых (что также стало общим местом всех работ по микенологии), крито-микенские надписи представляют собой хозяйственные документы, в основном лаконичные инвентарные списки, содержащие, как правило, изолированные собственные имена, топонимы либо апеллятивы, грамматически не связанные между собой. Лишь в части надписей, главным образом в пилосских, встречаются связные тексты, большей частью из одного предложения. Очевидно, что в деловых надписях не находят отражения многие грамматические явления. Глагол, к примеру, засвидетельствован лишь в формах 3 л. Не засвидетельствован несомненно существовавший в языке звательный падеж существительных (вокатив). Труднодоступным для изучения ввиду лаконичности микенских текстов остается и синтаксис.

⁸ Ventris M., Chadwick J. Documents in Mycenaean Greek. Cambridge, 1956.

⁹ Ruigh C.J. Etudes du grec mycénien. Amsterdam, 1957.

¹⁰ Doria M. Avviamento allo studio del miceneo. Roma, 1965.

¹¹ Hooker J.T. Linear B. An introduction. XII, 204.

Правда, в последнее время появились интересные работы и в этой области (см. раздел о синтаксисе).

Третьим фактором, на который почти не обращается внимания, является социально-историческое различие между ахейским обществом II тысячелетия до н.э. и классической греческой цивилизацией. Между различными стадиями последней существует постоянная преемственность культурно-исторической и языковой традиции. Микенская же эпоха отделена от классического времени не просто пятью веками, между ними стоит разрыв в развитии — "темное время" греческой истории, порожденное насильственной гибелью ахейских государств.

За это время произошли коренные изменения в социально-экономической структуре греческого общества, в его материальной и духовной жизни, трансформировались либо вообще исчезли многие общественные институты, обычаи. Под воздействием внешних и внутренних факторов своего развития претерпел изменения и греческий язык, перешедший от микенского к классическому своему состоянию.

В свете сказанного выше следует отметить, что лингвистическое описание языка крито-микенских надписей, с одной стороны, непременно должно опираться на язык классического времени с учетом его исторической грамматики и данных сравнительного изучения индоевропейских языков, а, с другой, — учитывать и результаты историко-археологического изучения эгейской цивилизации.

Чисто синхроническое описание языка табличек линейного письма В, хотя в принципе и возможно, на практике не приведет нас к адекватному раскрытию их лингвистического содержания. К примеру, для существительных тематического склонения засвидетельствованы на письме лишь четыре формы: на *-o*, *-a*, *-o-i* и *-o-jo*, в то время как по данным исторической грамматики за ними должны были скрываться по пять особых форм в единственном и множественном числе и не менее двух форм в двойственном числе.

Эта особенность изучения языковой стороны надписей линейного письма В позволяет нам определить греческий язык микенской эпохи с точки зрения возможностей его познания как интерпретируемое языковое состояние, в равной степени отличное и от реконструируемого и от непосредственно данного для наблюдения. Сказанное выше вовсе не означает, что лингвистическое исследование языка линейного письма В целиком зависит от внешних данных, грамматический строй его может быть в общих чертах идентифицирован и на основе самих надписей. Об этом свидетельствует и история дешифровки: вступить на правильный путь М. Вентриса вынудили особенности словоизменения, установленные им в ходе комбинаторного анализа еще до определения фонетических значений слоговых знаков.

Несмотря на вышеуказанные трудности, крито-микенские надписи дают исключительно ценный материал для истории языка и для сравнительного изучения индоевропейских языков. Благодаря открытию Вентриса, границы доступной нам истории греческого языка оказались отодвинутыми сразу на целый ряд столетий. Появилась возможность

практически проверить правильность многих реконструкций, предложенных лингвистами. И эта проверка в целом блестяще подтвердила правильность и перспективность сравнительно-исторического метода в индоевропейском языкознании. Привлечение микенских данных для сравнительно-исторических исследований должно, однако, обязательно сопровождаться указанием на интерпретацию привлекаемых для сравнения форм.

Использование транслитерированных написаний микенских слов без фонетической интерпретации, которая может иметь несколько вариантов, для сопоставления с другими языками (к примеру, с палеобалканскими) является некорректным. К примеру, написания *ka-ko*, *ko-no*, *si-a₂-ro* интерпретируются как соответственно *khalkos*, *skhoinos*, *sihalos*, т.е. фонетический облик этих слов существенно отличается от засвидетельствованного написания. От использования в сопоставительных исследованиях слов, не поддающихся интерпретации, следует, по нашему мнению, вообще воздерживаться, помня всегда о том, что применяемая нами транслитерация является в значительной мере условной передачей знаков линейного письма В более удобными для нас латинскими буквами.

2. ГРАФИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ЛИНЕЙНОГО ПИСЬМА В¹²

Как указывалось выше, знаки линейного письма В разделяются на три вида: силлабограммы (слоговые знаки), идеограммы¹³ и числовые обозначения.

Для изучения языковой стороны крито-микенских надписей наибольшее значение имеют слоговые знаки (силлабограммы), которыми записывались слова и часть идеограмм (так называемые логограммы или монограммы), о которых речь будет идти ниже.

Силлабограммы в их оригинальном написании и в транслитерированном виде представлены на рис. 8 вместе с номерами, которые были присвоены им на начальном этапе исследования. Как видно из таблицы, инвентарь слоговых знаков включал лишь силлабограммы, передающие гласные или открытые слоги. К настоящему времени дешифрованы 73 силлабограммы, фонетическое значение 16 остальных остается неизвестным. В транслитерированных изданиях крито-микенских текстов недешифрованные знаки передаются цифрами своего порядкового номера в силлабрии линейного письма В, например: *56-ko-we*, *da-22-to*, *tu-49-mi*.

Можно выделить три основных случая употребления силлабограмм: 1) В большинстве случаев силлабограммы пишутся в линейном порядке слева направо, образуя написания греческих слов:

† ʹ † <i>pa-we-a</i>	† † <i>to-sa</i>	⊕ † † <i>ka-ke-we</i>
-------------------------	---------------------	--------------------------

¹² По вопросу происхождения линейного письма В см.: *Heubeck A. L'origine della lineare B // SMEA, F. XXIII 1982. P. 195—207.*

¹³ Некоторые исследователи выделяют из состава идеограмм в особый, четвертый вид знаков обозначения мер и весов, см., например; *Hooker J.T. Op. cit. P. 37.*

2) Два или три слоговых знака в нелинейном, слитном написании могут образовывать сложный знак, называемый логограммой или монограммой. Всего известно пять монограмм:

$$\overline{\oplus} = \oplus + \sqsubset$$

ka + po = καρποι 'плоды'

$$\ddagger = \uparrow + \psi + \ddagger$$

a - re - pa = ἄλειφαρ 'масло'

KANAKO *ka + na + ko* = κνᾶκος/κνῆκος 'сафлор'

MERI *me + ri* = μέλι 'мед'

TURO₂ *tu + ro₂* = τυροί 'сыры'

Во всех монограммах знаки наращиваются снизу вверх, кроме монограммы TURO₂, в которой силлабограмма *tu* расположена сверху.

По своей функции в структуре надписи монограммы представляют собой подвид идеограмм, о которых будет идти ниже.

3) Изолированные силлабограммы могут представлять собой:

а) сокращенные написания слов, которые мы можем расшифровать лишь в немногих случаях, например:

ku = *ku-mi-no* = κύμινον 'тмин'

pa = *pa-ra-jo* = παλαιός 'старый'

Приводим список сокращений (по Хукеру):

a: идеограмма с числовым обозначением, значение неизвестно (PY*)

a₂: идеограмма с числовым обозначением, значение неизвестно (PY)

ai: сокращение слова *ai-ka-na-jo* (PY)

da: идеограмма с числовым обозначением, возможное значение 'надсмотрщик'

de: возможно, сокращение слова δεσμά (MY*)

di: идеограмма с числовым обозначением, значение неизвестно (PY)

du: идеограмма с числовым обозначением, значение неизвестно (PY)

e: 1) с числовым обозначением, значение неизвестно;

2) сокращение слова *e-ne-me-na* (MY)

3) сокращение слова *e-ra-pe-ja* или *e-ra-pi-ja* (PY)

ka: идеограмма с числовым обозначением, значение неизвестно (PY)

ki: идеограмма, значение неизвестно (KN*)

ko: 1) сокращение слова *ko-wo* (KN)

2) сокращение слова *ko-ri-a₂-da-na* (KN, PY, MY)

3) сокращение слова *ko-ru-to* (PY)

ku: сокращение слова *ku-mi-no* (MY)

ta: сокращение слова *ta-ra-tu-wo* (KN, MY, PY)

te: идеограмма, с числовым обозначением, значение неизвестно (PY)

*Индексы PY, MY и KN обозначают соответственно Пилос, Микены и Кносс.

- mi*: сокращение слова (MY)
mo: сокращение слова μόνος (KN, PY)
mi: идеограмма, значение неизвестно (KN)
ni: идеограмма со значением 'фиги', возможно, сокращение слова νικύλεον (KN, MY, PY)
o: 1) идеограмма, значение неизвестно (PY)
 2) сокращение слова *o-pa-wo-ta* (PY)
 3) чаще всего — сокращение слова *o-pe-ro* (KN, PY)
pa: 1) с числовым обозначением, значение неизвестно (KN, PY)
 2) сокращение слова *para-jo/pa-ra-ja* (KN)
 3) сокращение слова *pa-ra-wa-jo* (PY)
pe: 1) идеограмма, значение неизвестно (KN, MY, PY)
 2) сокращение слова *pe-ru-si-nu-wo* (KN)
po: с числовым обозначением, значение неизвестно (KN)
qo: с числом 1, значение неизвестно (KN)
ra: с числом 1, значение неизвестно (PY)
re: идеограмма, значение неизвестно (MY)
ri: идеограмма, значение неизвестно (PY)
sa: 1) идеограмма 'лен' (KN, PY)
 2) сокращение слова *sa-sa-ma* (MY)
se: возможно, сокращение слова *se-to-i-ja* (KN)
ta: с числовым обозначением, очевидно, обозначает 'надсмотрщик' (KN, PY)
u: с числом 1, значение неизвестно (PY)
we: возможно, сокращение слова *Fέταλον* (KN, PY)
wi: идеограмма, значение неизвестно (PY)
wo: идеограмма, значение неизвестно (PY)
ze: 1) идеограмма, возможное значение — 'мера земли' (PY)
 2) сокращение слова ζεύχος (KN, PY).

Силлабограммы могут писаться слитно с идеограммами, образуя лигатуры:

- a*: 1) с идеограммой 'растительное масло' (PY)
 2) с идеограммой 'оливки' (KN)
ko: с идеограммой 'шкура'
o: с идеограммой 'ячень' (KN, PY, MY)
pa: 1) с идеограммой 'одежда' (KN)
 2) с идеограммой 'раст. масло' (PY)
 3) с идеограммой 'кипер' (KN)
po: 1) с идеограммой *211 (KN)
 2) с идеограммой 'раст. масло' (PY)
qa: с идеограммой 'кипер' (KN)
ri: с идеограммой 'туника' (KN)
si: с идеограммой 'бык' и 'свинья' (PY)
ta: с идеограммой 'овца' (PY)
te: 1) с идеограммой 'одежда' (KN, PY)
 2) с идеограммой 'колесо' (PY).

Слоговые знаки могут также писаться над идеограммами, являясь своего рода придатками к ним.

- a*: над идеогр. 'амфора' (KN)

- ai*: над идеогр. 'коза' (KN)
de: над идеогр. 'женщина' (KN)
di: 1) над идеогр. 'женщина' (KN)
       2) с различными идеограммами, обозначающими виды посуды (KN)
e: над идеогр. *177 (KN)
ka: 1) над идеогр. 'кувшин' (KN)
       2) над идеогр. 'свинья' (PY)
ke: 1) над идеогр. 'посуда' (KN)
       2) над идеогр. 'лен' (PY)
       3) над идеогр. 189 (PY)
ki: 1) над идеограммами 'овца' и 'коза' (KN)
       2) над идеогр. 'туника' (KN)
ko: над идеогр. 'одежда' (KN)
ku: 1) над идеогр. 'одежда' (KN)
       2) над идеогр. 'кипер' (KN, MY)
me: с квазиидеограммами *ko-wo* 'мальчик' и *ko-wa* — 'девочка' (KN)
ne: с идеограммами женщин, детей, и животных (*ne-wo* = véFoс (KN)
pa: над идеогр. 'женщина' (KN)
pe: над идеограммами 'туника', 'одежда', 'мужчина', 'женщина'
po: над идеогр. 'одежда' (KN)
pi: над идеогр. 'одежда' (KN, PY)
qe: над идеогр. 'одежда'
re: над идеогр. 'одежда'
sa: над идеогр. 'овца' и 'коза' (KN)
se: над идеогр. *168 (KN)
su: над идеогр. 'дерево' (KN)
ta: над идеогр. 'бык' (KN)
te: 1) над идеогр. 'мужчина' (KN)
       2) над идеогр. 'раст. масло'
ti: над идеогр. 'оливки' (KN, MY)
tu: над идеогр. 'женщина' (сокращение слова *tu-ka-te* = θυγάτηρ 'дочь')
u: над идеогр. *212 (KN)
we: 1) над идеогр. 'бык'
       2) над идеогр. 'раст. масло' (MY, PY)
       3) над идеогр. *166 (KN, PY)
wi: над идеогр. *152 (PY)
za: над идеогр. 'овца', 'женщина' (PY)
zo: над идеогр. 'одежда' (KN).

Следующий вид знаков — так называемые идеограммы, хотя по их роли в структуре текстов линейного письма В их правильное было бы называть детерминантами. Идеограммы представляют собой более или менее стилизованные изображения предметов, животных и людей. Значения большинства идеограмм было установлено Э. Беннетом задолго до дешифровки линейного письма В, на их основе он классифицировал таблички так, что таблички, содержавшие одинаковые идеограммы, попали в одну и ту же группу. После того, как была произведена дешифровка, оказалось, что классификация Беннета была удивительно точной, и никаких существенных изменений в нее не пришлось вносить. Идеограммы (см. рис. 12) в транслитерированных изданиях текстов

передаются латинскими или английскими словами: VIR (MAN) 'мужчина'; MULIER (WOMAN) 'женщина'; EQUUS (HORSE) 'лошадь'; и др.

Часть идеограмм передается цифровыми обозначениями со звездочкой, т.к. их значение не установлено окончательно, либо не было установлено к моменту дешифровки: *162, *240, *241 и др.

Идеограммы могут в слитном написании образовывать лигатуры. К примеру, идеограммы золото + сосуд в пилосской надписи Tn 316 или медь + сосуд в пилосской надписи Tn 996.

Идеограммы играют важную роль в понимании текстов и интерпретации слов, записанных силлабограммами. К примеру, ставшая теперь знаменитой табличка P 641 была обнаружена археологом Блегеном уже после того, как М. Вентрис опубликовал результаты своей дешифровки. Эта табличка блестяще подтвердила правильность дешифровки, так как каждой словесной записи, прочитанной по методу Вентриса, в точности соответствовало идеографическое изображение определенного вида сосудов: ваз с четырьмя, тремя ушками, ваз без ушек и треножников¹⁴.

Знаки для мер и весов были правильно поняты Беннетом также еще до дешифровки, в изданиях надписей они условно передаются заглавными буквами латинского алфавита (см. рис. 13, 14, 15).

В текстах линейного письма В легко распознается система числовых обозначений (см. гл. I, §6, с. 25). Эта система является десятиричной, однако она строится не на позиционном принципе, знак для нуля отсутствует. Формы грамматических чисел существительных и прилагательных могут распознаваться при помощи числовых обозначений, в частности, число 2 помогает выявлять формы двойственного числа.

Важное значение для решения вопроса о возможном диалектном членении языка крито-микенских надписей имеет классификация надписей по почеркам, разработанная Э. Беннетом и его последователями. Таблички, найденные в Микенах, принадлежат "перу" шести различных авторов, в Пилосе их было от тридцати до сорока и примерно столько же в Кноссе. Эта классификация является важным вспомогательным средством в работе микенолога.

Основные принципы применения слоговых знаков линейного письма В для записи греческих слов те же, что и в кипрском слоговом письме классической эпохи¹⁵. Это не удивительно, так как эти два письма связаны в генетическом плане. Из 55 кипрских силлабограмм, 14 совпадают с микенскими слоговыми знаками, либо являются их видоизменением. В то же время между линейным письмом В и кипрским слоговым письмом существуют и определенные различия в плане передачи греческих слов.

Основные правила применения слоговых знаков линейного письма В для записи греческих слов могут быть изложены следующим образом:

¹⁴ Другие примеры см.: Чэдвик Дж. Дешифровка линейного письма В. С. 155, 185—186, 197.

¹⁵ О кипрском слоговом письме см.: Лурье С. Я. Язык и культура Микенской Греции. С. 27—29; Thumb A. Handbuch der griechischen Dialekte, Heidelberg, 1909. S. 286—288; Masson O. Les inscriptions chypristes syllabiques. P. 1961.

2.1. Передача согласных и неслоговых сонантов

На письме не различаются звонкие, глухие и придыхательные согласные: *po-me* = *poimēn*, *po-ni-ki-jo* = *phoinikios*; *ka-ra-we* = *grawes* (γῤῥᾶς), *ka-ke-u* = *khalkeus*, *ka-si-ko-no* = *kasigonos*; *tu-ka-te-re* = *thugatrei* (θυγάτρι), *te-me-no* = *temenos*.

Единственное исключение представляет *d*, слоги с которым всегда обозначаются особыми знаками: 1 = *da*, 7 = *di*, 14 = *do*, 45 = *de*, 51 = *du*, 71 = *dwe*, 90 = *dwo*. Приведем примеры: *da-mo* = *dāmos* (δᾶμος), *di-pa* = *dipas* (δέπας), *dwo* = *dwō* (δύω).

С.Я. Лурье объяснял эту особенность микенской графики фонетическими условиями, а именно, спонантизацией *d*: "...звук, соответствующий *δ* классического языка, произносился в микенскую эпоху не просто как *t* со включением голосовых связок, а несколько иначе, чем греческое *δ*; поэтому для его выражения понадобились особые знаки..."¹⁶

Поскольку, однако, столь ранняя спонантизация *d* маловероятна, нам представляются более правдоподобными объяснения, основывающиеся на особенностях фонетики догреческого языка, для которого было изобретено слоговое письмо. Так М. Лежен объясняет наличие особой серии знаков для слогов, начинающихся с *d*-, наличием в языке догреческого населения особой фонемы, фонетическая реализация которой приближалась к греческому [*δ*]. Возможно, это было [l], т.к. в ряде слов, восходящих к догреческому субстрату, наблюдается чередование *δ/λ* типа (Ὀδυσσεύς/Ὀλυσσεύς)¹⁷.

Также в догреческом языке ищет объяснение этой особенности Т.В. Гамкрелидзе. По его мнению, фонологическая система догреческого языка, для которого первоначально предназначалось линейное письмо, различала звонкую и глухую зубные смычные при отсутствии такой оппозиции у смычных фонем других мест образования. Типологические параллели такой системе консонантизма имеются в ряде языков, в частности, в некоторых кавказских¹⁸.

Кипрское слоговое письмо такого исключения не знает: слоги с [t], [th] и [d] передает одна и та же серия знаков: *to-po-to-li-ne e-ta-li-o-ne* = *tá(v) πτόλιν Ἐτάλιον*.

Перед другими согласными и в конце слова не передаются [s], [r], [l], [m], [n]: *pa-te* = *patēr*, *pantes*; *ka-to*, *ka-to-ro* = *Kastōr*, *Kastoros*; *ka-ko* = *khalkos*, *a-pi* = *amphi*, *ko-wo* = *korwos*.

Эта особенность микенской графики, вытекавшая из последовательного применения основного принципа слогового письма — передачи только открытых слогов — не позволяла передавать на письме многие важнейшие морфологические показатели греческого языка.

Кипрское слоговое письмо отказалось от графического правила опущения сильноначальных, в частности, конечные элементы флексии

¹⁶ Лурье С.Я. Язык и культура микенской Греции. С. 50.

¹⁷ Lejeune M. Mémoires de philologie mycénienne, 1 série, 1958. С. 327—328. Типологически такое явление наблюдается в современных албанских диалектах.

¹⁸ См.: Гамкрелидзе Т.В. К вопросу о системе смычных и фрикативных "минойского" языка по показаниям греческой линейной письменности класса В // ВЯ. 1988. № 1. С. 66—68.

-v, -s передаются при помощи слоговых знаков *-ne, -se, -re*: *pa-si-le-u-se* = βασιλεύς *to-ka-po-ne* = τὸ(ν) κᾶπον (κῆπον), *ka-se* = κάς (καί).

Это различие можно проиллюстрировать следующим примером: форма ἀργύρων (род. пад. мн. ч. от ἄργυρος 'серебро') на Кипре передавалась как *a-ra-ku-ro-ne* = *argurōn*, а в Микенской Греции как *a-ku-ro*. Таким образом, графика линейного письма В точнее передавала слоговую структуру греческих слов, в то время как кипрское слоговое письмо лучше отражало фонемный состав греческих слов¹⁹.

Следует обратить также внимание и на необозначение [s] в начале слова перед смычными согласными: *peto* [pe-ma = spermō] *sperma*, σπέρμα 'зерно', *ta-to-mo* = *stathmos*, σταθμός 'стойло', *ko-no/ko-i-no* = *skhoinos* 'тростник'.

В остальных случаях, т.е. при наличии сочетания смычного согласного с другим смычным согласным или неслоговым сонантом, первый согласный звук передается при помощи слогового знака, обозначающего этот согласный звук в сочетании с гласным последующего слога: *a-mi-ni-so* = *Amnisos*, *a-ko-ro* = *agros*, *ai-ku-pi-ti-jo* = *Aiguptios* (Αἰγύπτιος), *du-ru-to-mo* = *drutomos*, *te-ko-to-ne* = *tektones* (τέκτονες), *de-ka-sa-to* = *deksato*. Как исключение к правилу второму (2.1.2) этот же прием используют для передачи сочетаний [mn], [sm], [sw]: *de-mi-ni-ja* = *demnia*, *do-so-mo* = *dosmos*, *wi-so-wo-* = *wiswo-* (ἴσος), *pe-ru-si-no-wo* = *perusinwos* (περυσινός).

Трудную проблему представляет собой написание слова *wa-na-ka* = *wanaks* (ἄναξ) 'царь', т.к. здесь в формах косвенных падежей согласный [k] передается при помощи слогового знака, повторяющего предшествующий, а не последующий гласный звук.

Им.п. *wa-na-ka* = *wanaks*

Род.п. *wa-na-ka-to* = *wanaktos* (а не *wa-na-ko-to)

Дат.п. *wa-na-ka-te* = *wanaktei* (засвидетельствовано и написание *wa-na-ke-te*).

Конечные сочетания в существительных с основой на *-k* и *-q^u*, звучавшие как *-ks* и *-q^us* (соответствуют класс. -ξ и -ψ), передавались на письме при помощи знаков *ka*, соответственно, *qo*: *ai-ti-jo-qo* = *Aithioq^us* (Αἰθίοψ), *o-nu-ka* = *onukhs* (ὄνουξ), *po-ki-ro-qo* = *poikil-oq^us*. Написания *o-nu-ka* (а не *o-nu-ku) и *to-ro-wi-ka* (а не *to-ro-wi-ki) показывают, что гласный конечной силлабограммы зависит от согласного ([k] или [q^u]), а не от предшествующего гласного.

Сочетания согласных фонем с *-j-* и *-w-* могли передаваться особыми слоговыми знаками. Выше говорилось о том, что система согласных фонем догреческого языка строилась, очевидно, на противопоставлении простых, палатализованных и лабиализованных, к примеру: [t] : [t'] : [t^w]. Инвентарь знаков линейного письма В позволяет сделать предположение о том, что для того языка, для которого это письмо было первоначально придумано, было характерно отсутствие фонологического противопоставления звонких, глухих и придыхатель-

¹⁹ Подробнее см.: Тронский И.М. Слоговая структура древнегреческого языка и греческое слоговое письмо // Древний Мир. Академику Струве В.В. М., 1962. С. 620—626.

ных согласных. Предположение же о том, что для этого языка было характерно противопоставление простых, палатализованных и лабиализованных²⁰, основывается на том факте, что в микенском письме существуют две серии знаков, передающие сочетания С (согласный) + + j, соответственно С + w. Для передачи таких сочетаний линейное письмо В использовало два приема.

1) Сочетания С + j и С + w передавались двумя слоговыми знаками: Ci + jV (гласный) и Cu + wV: *ke-se-nu-wo* = *ksewos* (ξένος); *me-wi-jo* = *mewjōs* (*μεΓίωσ, μείωv). Недостаток этого способа заключался в искажении слоговой структуры слова: на письме получалось больше слогов, чем их было в реальном произношении.

2) Очевидно, сознавая этот недостаток, писцы вводили для передачи бифонемных сочетаний Cj и Cw особые знаки, предположительно передававшие палатализованные и лабиализованные фонемы в языке линейного письма А.

Трудно судить, положили ли начало такому употреблению носители языка линейного письма А, отождествлявшие лабиализованные и палатализованные фонемы своего языка с соответствующими бифонемными сочетаниями в языке греков, либо, напротив, писцы греки воспринимали эти фонемы негреческого языка как бифонемные сочетания своего родного. Речь идет о знаках 87=*twe*, 91=*two*, 71=*dwe*, 90=*dwo*, 48=*nwa*, 68=*ro₂* (*rjo*, *ljo*), 76=*ra₂* (*rja*, *lja*). Знак 66 в ряде случаев передавал сочетание *tja*, он транслитерируется как *ta₂*²¹. Знак 62 первоначально должен был передавать сочетание *pje* (*p'e* в догреческом). В результате перехода *pj* > *pt* он уже в микенское время стал читаться как *pte*²², его же могли использовать для передачи слогов с исконным *pte*.

Знаки²³ 17=*za* 74=*ze*, 20=*zo*, 79=*zo₂* могли первоначально передавать сочетание [k] и [g] (т.е. звонкой и глухой фонемы с неслоговым сонантом [j]). В результате фонетического развития эти сочетания монофонемизировались, при этом звонкая фонема полностью соответствует фонема ζ классического греческого языка. Что касается глухой фонемы, то ее рефлексами в классическом греческом языке является [ττ] или [σσ], а в ряде случаев и [σ].

Вопрос о фонетической реализации фонем, передававшихся знаками серии z-, может иметь тройное решение: 1) бифонемные сочетания [kj], [g/j]; 2) палатализованные фонемы [k'], [g']; 3) аффрикаты как результат фонетического развития: [dz] и [ts].

В целом следует отметить, что вопрос о фонетическом значении фонем, обозначавшихся знаками серии z-, является одним из самых

²⁰ Такое предположение впервые высказал Л.П. Палмер, см.: *Palmer L.R. Mycenaean and Minoan*. P. 59; см. также: *Lejeune M. Contexte et interprétation // Mémoires...* Т. III. P. 41—53.

²¹ См.: *Lejeune M. Doublets et complexes // Mémoires...* Т. III. P. 91—104; *Idem. Les syllabogrammes ta₂ et two // Mémoires...* Т. II. P. 327.

²² Подробнее см.: *Лурье С.Я. Язык и культура микенской Греции*. С. 56—57; *Szemerényi O. The consonant alternation pt/p in early Greek // Colloquium Mycenaeanum*. P. 323—340.

²³ С.Я. Лурье транслитерировал эти знаки как *ca*, *ce*, *co*, что в принципе правильно, т.к. соответствует принятой в микенологии условности представлять микенские силлабограммы, передающие консонанты, буквами, обозначающими глухие согласные. Однако такой способ транслитерации никто не принял.

сложных в микенской филологии и выходит за рамки данной работы²⁴. Мы ограничимся лишь примерами слов со знаками этой серии, отметив при этом, что фонетическая их транскрипция является в определенной мере условной, т.к. точное значение их не установлено. Примеры:

ka-zo-e = *kakjohes*, *κακίο(ν)ες* 'худшие',
me-zo-e = *megjohes*, *μεϊζο(ν)ες* 'большие',
to-pe-za = *torpedja*, *τόρπεζα*, диал. *τόρπεζα* 'стол',
za-we-te = *kjawetes*, *τῆτες*, дор. *σῆτες* 'в этом году',
ze-pu₂-ro = *Zephuros*, *ζέφυρος* (собств. имя).

В равной степени сложную проблему представляет собой и фонетическое значение знаков *ro₂* и *ra₂*, которые либо передают сочетания *lj*, *rj*, либо восходят к ним, представляя собой результат их фонетического развития. А. Хойбек в докладе на Женевском коллоквиуме выдвинул заслуживающее внимание предположение о том, что знаки *ro₂* и *ra₂* передавали [ll], [ll], [rr] перед [o], соответственно [a]²⁵. Большинство знаков, которые должны были передавать консонантные сочетания с *j* и *w*, употребляются в крито-микенских надписях параллельно написаниям с двумя слоговыми знаками, что и способствовало установлению их значения. Приведем примеры:

wi-dwo-i-jo и *wi-do-wo-i-jo*, *wi-du-wo-i-jo* = *widwohios*;

dwo = *dwō* и *du-wo-u-pi* = *duwōphi*;

e-ke-ra₂-wo-ne и *e-ke-ri-ja-wo*;

a-ke-ti-ra₂ и *a-ke-ti-ri-ja*;

ki-ra₂-i-jo и *ki-ri-ja-i-jo*;

te-mi-dwe-te и *te-mi-de-we-te*, двойственное число от *termidwen(t)s*, ср. *τερμίδς*;

pte-re-wa и *pe-te-re-wa* = *ptelewā*;

pe-ru-si-nwa и *pe-ru-si-nu-wa* = *perusinwa*, от прилагательного *perusinwos* "прошлогодний", ср. *πέρυσι*;

ra-pi-ti-ra₂ и *ra-pte-ri-ja* = *rapt(e)ria*, от *ράπτω*;

ra-u-ra-ti-ja и *ra-wa-ra-ta₂* = *laur-anthiā*, от *λαύρα*.

Как видно из примеров, при написаниях двумя слоговыми знаками перед *w* мог употребляться слоговой знак, передававший слог с [u], фонетически близким к [w].

Геминация не обозначается: *i-jo* = *hiqq^oos*, *ἱππος*, *po-pi* = *popphi* < *podphi*, от *πούς*, *e-ra-pe-me-na* = *errapmena*, от *ράπτω*, *o-wo-ze* = *owworzei* (= *οὐ Φόρζει*).

Конечные сочетания *-ks* и *-q^os* передаются на письме соответственно *ka* и *qo*: *wa-na-ka* = *wanaks*, *o-nu-ka* = *onukhs*, *po-ki-ro-nu-ka* = *poikil-*

²⁴ Для тех, кто желает подробнее ознакомиться с этой интереснейшей проблемой и, возможно, попробовать найти ее решение, рекомендуем следующие работы: Лурье С. Я. Язык и культура микенской Греции, С. 53—56; Bartoněk A. The phonic evaluation of the S- and Z- signs in Mycenaean // Sbornik praci filosofické fakulty Brněnské University. E 9. 1963. S. 89—102; Risch E. Les consonnes palatalisées dans le grec du 1-er millénaire // Colloquium Mycenaicum. P. 267—282; Petruševski M. D. Révision de la translittération des syllabogrammes *17 (za), *20 (zo), *74 (ze) et *79 (zu?) // Colloquium Mycenaicum. P. 259—265.

²⁵ Heubeck A. The sign-doublets *ro₂*, *ra₂*, *ta₂*. // Colloquium Mycenaicum. P. 239—257.

onukhs, re-u-ko-nu-ka = leuk-onukhs, ra-ka = raks, ai-ti-jo-qa = Aithioq^us (Αἰθίοψ).

Распространенному мнению о том, что *-a*, соответственно *-o* повторяют здесь гласный звук предшествующего слога, противоречит написание слова *o-pu-ka* (см. выше, с. 76).

Как правило, не передается на письме звук [h]. Исключение составляет лишь знак 25=*a*₂, транскрибируемый как [ha]. Он последовательно встречается там, где мы можем предполагать выпавшее [s], первоначально перешедшее в [h]. Например: *me-zo-a*₂ = *mezoha* < *megjosa* (*μέζοα), *pa-we-a*₂ = *pharweha* < *pharwesa*, *a₂-te-ro* = *hateron* < *sm₂tero*, *me-u-jo-a*₂ = *mewjoha* < *mewjosa* (*μεϋιοα), *a-pi-a₂-ro* = *Amphi-halos*.

В кносских надписях знак *a*₂ встречается лишь в семи словах, в остальных случаях употребляется обычное *a* (знак 8).

Знак 29=*pu*₂ в большинстве случаев передает слог *phu*: *pu₂-te-re* = *phutēres*, *re-u-ko-o-pu₂-ru* = *leuk-ophrus*, *ze-pu₂-ra₃* = *Zephurai*, однако, ср. *a-pu₂-we* = *Aipuwei*, *a-pu₂-de* = *Aipu-de* (Αἰπυδε), *da-pu₂-ri-to-jo* = *Laburinthoio*.

2.2. Гласные, дифтонги и слоговые сонанты

Подобно архаическим алфавитам, линейное письмо В не различает долгие и краткие гласные: *ko-no-so* = *Knōssos*, *po-me* = *poimēn*, *po-mene* = *poimenei*, *e-ra* = *Hērāi*, *e-ke* = *hekhei* (ἔχει), *a-to-ro-qa* = *anthrōq^uos* (ἄνθρωπος).

Попытку передачи на письме долгого гласного звука путем сочетания силлабограмм CV₁ + V₁, возможно, наблюдаем в написаниях *a-te-re-e-te-jo* = *antlēteion* (от ἀντλέω) и *qa-o* = *g^uōn* (acc. sg. от βούς).

Как правило, не обозначается на письме вторая часть дифтонгов с *i*: *po-me* = *poimēn*, *e-ra-wo* = *elaiwon*, ἔλαιων, *e-ke* = *hekhei*, *di-we* = *diwei*, Δίη. В отдельных случаях эти дифтонги полностью обозначены на табличках из Кносса и Микен посредством передачи второй части слоговым знаком *i*: *ko-to-na PY* / *ko-to-i-na KN* = *ktoinā*; *ko-no KN* / *ko-i-no MY* = *skhoinos*. В кносских надписях встречаются также формы *pa-i-to* = *Phaistos*, *wo-i-ko-de* = *woikon-de*, οἰκαδε; *we-i-we-si-ja* = *weirwesia*, производное от (F)εἶρον 'шерсть'. Вышеприведенные примеры противоречат утверждению К. Рюixa о том, что *i* как второй элемент дифтонга обозначается лишь перед сочетанием *s* + согласный²⁶.

Начальный дифтонг *ai* передавал знак 43, транслитерируемый как *ai* или *a*₃, например: *ai-ka-sa-ma* = *aikhsmans*, *ai-ki-po-de* = *aigipodei*, *ai-so-ni-jo* = *Aisonios*, *ai-ti-jo-qa* = *Aithioq^us*. Нет ни одного примера, где бы начальное *ai* передавалось через знак 8=*a*.

Слоги *rai*, *lai* мог передавать знак 33=*ra*₃²⁷. Он засвидетельствован лишь в Пилосе и в Микенах. К примеру, в пилосских списках рабынь знак *ra*₃ засвидетельствован в им. п. мн. ч.: *ku-te-ra₃*, *o-ka-ra₃*, *ze-pu-ra₃*, т.е. там, где слово оканчивалось на *lai* или *rai*. Там же, где употреблен род. мн. ч., пишется обычный знак *ra*: *ku-te-ra-o*, *ze-pu₂-ra-o*, т.к. в

²⁶ Ruijgh C.J. Études du grec mycénien. P. 24.

²⁷ Lejeune M. Essais de philologie mycénienne. X. Les diphtongues en -i à Pylos // Revue de philologie. 39. f. 1. 1965. P. 25—27.

данном случае дифтонг отсутствовал: *-rāōn, -lāōn*. Вместо знака *ra*, мог употребляться и обычный знак *ra*, например, *o-ka-ra* в пилосских списках рабынь.

Напротив, дифтонги со вторым элементом *u*, как правило, передаются на письме путем написания второй части дифтонга при помощи слогового знака *u*: *o-u-qe = ou-q^e*, οὔτε, *a-ro-u-ra = arourā, ka-ke-u = khalkeus, re-u-ko = leukoi, ta-u-ro = Tauros*. Однако в отдельных случаях этот знак пропускается: *qo-u-qo-ta / qo-qo-ta = g^eou-g^eōiās, βουβωτάς, o-wo-ze = ou worzei* 'не обрабатывает', *to-to = touto, тоῦτο, ke-po-da / ke-u-po-da-o* (собственное имя). Иногда также случается, что *u* как второй элемент дифтонга передается через слоговой знак, содержащий *w*: *ra-wa-ra-ti-ja* и *ra-u-ra-ti-ja = Laur-anthia, e-wi-ri-po = Euripos*. Как обратный случай можно рассматривать встречающуюся иногда передачу слогов с *w* через *u*: *di-wi-ja / di-u-ja = Diwja, от Ζεύς, me-u-jo / me-wi-jo = mewjōs (μείων)*.

2.4. Плавные

Одна и та же серия знаков обозначает слоги, начинающиеся с *l* и *r*: *ra-wa-ke-ta = lāw-āgetās, дор. λᾱγέτᾱς, ra-pte = rapter, φαπτής, re-u-ko = leukos, ma-te-re = mātrei, ri-no = linon, ri-jo = Rion, rouso = Lousos, e-u-wa-ko-ro = Eu-agros, ru-ko-ro = Luk-ōros, re-u-ko-o-pu₂-ru = leuko-ophrūs*.

2.5. Разделение на слова

Слова отделяются друг от друга:

- вертикальной чертой |
- точкой .
- пробелом [ ]. Встречается в редких случаях.

Энклитики всегда пишутся вместе с предшествующим словом: *tu-ka-te-qe = thugatēr q^e = θυγάτηρ τε; me-ta-qe = meta q^e = μετά τε; ta-ra-nu-qe = thrānus q^e, θρᾶνυς τε; ma-te-de = mātēr de = μήτηρ δε; a-mi-ni-so-de = amnison-de = Ἀμνισόνδε*.

Не отделяются от последующих слов также проклитики или квазипроклитики: *o-u-di-do-to = ou didontoī (pers. 3 sing. praesentis indicativi passivi), o-do-ke = ho dōke (aoristus)* и др.

Имеются и случаи, когда в слитном написании выступают два многосложных полнозначных слова *pa-si-te-o-i = pansi theoīhi* 'всем богам', *to-so-ku-su-pa = tosson ksumpan* 'столько всего', *a-ta-na-po-ti-ni-ja = Athānāi potniāi* 'владычице Афине' и др. Во всех этих случаях мы имеем дело со словами, которые тесно связаны грамматическим согласованием и смыслом. Часть из слитных написаний чередуется с раздельным: *pa-ro-da-mo = paro dāmōi* 'у народа' обычно пишется *pa-ro da-mo*.

Обратный случай представляет собой употребление разделительного знака между составными частями сложного слова: *a-pu ke-ka-u-me-no = apukekaumenos* страдат. причастие презенса или перфекта от ἀποκα(ι)ω 'жечь, обжигать'; *ke-re-si-jo we-ke = Kresio-werges* 'критской работы', *e-ne-wo pe-za = ennewo-peza* 'девятиногий'. Последнее слово встречается в слитном написании.

3. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МИКЕНСКОЙ ЛЕКСИКИ

Неприспособленность микенской графики к передаче греческих слов становится очевидной уже при первом знакомстве с ней. Несовпадение принципов письма звуковому строю является основным фактором, который затрудняет, а в целом ряде случаев делает вообще невозможным толкование микенской лексики.

Для интерпретации микенской лексики существуют два основных метода:

— отождествление со словом классического древнегреческого языка через систему сопоставлений последовательностей графем;

— установление значения комбинаторным путем. Комбинации этих методов образуют логический квадрат четырех степеней интерпретируемости микенской лексики.

3.1. Слово отождествлено, причем его значение подтверждается контекстом либо, по крайней мере, не противоречит ему:

a-ni-ja = *haniai*, ἡνίαι 'вожжи';

a-pi = *api*, ἀπί/ἄλό 'от';

e-re-pa = *elephas*, ἐλέφας 'слоновая кость';

i-je-re-u = *hierews*, ἱερέως 'жрец';

i-qa = *hiqq^uos*, ἵππος 'конь';

ko-ri-ja-da-na = *koridna*, κορίαννα 'кориандр';

ko-wa = *korwā*, κόρη 'девочка';

ko-wo = *korwos*, κόρος 'мальчик';

me-u-jo = *mewjōs*, μείων 'меньший, малый';

me-zo = *mezōs*, μέ(ι)ζων 'большой, большой';

ne-wo = *newos*, νέος 'новый';

mi-ta = *minthā*, μίνθη 'мята';

pa-ka-na = *phasgana*, φάσγανα 'меч';

pa-te = *patēr*, πατήρ 'отец';

pa-te = *pantes*, πάντες 'все';

po-me = *poimēn*, ποιμήν 'пастух';

pose-da-o = *Poseidāōn*, Ποσειδῶν 'Посейдон';

qa-u-ko-ro = *g^uoukoloi*, βουκόλοι 'волопасы';

qa-u-qa-ta = *g^uou-g^uoiās*, βουβότης 'волопас';

ra-wa-ke-ta = *lāw-āgeitās*, λαγέτης 'военачальник';

ri-no = *linon*, λίνον 'лен';

ta-ra-nu = *thrānus*, θρήνυς 'скамеечка для ног';

ti-ri-po = *tripod(s)*, τρίπους 'треножник';

te-ko-to-ne = *tektones*, τέκτονες 'плотники';

we-to = *wetos*, ἔτος 'год'.

Из числа вышеприведенных толкование слов *ti-ri-po*, *ta-ra-nu*, *i-qa*, *pa-ka-na* подтверждается идеограммами, интерпретация же остальных подтверждается общим контекстом надписей, в которых они засвидетельствованы.

Надежную интерпретацию имеет и ряд сложных слов и дериватов, не засвидетельствованных в языке классического периода, но образованных от известных основ по обычным словообразовательным моделям древнегреческого языка:

na-u-do-mo = *naudomoi* (ναῦς и δέμω) 'строители кораблей';
ka-ra-wi-po-ro = *klāwi-phoros* (κληίς и φέρω) 'ключница';
e-re-pa-te-jo = *elephanteios* (ἐλεφάντινος) 'из слоновой кости';
to-ko-do-mo = *toikho-domoi* (τοίχος и δέμω) 'строители';
wa-na-ka-te-ro = *wanakt-eros* (ἀνάκειος) 'царский';
wa-tu-o-ko/wa-tu-wa-o-ko = *wastu-hokhos* (ἄστυ и ἔχω) 'владыка города';
ra-e-ja = *lāiā* (λαϊνός) 'каменный';
we-ka-ta = *wergatai* (ἔργον) 'рабочие';
re-u-ko-o-pu₂-ru = *leuk-ophrus* (λευκός и ὄφρυς) 'белобровый';
pe-ki-ti-ra₂ = *pektriai* (от πέκω) 'чесальщицы'.

В эту же группу должны быть отнесены и имена собственные и топонимы, о которых мы с уверенностью можем сказать, что они являются именами людей и названиями населенных пунктов, и которые в то же время легко отождествить с известными нам словами древнегреческого языка:

a-mi-ni-so = *Amnisos*, Ἀμνισός;
a-mu-ta-wo = *Amuthāwōn*, Ἀμυθάων;
a-pa-ta-wa = *Aptarwā*, Ἀπτάρα;
te-se-u = *Thēseus*, Θησεύς;
ka-to = *Kastōr*, Κάστωρ;
Ko-no-so = *Knōsos*, Κνωσός;
ku-do-ni-ja = *Kudōnīa*;
tu-ri-so = *Tulisos*, Τυλισός;
pa-i-to = *Phaiistos*;
a-ki-re-u = *Akhil(l)eus*, Ἀχιλλεύς;

3.2. Микенское слово может быть легко отождествлено с соответствующим словом классического языка, но значение его непонятно, либо оно может быть установлено приблизительно. К этой категории относятся слова, частично или полностью изменившие свое значение в течение длительного исторического периода, разделяющего микенскую и классическую греческую цивилизации. Контекст надписей показывает, что этим словам нельзя приписывать те значения, которые они имели в I тысячелетии до н.э. В качестве примера можно привести слово *qa-si-re-u* = *g^uasileus*, βασιλεύς. В микенскую эпоху оно обозначало не царя, а какое-то высокое должностное лицо²⁸. Существительное *o-pu-ka*, несомненно, соответствует классическому ὄνυξ, но в крито-микенских надписях оно обозначало вид тканей. В этих случаях налицо совпадение обозначающего при частичной или полной трансформации означаемого.

Классическому φοῖνιξ в крито-микенских надписях соответствуют формы инструментального падежа этого слова *po-ni-ke* = *phoinike* (ед. ч.) и *po-ni-ki-pi* = *phoinikhipi* (мн. ч.). Однако, какое из значений слова φοῖνιξ ('пальма', 'феникс' или 'пурпур') надо выбрать для интерпретации микенского слова? Археологические данные как будто бы говорят в пользу первого значения.

Слов этой категории не так много, это объясняется тем, что для

²⁸ Подробнее см.: Palmer L.R. Interpretation of Mycenaean Greek texts. P. 39, 442.

интерпретации микенской лексики в принципе требуется понимание значения слов.

3.3. Значение слова понятно, либо в принципе ясно, к какому кругу понятий его отнести, но отождествить его с известными словами классического языка невозможно. Значения этих слов устанавливаются из контекста надписей. Здесь прежде всего следует упомянуть глагольный корень *a-ja-* со значением 'инкрустировать'. От него засвидетельствовано причастие *a-ja-te-no* = *a-ja-tenos* (страдательное причастие презенса или перфекта). Сюда же относится основная часть микенских имен собственных и топонимов, не получивших отождествления с классическими греческими словами.

Следует предположить, что некоторое число из неинтерпретируемых слов представляют собой заимствования из догреческих языков, исчезнувшие вместе с крушением микенской цивилизации. Другие могут быть исконными греческими словами индоевропейского происхождения, также вышедшими впоследствии из употребления. Среди них могут быть и такие, которые имеют соответствия в классическом языке, но особенности микенской графики не позволяют нам идентифицировать их.

Следует также считаться и с тем, что в отдельных случаях могут выступать расхождения в фонетическом облике микенских слов и их классических греческих соответствий. К примеру, слово *qe-to* выступает в списке предметов посуды. Допустим, что гласная *-e-* соответствует здесь классическому *i*, можно интерпретировать это слово как *πίδος*. При этом следует также принимать, что *π-* в греческом слове восходит к *q^h*.

Другими примерами подобной интерпретации являются *de-re-u-ko* = *dleukos*, класс. γλεύκος²⁹ или *da-pu-ri-to-jo* = *Daburinthio* (род. пад. от λαβύρινθος)³⁰.

Значительная часть микенской лексики имеет "алгебраический" характер: можно установить грамматическую принадлежность слова и его грамматическое значение, но лексическая интерпретация остается недоступной или же гипотетической. В качестве примера можно привести топоним *u-ta-no* и производное прилагательное в форме мужского или среднего рода *u-ta-ni-jo* = *u-ta-nios* или *u-ta-nion*, собственное имя или название должностного лица *ko-ma-we* (n.s.), *ko-ma-we-to* (Gen. Sg.), *ko-ma-we-te* (Dat.-Loc. Sg.) и производное от него прилагательное в форме женского рода *ko-ma-we-te-ja*. С такими "алгебраическими" выражениями исследователям приходится иметь дело на каждом шагу. К ним относится и ряд слов с недешифрованными знаками: например, собственное имя *ru-83 засвидетельствовано в двух падежных формах: *ru-83-e* (дат. п. ед. ч. на *-ei*) и *ru-83-o* (род. п. ед. ч. на *-os*).

3.4. Четвертую категорию составляют слова, которые не поддаются ни семантической интерпретации, ни отождествлению с клас-

²⁹ См.: Chadwick J. Mycenaean wine and the etymology of γλεύκος // *Minos*, 9. 1966. P. 192—197.

³⁰ См.: Palmer L.R. *Mycenaean and Minoans*. London, 1961. P. 120.

сической греческой лексикой. Понимание их затрудняется тем, что подавляющее большинство из них засвидетельствовано вне контекста, часто в фрагментах надписей. Некоторые из них могут представлять собой сокращения. Большая часть непонятных слов принадлежит кносским табличкам. В качестве примера можно привести: *a₂-ri-e*, *a-zo*, *ai-ki-po*, *di-ra-ro*, *ja-qa*.

Здесь мы также должны иметь дело с утраченными впоследствии словами либо с такими, которые мы не в состоянии отождествить. Наши трудности с пониманием этих слов, очевидно, лишь отчасти вызваны несовершенством слогового письма. Следует полагать, что многие из них остались бы для нас непонятными даже в том случае, если бы мы получили их точную фонологическую запись.

3.5. В свете сказанного выше ясно, что полная интерпретация микенской лексики должна включать:

- фонологическую транскрипцию,
- соответствие в языке классического периода,
- семантическую интерпретацию (перевод).

Это требование выполняется лишь для части микенской лексики, например: *wa-na-ka* = *wanaks*, (F)ᾗναξ 'царь'; *de-ki-si-wo/de-ki-si-wo-jo* = *dexiwos*, -*oio*, δεξι(F)ός 'правый'; *e-re-pa* = *elephas*, ἐλέφας 'слоновая кость' и некоторых других (см. Словарь).

Гипотетичность или даже невозможность толкования значительной части слов, засвидетельствованных в надписях линейного письма В, вызывала в свое время сомнения в правильности дешифровки. Предполагаем, что они могут появиться и у начинающего исследователя, вступающего в область микенологии. В этой связи можно высказать следующие соображения. Во-первых, непонятные слова встречаются и в надписях классического времени, выполненных алфавитным письмом. Вспомним хотя бы знаменитое *σαστῆρα* в херсонесской присяге. Исключительно сложными для понимания являются, к примеру, и составленные алфавитным письмом ламфилийские надписи, которые содержат ряд плохо поддающихся толкованию слов.

Во-вторых, тот факт, что в крито-микенских надписях оказалось немало еще для нас непонятного, скорее служит дополнительным доказательством правильности дешифровки. Если бы в текстах, относящихся к более древней эпохе в развитии общества и языка, отделенной от классического времени "темным периодом", абсолютно все оказалось бы ясным и доступным нашему пониманию, то скорее в этом случае можно было бы усомниться в истинности полученных М. Вентрисом фонетических значений знаков линейного письма В.

3.6. Возникает также вопрос, как могли греки микенской эпохи пользоваться столь неудобным письмом, допускавшим много вариантов чтения одного и того же написания. К примеру, для написания *pa-te* для одних надписей на основе контекста принимается толкование *πατήρ*, а для других *πάντες*. В принципе возможны также толкования *φάντες*, *πανθήρ*, *πάντει*, *πάντε*.

Действительно, один слоговой знак, передающий губной или заднеязычный смычный, может передавать до семидесяти различных слогов. Потенциал значений силлабограмм серии *t*- меньше, т.к. слоги, на-

чинавшиеся с *d-*, обозначались особыми слоговыми знаками. В свою очередь у знаков серии *d-* потенциал значений вдвое меньше, чем у серии *t-*. Ограничены значения знаков *ni*, *mi* или *i*. С математической точки зрения число различных возможных чтений слов из трех знаков может достигать $70^3 = 34.300$. Однако фонологические и морфонологические законы языка резко ограничивают число допустимых сочетаний фонем и слогов. Поэтому, чем длиннее слово, тем, как правило, оно легче интерпретируется. Определенные чтения начального знака автоматически исключают многие возможные чтения следующих знаков. Это обстоятельство позволило интерпретировать целый ряд собственных имен: *a-ki-re-u = Akhilleus*, Ἀχιλλεύς, *de-u-ka-ri-jo = Deukaliōn*, Δευκαλίων, *da-ma-te = Dāmātēr*, Δημήτηρ, *e-re-u-ti-ja = Eleuthia*, Ἐλευθία, *a-re-ka-sa-da-ra = Aleksandrā*, Ἀλεξάνδρα. Здесь нельзя не упомянуть и топонимы *ko-no-so = Knōsos*, Κνωσός и *a-mi-ni-so = Amnisos*, Ἀμνισός, сослужившие роль ключа при дешифровке.

3.7. В понимании сущности соотношения крито-микенской письменности и звукового строя греческого языка сложились три концепции. М. Вентрис и Дж. Чэдвик понимают особенности линейного письма В как орфографические правила. Этот термин широко применяется почти всеми микенологами. С этой точки зрения опущение второго компонента дифтонгов с *-i*, опущение неслоговых сонантов и *-s* в конце слова и слога, необозначение долготы гласных, особые приемы для передачи сочетаний смычных с другими консонантами являются условностями микенской орфографии³¹.

Противоположный подход был высказан В. Мерлингеном³², С.Я. Лурье³³ и в ранних работах В. Георгиевым³⁴. По их мнению, указанные особенности следует объяснять фонетическими навыками носителей микенского диалекта. К примеру, они полагали, что опускавшиеся на письме неслоговые сонанты и *s*, действительно, выпадали в произношении либо были сильно редуцированы.

В определенных отношениях им нельзя отказать в правоте. Скажем, обозначение глайдов *-j-* и *-w-* в позиции после [i], соответственно [u] и перед гласным, это, конечно, не орфографическое правило, а отражение реального произношения. Подобное переходное *-i-* иногда встречается и в древнегреческих алфавитных надписях. К сожалению, смешивание фонетических и графических особенностей встречается и в работах, выходящих в свет и в последнее время. К примеру, "Введение в изучение линейного письма В" Хукера³⁵ причисляет вставку глайдов *-j-* и *-w-* к числу так называемых орфографических особенностей.

В отношении, однако, остальных основных особенностей линейного письма В фонетическая концепция несостоятельна. Представляет-

³¹ См.: Ventris M., Chadwick J. Evidence for Greek dialect in the Mycenaean archives // Journal of Hellenic studies, 73, 1953, P. 84—104.

³² Merlingen W. Bemerkungen zur Sprache von Linear B. Wien, 1954.

³³ Лурье С.Я. Язык и культура микенской Греции. С. 27 - 69; Luria S. Die Sprache der mykenischen Inschriften. S. 5—38.

³⁴ Георгиев В. Нынешнее состояние толкования крито-микенских надписей. София, 1954.

³⁵ Hooker J. Introduction... P. 35.

ся невероятной столь далеко зашедшая фонетическая эволюция на таком древнем этапе истории древнегреческого языка, к тому же не оставившая никаких следов в греческих диалектах классического времени. В частности, если бы необозначавшиеся на письме сильно-начальные и *-i* как второй элемент дифтонга, действительно, выпали в произношении, то это привело бы к утрате важнейших показателей грамматических категорий и вызвало бы появление новых грамматических средств. Поскольку никаких признаков перестройки грамматической системы в языке линейного письма В не наблюдается (она во всех отношениях гораздо архаичнее, чем система греческих диалектов классического времени), то фонетическое объяснение в целом представляется неправдоподобным.

С другой стороны, нельзя считать верной и "орфографическую" концепцию: нет оснований говорить об орфографии и орфографических правилах в собственном смысле слова по отношению к крито-микенским надписям. Многочисленные колебания в написаниях многих слов (по два и даже три варианта), примеры которых уже частично приводились выше, ни в коем случае не позволяют увидеть в надписях линейного письма В нормированность, которая и составляет сущность орфографии. Впрочем, создается впечатление, что многие микенологи, употребляя термин "орфография", понимают под ним графические особенности, а не систему орфографических условностей.

Наиболее адекватной представляется нам концепция И. М. Тронско-го, который объясняет особенности микенского письма последовательным соблюдением основного принципа графики — передачи на письме только сильноначальных согласных (т.е. согласных, начинающих слог).

В античной грамматической традиции существовало правило сло-годеления, согласно которому начинать слог внутри слова могли только те консонантные группы, с которых могло начинаться грече-ское слово. Легко убедиться в том, что при помощи вставки на письме вспомогательного гласного передаются лишь те сочетания согласных, с которых могли начинаться греческие слова: *re-po-to* = *leptos* (πτ-), *de-mi-ni-ja* = *demnia* (μν-), *di-pte-ra* = *diphthera* (φθ-).

Исключение составляет группа *s* + смычный, но *s* перед согласным не передается микенской графикой и в начале слова. Например: *pe-mo* = *spermo* < *spermnt, σπέρμα, *ko-no* = *skhoinos*, σχοῖνος. Можно пред-положить, что причиной этого является особый монофонемный ста-тус таких сочетаний.

Как подчеркивал И. М. Тронский, кипрское слоговое письмо смогло выработать приемы для передачи неслоговых сонантов и *s* в конце слога и слова, лишь отступив от основного принципа слогового пись-ма, согласно которому передавались только сильноконечные соглас-ные.

В отличие от носителей кипрского диалекта I тыс. до н.э., которые пользовались своим силлабарием в силу традиции, греки микенского времени не знали и не могли представить себе другие способы фик-сации речи. Проигрывая в целом по сравнению с алфавитным и даже с кипрским слоговым письмом, микенская графика открыла нам глаза

на целый ряд фонологических особенностей древнегреческого языка. На их основании можно сделать важные выводы о структуре древнегреческого слога³⁷. Дифтонги с *-i* предстают в свете микенских данных как бифонематические, а дифтонги с *-i* — как монофонематические³⁸, в то время как алфавитное и кипрское слоговое письмо не делают между ними различия. Между тем, по нашему мнению, показателен тот факт, что в новогреческом языке древние дифтонги с *-i* представлены простыми гласными, а рефлексы дифтонгов с *-i*, хотя уже и не являются дифтонгами, сохраняют все же бифонематический характер. Также и пропуск *z* в сочетании с согласным обусловлен монофонематическим характером этих групп³⁹.

По нашему мнению, писцы ощущали неудобство пользования таким письмом и постепенно вводили в него определенные усовершенствования. Об этом свидетельствуют "дополнительные" знаки *au*, *a₂ = ha*, *a₃ = ai*, *pu₃ = phi*, *pie*, *dwo*, *nwa* и др., особая серия знаков для *d* + гласный, спорадическая передача второй части дифтонгов с *-i*.

Не исключено, что отдельные писцы в нарушение основного принципа слогового письма предпринимали попытки передавать сильно-начальные *-n*⁴⁰ и *-r* знаками *-na* и *-ra*. Об этом свидетельствуют, возможно, написания *ki-to-na* и *ka-ra-te-ra*, если толковать их как формы именительного падежа (*khitōn* и *kratēr*)⁴¹.

4. ЗВУКОВОЙ СТРОЙ ЯЗЫКА КРИТО-МИКЕНСКИХ НАДПИСЕЙ

Основываясь на данных крито-микенских надписей и наших представлениях о фонетической эволюции греческого языка на раннем этапе его развития, фонемный состав микенского диалекта можно представить следующим образом (см. табл. 1).

Основной проблемой микенского консонантизма является вопрос о возможности наличия в микенском палатализованных смычных и спирантов как особых фонем⁴². В то время как С.Я. Лурье решал этот вопрос положительно⁴³, другие исследователи предполагали, что особые слоговые знаки для передачи сочетаний *tj + V*, *rj + V* и др. в микенском греческом языке передавали бифонемные сочетания⁴⁴. В частности, сложную проблему представляет собой вопрос о фонологическом статусе и фонетической реализации фонем, условно транслитерируемых знаками серии *z-* (см. выше, раздел о графической системе).

³⁷ Тронский И.М. Слоговая структура древнегреческого языка и греческое слоговое письмо // Древний мир. Академику Струве В.В. М., 1962. С. 620—626.

³⁸ Bartoněk A. Monophonemic diphthongs in Mycenaean // *Minos*, 8. 1963. P. 51—61.

³⁹ Doria M. Les graphies mycéniennes pour *s*+occlusive de mot et de syllabe // *Studia Mycenaea*. P. 59—64.

⁴⁰ См.: Chadwick J. Twenty-seven years of Linear B // *Proceedings of the VIIIth Congress of the International Federation of the Societies of Classical studies*. Budapest, 1984.

⁴¹ См. раздел об атематическом склонении.

⁴² Bartoněk A. Outline of phonemic system in Mycenaean Greek // *Sbornik praci filosoficke fakulty Brnenske University*. A. 12. 1964. P. 195—209.

⁴³ Luria S. Die Sprache der mykenischen Inschriften. S. 5—10.

⁴⁴ См., например: Palmer I.R. Mycenaean and Minoans. P. 59; Lejeune M. Contexte et interprétation. *Mémoires*. T. III. P. 41—53.

Таблица 1
Согласные и неслоговые сонанты:

		Глухие	Звонкие	Придыхательные	Носовые
Зубные Губные	смычные	p	b	p ^h	m
	спиранты		w		
	смычные	t	d	t ^h	n
	спиранты	s			
	аффрикаты	c	dz		
Плавные		r, l			
Среднеязычные		j			
Лабиевелярные	q	g ^u	g ^{uh}		
Заднеязычные	k	g	k ^h		
Гортанные	h				
Система гласных	i	u	ī ū	ē ō	ē ō
	e o	ā	āi	ē ō	ē ō
	a			āi	ē ō

4.1. Согласные и неслоговые сонанты

В микенскую эпоху уже завершился переход $s > h$ в начале слова перед гласной и в середине слова между гласными:

e-qe-ta = *heq^he-tās* (и.-е. корень **seq^h*-, ср. ἔποιαι, и лат. *sequor*);
e-me = *hemē* (и.-е. корень **sem-/som-*, ср. εἶς, ἐν-ός, лат. *sem-el*);
e-ke = *hekhei* (и.-е. корень **seg^h*, ср. ἔχω, импф. εἶχον < *ἔσεχον.
e-o = *ehōn* (и.-е. корень **es-*, ср. ἔών, лат. *es-se*);
we-te-i = *wetehi* (дат.-местн. пад. от *wetos*, (F)ἔτος).

Слог *ha* в Пилосе, как правило, передавался силлабограммой a_2 : *a₂-te-ro* = *hateron* < *smtero (ср. ἄτερος, ἔτερος). В Кноссе же в этом случае употреблялся обычный знак *a*: *te-tu-ko-wo-a* = *tetukhwoha* (прич. перфекта от τεύχω), в Пилосе это слово засвидетельствовано в написании *te-tu-ko-wo-a₂*.

Следует полагать, что *h*, возникшее в результате этого перехода, еще сохранялось во всех положениях, хотя в большинстве случаев и не обозначалось в письме. Об этом свидетельствует отсутствие элизи в сложных словах, в которых второй компонент должен начинаться с *h*: *a-pi-e-ke* = *amphi-hekhei* ἀμφί и ἔχω *o-pi-a₂-ra* = *opi-hala* (Acc. Sg. от ὀπί = ἐπί и ἄλς 'местность над морем', но *o-pa-qa* (а не *o-pi-o-qa*) = *op-oq^hon* (от ὀπί и ὄψ, ср. μέτωπον 'налобник'). О сохранении *h* в середине слова говорит также употребление особого знака a_2 = *-ha* в им.-вин. падеже мн. ч. существительных среднего рода на *-s*: *e-ke-a₂* = *enkheha* < *enkhesa, *pa-we-a₂* = *pharweha* < *pharwesa от *pharwos* (ср. φᾶρος).

Равным образом, *s* перешло в *h* в середине слова в положении после гласной перед *j*. Можно привести такие примеры:

1) причастия перфекта жен. р. на *-usia* > *-uhia*: *a-ra-ru-ja* = *araruhiai* (от ἀραρίσκω), *de-di-ku-ja* = *dedidakkhuhiai* (от διδάσκω);

2) женские имена на *-esia* > *-ehia*, образованные от мужских имен на *-ēs*: *a-ti-ke-ne-ja*, *ai-pu-ke-ne-ja*, ср. соответствующие мужские имена *a-ti-ke-ne*, *ai-pu-ke-ne*;

3) прилагательные на *-jo*, образованные от существительных. В языке классического времени в ряде случаев интервокальное *s* было сохранено, что отчасти совпадает с микенским состоянием. В классическом греческом мы застаем первоначальное интервокальное *-s-* сохранным в двух основных случаях:

1) в окончаниях Dat. plur. *-οιοι*, *-ᾶσι*, *-αισι*, *-ιοι* и др.;

2) в формах сигматического аориста и футурума глаголов с вокалическими основами типа *δῶσω*, *ἔτιψα* и т.п.

Данные крито-микенских надписей свидетельствуют о сохранении *-s-* в глагольных формах: *do-se* = *dōsei* (от *δίδωμι*), *a-ke-re-se* = *agrēsei* (от *ἀγρέω*). В существительных *-s-* встречается лишь у основ на слоговые сонанты и дифтонги: *ka-ke-u-si* = *khalkeusi*, а не **ka-ke-u-i* = **khalkeuhi*; *ti-ri-si* = *irisi*, *τρισι*. Здесь проявилось действие аналогии к основам на согласные и неслоговые сонанты, которые сохранили *-s-*, т.к. оно не находилось в интервокальном положении:

— *a-mo-si* = *harmos(s)i* < **harmnt-si*, атт. ἄρμασι, ср. им. пад. мн. ч. *a-mo-ta* = *harmota* < **harmnta*;

— *e-ke-si* = *enkhes-si*, ἔγχησσι, ср. им. пад. мн. ч. *(e)-ke-a* = *enkheha*.

М. Лежен предлагает для сохранения интервокального *-s-* в этих двух случаях двойное объяснение: либо *-s-* здесь вначале также перешло в *-h-*, а к эпохе написания дошедших до нас надписей было восстановлено по аналогии к согласным основам, либо под действием все той же аналогии *-s-* здесь вообще не ослаблялось в *-h*⁴⁵.

В двух вышеприведенных случаях микенский диалект совпадает с классическим древнегреческим языком. Однако между микенским и классическим греческим существует серьезное расхождение в отношении флексии дательного падежа множественного числа тематических основ: классическим окончаниям *-οιοι*, *-α(ι)σι* соответствуют микенские *-o-i*, *-a-i*, которые мы должны интерпретировать как *-oihi*, *-aihi* < *-oisi*, *-āsi*⁴⁶.

Этот факт заставляет нас склониться к тому предположению, что первоначально *-s-* перешло в *-h-* во всех случаях, и лишь позднее под действием внутрисистемных морфологических факторов было восстановлено в формах дательного падежа множественного числа. Как пишет об этом сам М. Лежен, восстановление *-s-* должно было проходить в два этапа, к моменту написания дошедших до нас надписей был завершён лишь первый из них⁴⁷.

Принимая во внимание то, что конечная группа *-ns* в ряде диалектов классического времени сохранилась (например, в аргосском и критском), а в других представлена самыми различными результатами фонетического развития, можно предположить, что в микенское время выпадение *-n-* еще не наступило. Это, в частности, относится к формам винительного падежа мн. ч. на *-ons*, *-ans* (на письме *-o*, *-a*).

Противоположной точки зрения придерживается М. Лежен, который

⁴⁵ Lejeune M. Restauration analogique de la sifflante intervocalique // Mémoires... . Т. III. P. 157—162.

⁴⁶ Подробнее см. ниже в разделе о тематических основах.

⁴⁷ Lejeune M. Notes de morphologie mycénienne // BSL. 60. 1965. P. 1—5.

считает, что, если бы в окончаниях *-ovs*, *-avs* в микенскую эпоху еще сохранялось *-v-*, то вин. пад. мн. ч. передавался бы на письме окончаниями *-o-no*, *-a-na*. Тем самым мы имели бы, например, **si-a₂-ro-no* = *sihalons* (от *σίαλος*) и **a₃-ka-sa-ma-na* = *aikhsmans* (от *αἰχμή*) (вместо засвидетельствованных на письме форм *si-a₂-ro* и *ai-ka-sa-ma*), поскольку согласный в ауслатной группе *C + s* передается на письме.

С другой стороны, очевидно, что в микенский период выпадение *-n-* перед *-s* с компенсаторным удлинением предшествующего гласного еще не могло иметь места.

Поэтому М. Лежен постулирует в раннегреческом для окончаний *-ons* и *-ans* аллофонные варианты *-os* и *-as*, выступавшие в результате упрощения конечной согласной группы в определенных позициях. К микенскому времени окончания *-os* и *-as* были обобщены во всех позициях и вытеснили окончания с *-n*⁴⁸.

Объяснение Лежена представляется нам в определенной мере искусственным. Естественнее, по нашему мнению, исходить из особого фонологического статуса сильноначального [n] в структуре слога, который соответствовал скорее статусу *-i* как второго элемента дифтонга. Поэтому в полном соответствии с основным принципом микенского письма как сочетания *-ois*, *-ais*, так и *-ovs*, *-avs* передавались на письме как *-o*, *-a*⁴⁹.

С другой стороны, группы *-ts*, *-ds* должны были уже перейти в *-ss*, так как они всегда передаются на письме как *s + V*: *pi-we-ri-si* = *piwerissi* (от *Πιερίδες*), а не **pi-we-ri-di-si*, *ne-ki-ri-si* (им. пад. мн. ч. *ne-ki-ri-de*), а не **ne-ki-ri-di-si*.

В языке крито-микенских надписей, в отличие от всех диалектов I тыс. до н.э., еще сохранялись лабиовелярные фонемы, противопоставлявшиеся губным, зубным и задненебным смычным фонемам⁵⁰. Эти фонемы [q^u], [q^uh] и [g^u] микенская графика передает при помощи слоговых знаков *qo*, *qe*, *qi*, *qa*. Фонема [q^u] засвидетельствована в словах *a-to-ro-qo* = *anthrōq^uos*, *e-qe-ta* = *heq^uetās*, *jo-qi* = *hoq^ui* (классические греческие *ἄνθρωπος*, *ἑπέτας*, *ῥτι*). В некоторых именах собственных с исходом на *-qo-ta* вторую часть можно интерпретировать как *-q^uhontās* или *-q^uhoitās* (классическое *-φοντᾶς* или *-φοιτᾶς*), например: *a-na-qo-ta*, *a-pi-qo-ta*, *a-e-ri-qo-ta*, *e-u-ru-qo-ta* и др. В этих словах можно предполагать фонему [q^uh], независимо от того, какой вариант интерпретации второй части выбрать. Фонема [g^u] представлена в словах *a-pi-qo-to* + *amphi-g^uotos* (*-βατος*), *-qo-o* = *g^uōs* (*βοῦς*), *su-qo-ta* = *su-g^uotās* (*σὺβῶτᾶς*).

Есть основание полагать, что процесс перехода лабиовелярных в губные смычные, результаты которого отмечаются в аркадо-кипр-

⁴⁸ Lejeune M. Restauration analogique... // Memoires... Т. III. P. 157.

⁴⁹ Дифтонгондным характером сильноначальных *-n-*, *-r-*, *-l* объясняет их пропуск на письме С.Я. Лурье, см.: Luria S. Die Sprache der mykenischen Inschriften... S. 20—21.

⁵⁰ Открытие лабиовелярных в микенском греческом языке, имеющее огромное значение для индоевропеистики, принадлежит М. Вентрису и Дж. Чедуику, см. Evidence for Greek dialect... Из последних работ рекомендуем: Тодорович М.М. Индоевропейские лабиовеляри во микенском греческом диалекте // *Živa antika*. 1984. G. 34. Sv. 1—2. S. 73—78 (резюме на фр. языке).

ском диалекте классического времени, начинался уже в эпоху написания микенских табличек. Об этом свидетельствует знак 16 = *qa* (в некоторых работах по микенологии его транслитерировали как *pa*₂). Этот знак в основном передает индоевропейские лабиовелярные фонемы: *o-qa-wo-ni* = *Hoq^uāwoni* (дат. падеж ед. ч. от *ὄλιων*), *ti-ri-jo-qa* = *Triog^us* (Τρίοτας). В одном случае он засвидетельствован в слове с этимологическим [ph]: *ku-su-to-ro-qa* = *ksunstrophā*. Далее следует отметить, что в ряде случаев индоевропейские лабиовелярные фонемы перед [a] передаются знаком *pa*, а не *qa*: *pa-te* = *pantes* (<*k^uant-*)⁵¹, *pa-ra-jo* = *palaios* (<*q^uat-*).

В трех случаях засвидетельствовано чередование:

pa-ra-jo (Jn 389) : *qa-qa-jo* (Vn 119),
pa-ra-ro (Dx 207) : *qa-qa-ro* (As 640),
te-pa-i (Oe 107) : *te-qa-de* (X 508), *te-qa-ja* (Ep 539).

Вероятно, знак 16 первоначально, действительно, передавал лабиовелярные фонемы перед [a]. Позже их реализация стала приближаться к реализации соответствующих губных либо совпала с ней, о чем и свидетельствуют приведенные выше написания. Некоторые исследователи, однако, считают, что лабиовелярные еще сохранялись перед [a]. В частности, Э. Вилборг указывает на то, что этимология слов *πᾶς*, *παλαίος* нуждается в уточнении, а колебания в употреблении знаков *pa* и *qa* имеют место в собственных именах, где нет полной уверенности, что каждая пара представляет собой одно и то же слово⁵².

Самостоятельную фонему представлял собой также и звук [j]. Силлабарий имеет три знака для передачи его сочетаний с гласными: 57 = *ja*, 46 = *je*, 36 = *jo*. Как самостоятельная фонема этот звук встречается, в частности, в сочетании *-wj-*: *me-wi-jo/me-u-jo* = *mewjōs*, *di-wi-ja/di-u-ja* = *Diwjä*. В начале слова [j] встречается лишь в слогах *ja* и *jo*. Причем, во всех словах, начинающихся с *jo*, первый слог представляет собой относительное местоимение, которое пишется слитно с последующим словом (подробнее см. § 6.1). В ряде случаев формы с *j* чередуются с написаниями, где *j* отсутствует: *jo-* : *o-*, *ja-ke-te-re* : *a-ke-te-re*, *a₁-ke-te-re*, *ja-sa-ro* : *a-sa-ro*. Это может указывать на начало фонетического перехода *j* > *h*⁵³. Однако чередование *jo* : *o* может не иметь фонетического характера, а восходить к различным индоевропейским корням, тогда *o-* следовало бы интерпретировать как *hō-* из **sō-*.

Особенно часто выступает *j* в положении после [i] перед гласной. В этом случае оно представляло собой лишь переходный звук, совпадающий с фонетической реализацией фонемы [j], чем и объясняется его обозначение на письме: *e-te-wo-ke-re-we-i-jo* = *etewoklewēhios*, *po-ni-ki-jo* = *phoinikios*, *ku-ru-me-ni-jo* = *Klumenios*, *ki-ni-di-ja* = *knidia*. Такой же переходный звук выступал в произношении после дифтонгов со вторым элементом *-i*, не обозначавшимся на письме. Написание *jV* указывает на дифтонгический характер предшествующего гласного:

⁵¹ Сочетание *kw* в греческом языке претерпело те же изменения, что и *q^u*. ср. *ἵπλος* > **ekwo-*.

⁵² *Vilborg E. Tentative grammar of Mycenaean Greek. P. 32. 46.*

⁵³ *Рухаков А. Ю. Судьба и.-е. *у- в греческом // Лингвистические исследования. 1983. Функциональный анализ языковых единиц. М., 1983. С. 165.*

e-re-pa-te-jo = *elephanteios*, *di-ka-ta-jo* = *diktaios*, *wi-ri-ne-jo* = *wrineios*, *o-pi-tu-ra-jo* = *opi-thuraios*. Написания *v-i-jV* никогда не чередуются с написаниями *v-jV*, т.е. *-a-i-jo*, *-e-i-jo*, *-o-i-jo* и т.п. никогда не чередуются с *-a-jo*, *-e-jo*, *-o-jo*. Лишь в Кноссе мы встречаем два исключения: *ke-ra-ja-pi/ke-ra-i-ja-pi*, и *po-ti-ni-ja-we-jo/po-ti-ni-ja-we-i-jo*. По нашему мнению, написания *V-i-jV* являются здесь частным случаем от более общего исключения: обозначения на письме второй части дифтонгов с *-i*, которое в ряде случаев имеет место в кносских табличках (см. выше § 2.2).

Интересную проблему представляет собой фонологическая структура окончания род. п. ед. ч. тематического склонения. Ее можно представить как [ojo] и [oio]. Последнее реализовалось бы в произношении с переходным после дифтонга *oi*, т.е. *oijo*. Мы отдаем предпочтение первой интерпретации, принимая во внимание фонетическое развитие *-osjo* > *-ohjo* > *-ojo*. Кроме того, если бы за *-ojo* скрывалось *-oio*, то в Кноссе, видимо, встречался бы графический вариант *-o-i-jo*.

В то же время фонема [j] не сохранилась в микенском диалекте в тех случаях, когда в позднейшем греческом языке этимологическое [j] представлено [ç]. Звук, в который перешло [j], в этом случае условно транслитерируется знаками серии *z-*, но вопрос о его фонетической реализации остается нерешенным. Приведем пример: *ze-u-ke-si* = *zeuges(s)i*, дат. пад. мн. ч. от **ze-u-ko* = *zeugos*, ζεύγος, ср. лат. *jugum*.

Аналогично фонеме [j] сонант [w] также выступает в надписях и как самостоятельная фонема, и как переходный звук между *u* и последующей гласной фонемой⁵⁴.

Как самостоятельная фонема он засвидетельствован в словах *wana-ka* = *wanaks*, *wa-tu* = *wastu*, *we-to* = *wetos*, *ke-ra-me-wi* = *keramēwi*, *te-mi-dwe-te* = *termidwente*, *dwo* = *dwō* (ср. гомеровское δῶ-δεκα < *δFῶ—δεκα).

Как переходный звук (глайд) мы его обнаруживаем в *ku-wa-no* = *kuanoi*, *e-u-wa-ko-ro* = *Eu-agros*, *a-re-ku-tu-ru-wo* = *Alektruōn*, *e-ri-nu-we* = *Erinuei*, *ta-ra-nu-wo* = *Thranues*.

4.2. Гласные

Характерной особенностью языка крито-микенских надписей, сближающей его с аркадо-кипрским и эолийскими диалектами, является судьба слоговых сонантов [ɾ, ɿ, ɱ, ɲ]. Как известно, в большинстве диалектов [ɱ, ɲ] перешли в [a], а [ɾ] и [ɿ] в [ar] или [ra], соответственно в [al] или [la]: **kmtō-m* > *ε-κατόν*, **es-ɱ* > *ἦα*, **neun* > *εν-νέ(F)α*, **mɱ-t-* > *-ματ-* (σπέρματα), **dr t-* > *δάρσις, δαρ-τός, δρα-τός*, **stɿn-* > *σταλνά* > лесб. *στάλλα*, атт. *στήλη*.

В упомянутых же выше диалектах индоевропейские слоговые сонанты [ɱ, ɲ, ɾ, ɿ] в ряде случаев перешли в *o*, *ro*, *or*, *ol*, *lo*⁵⁵. Это же явление отмечается и в микенском диалекте: здесь результаты фонети-

⁵⁴ Вопрос о фонетической реализации этой фонемы (билабиальная или лабиодентальная?) остается открытым.

⁵⁵ См.: *Morpurgo A. L'esito delle nasali sonanti in miceneo // Rendiconti della classe di scienze morali, storiche e filologiche dell' Accademia dei Lincei. 15. 1960. P. 331—336.*

ческого развития и.е. слоговых сонантов представлены как гласной [o], так и с гласной [a]. В слове *a-no-wo-to* = *an-owoton* < *n-ous-ŋ-to 'безухий' представлены оба варианта фонетического развития η . Начальное η -privativum всегда представлено как *a-*: *a-na-mo-to* = *anarmostoi* 'не прилаженные' (от ἀρμόζω), *a-ta-ra-si-jo* = *atalansioi* '(кузнецы), не имеющие задания' (от ταλασία).

Другие примеры: *a-pe-a-sa* = *ap-esnti a* 'отсутствующая' (от ἀπ-εἰμι), *a₂-te-ro* = *hateron* < *sm₂-tero 'другой' (кл. ἕτερος), *e-ra-po* = *elaphos* < *elnbho 'олень';

но: *a-pi-ŋo-to* = *amphi-g^hotos* < **g^hnto*- (от ἀμφί и βαίνω), *e-ne-wo* = *ennewo* < *(*e*)*n^hew η* , ἐννέα.

Суф. *-m η t-* представлен в микенском диалекте двумя вариантами: *-mat* и *-mot-*. Первый вариант имеется, к примеру, в словах *de-ma-si* = *derma(t)si* (Dat. Pl. от *derma* < **derm η t*, δέρμα), *ka-ra-ma-to* = *klasmatōn* (Gen. Pl. от *klasma* < **klasm η t*, κλάσμα). Вариант *-mot-* засвидетельствован в двух словах: 1) *a-mo*, *a-mo-ta*, *a-mo-ia* и *a-mo-si* (соответственно Nom. Sg., Nom. Pl., Nom.-Acc, и Dat. Pl. от *harma* < **harm η t*, ἄρμα), 2) *pe-mo* = *spermo* < **sperm η t*, σπέρμα. Это слово имеет также и вариант *pe-ma* = *sperma*.

Плавные: засвидетельствованы в таких надежных примерах как: *pa-we-a* = *pharweha* < **b η wes-* (от φῆρος), *qe-to-ro* = *q^hetro* < **q^hetr η* 'четыре', τέτταρ-ες, *to-pe-za* = *torpeza* < *(*q^h*)*tr η -pedia*, атт. τράπεζα.

Интересной особенностью микенского вокализма является чередование *e* : *i*, засвидетельствованное, к примеру, в таких словах: *te-mi/ti-mi-to*, *te-mi-ti-ja/ti-mi-ti-ja*, *a-te-mi-to/a-ti-mi-te*, *a-ke-wa-ta/a-ki-wa-ta*, *e-pa-sa-na-ti/i-pa-sa-na-ti*, *qa-me-si-jo/qa-mi-si-jo*⁵⁶.

Это чередование, которое отмечается в корнях слов, заимствованных из языков догреческого населения, следует объяснять влиянием субстрата. Нет ни одного случая такого чередования в корнях исконно греческих слов либо во флексии.

Слияние гласных, имевшее место в I тыс. до н.э., еще неизвестно в крито-микенских надписях: *do-e-ro* = *doelos*, кл. δοῦλος, *e-ma-a₂* = *Hermahai* (d.s.), атт. Ἡρμῆς *e-ke-e* = *hekhehen*, атт. ἔχειν *po-se-da-o* = *Poseidāōn*, Ποσειδῶν.

В этих и подобных случаях контракции гласных препятствовал звук [h], возникший из интервокального [s]. Он частично получал отражение на письме при помощи знака *a₂* = *ha*: *ke-re-a₂* = *skeleha* (Nom. Pl. от *skelos*, σκέλος), *pa-we-a₂* = *pharweha* (Nom. Pl. от *pharwos*, φῆρος). Тот факт, что написания с *a₂* чередуются в ряде случаев с написаниями при помощи знака N 8 = *a* (например, *pa-we-a₂/ra-we-a*), свидетельствуют, по мнению ряда исследователей, об ослаблении и даже выпадении *h* между гласными. По нашему же мнению, здесь мы имеем дело с графическим явлением: употреблением знака N 8 [a] в функции знака N 25 [a₂]. Поскольку особых знаков

⁵⁶ Подробнее см.: Лурье С. Я. Язык и культура микенской Греции. С. 72–75; Hester D. A. The i/e alternation in Mycenaean Greek // *Minos*. 6. 1958. P. 24–35; о палеобалканском влиянии на фонетику микенского греческого см.: Откупщиков Ю. Палеобалканские элементы в микенской фонетике // *Concilium "Eirene"* XVI, 16th International Eirene Conference. Vol. 3. P. 145–150.

для передачи сочетаний *h* с другими гласными не было, и знаки, передававшие *o*, *ō*, *e*, *ē* и т.д., передавали также соответственно и *ho*, *hō*, *hē*, *he* и т.д., то по аналогии к знакам, передававшим другие гласные, знак *a* мог также употребляться и для передачи слогов *ha* и *hā*. Слово *ko-to-no-o-ko* = *ktoino(h)okhos* 'держатель участка земли' имеет графический вариант *ko-to-no-ko*. Здесь мы можем иметь дело с ранним ослаблением *h* между двумя гласными одинакового тембра и последующей контракцией гласных, либо со случаем гаплографии. В слове *no-pe-re-a₂*, *no-pe-re-e* = *nōpheleha*, *nōphelehe* 'непригодные' отражена древняя домикенская контракция: *pe-o... > nō...* (ἀν-ωφελής).

4.2.4. Интересный случай метатезы гласных представлен в словах *re-wo-te-re-jo* = *lewotreios* 'предназначенный для мытья' и *re-wo-to-ro-ko-wo* = *lewotrokhōwōi* 'банщики', ср. гомеровские формы λωετρόν и λωετροχόος⁵⁷.

5. ИМЕННОЕ СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ

5.0. Морфологические категории имени

Категория рода имен существительных в языке крито-микенских надписей не обнаруживает каких-либо отличий от классического древнегреческого языка. Этого и следовало ожидать, поскольку трехчленная категория рода по данным всех древних и.-е. языков завершила свое становление уже в позднеиндоевропейском состоянии. Отметим лишь, что в микенскую эпоху существительные мужского рода с основой на *-ā-* уже выделились в составе I склонения в особый лексико-грамматический разряд (см. ниже).

Категория числа. Морфологическую категорию числа конституировали граммы единственного, множественного и двойственного чисел. Наибольший интерес представляет двойственное число, которое в микенское время завершает свое формирование как граммема⁵⁸. Очевидно, к этому периоду следует отнести появление особой формы косвенных падежей этого числа на *-o-i* = *-oihi(n)*. В то же время форманты им.-вин. падежа этого числа отличаются рядом существенных архаических особенностей от двойственного числа у Гомера и в других диалектах I тыс.

Оппозиция имен по числу лишь отчасти отражалась в письме. В этом отношении всю именную лексику можно разделить на такие разряды:

1. оппозиция по числу между формами имен./имен.-вин. п. на письме отражается полностью;

2. оппозиция по числу между формами тех же падежей отражается частично: а) совпадают единственное и множественное число, двойственное имеет особую форму; б) совпадает единственное и двойственное число, множественное обозначается особой формой; в) совпадает двойственное и множественное число, единственное представлено на письме особой формой;

⁵⁷ См.: Ventris M., Chadwick J. Evidence for Greek dialect... P. 96; Лурье С.Я. Язык и культура... С. 84; Luria S. Die Sprache der mykenischen Inschriften. S. 37—38.

⁵⁸ См.: Lejeune M. Observations sur le nombre duel // Mémoires. T. II. P. 47; Slings S.R. Mycenaean data for an autonomous dual // Proceedings of the VIIIth Congress... Bd. 1984. P. 499—506.

3. формальное выражение оппозиции по числу нивелировалось микенской графикой.

Проиллюстрируем эту особенность линейного письма В таблицей 2.

Таблица 2

сд. ч.	дв. ч.	мн. ч.
1. <i>mezo</i> = <i>mezos</i> (ср. п.)	<i>me-zo-e</i> = <i>mezohe</i> (ср. п.)	<i>me-zo-a₂</i> = <i>mezoha</i> (ср. п.)
2. а) <i>to-pe-za</i> = <i>torpeza</i> , τραπεζα	<i>to-pe-zo</i> = <i>torpezō</i>	<i>to-pe-za</i> = <i>torpezai</i>
б) <i>de-de-me-no</i> = <i>dedemenon</i> (прич. перф. от δέω ср. п.)	<i>de-de-me-no</i> = <i>dedemenō</i>	<i>de-de-me-na</i> = <i>dedemena</i>
в) <i>ti-ri-po</i> = <i>tripod(s)</i> , τρίπους	<i>ti-ri-po-de</i> = <i>tripode</i>	<i>ti-ri-po-de</i> = <i>tripodes</i>
3. <i>re-u-ko</i> = <i>leukos</i> , λευκός	<i>re-u-ko</i> = <i>leukō</i>	<i>re-u-ko</i> = <i>leukoi</i>

Представляя собой деловые записи, крито-микенские таблички последовательны в употреблении грамматических чисел, в частности двойственного числа.

Категория падежа. К числу архаических особенностей микенского диалекта следует отнести и своеобразие падежной системы. Крито-микенские надписи показали, что пятипадежная система классического древнегреческого языка представляет собой результат сокращения более полной восьмипадежной системы. Для микенского греческого языка в настоящее время установлена шестипадежная система: классический список дополняет здесь инструменталис⁵⁹. Вопрос о его наличии в языке крито-микенских надписей вызывал в свое время споры (см. ниже), в настоящее время его можно считать решенным положительно⁶⁰.

Вместе с тем очевидно, что состояние падежной системы, засвидетельствованное в крито-микенских надписях, не может считаться ее древнейшим этапом. Здесь не засвидетельствованы отложительный (аблатив) и местный (локатив) падежи как самостоятельные компоненты падежной системы.

Предпосылки для формирования древнегреческой падежной системы классического периода сложились при переходе от позднеиндоевропейского к раннегреческому языковому состоянию. Эта эпоха не документирована и у нас нет особых оснований надеяться, что в наше распоряжение поступят более древние греческие тексты, чем пилосские или кносские архивы 14—12 вв. до н.э.

Однако реконструкция древнейшего состояния греческой падежной системы становится в настоящее время возможной благодаря данным крито-микенских надписей и достижениям нового этапа развития индоевропеистики. Они позволяют сделать вывод о том, что на самом раннем этапе истории древнегреческого языка продолжалось действие наметившейся еще в общиндоевропейском состоянии тенденции к фор-

⁵⁹ Честь открытия инструменталиса в микенском принадлежит Мерлингену, см.: *Merlingen W. Bemerkungen zur Sprache von Linear B. Wien, 1954. S. 27.*

⁶⁰ См. по этому поводу: *Шарыпкин С.Я. К вопросу об инструментальном падеже в языке крито-микенских надписей // Лингвистические исследования 1978. М., 1978. С. 221—230.*

мированию полноценной падежной системы. Были полностью включены в систему дательный, местный и инструментальный падежи, возможно, что этот процесс затронул и отложительный падеж. Лишь при переходе к микенскому языковому состоянию, представляющему собой следующий этап истории греческого языка, эта тенденция угасает и начинается обратный процесс редукции падежной системы. Как это часто бывает в истории языков, на новом этапе развития свертывается, разрушается то, что создавалось в течение длительного периода на предшествующих этапах развития.

Созданную на древнейшем этапе эволюции греческого языка систему падежных окончаний можно реконструировать следующим образом:

	Sing.	Plur.	Dualis
N.	-s и др.	-oi (-os), -as, -es	-ō, -ē
G.	-oio, *oso, -ās, -os	-ōn	-oihi(n)
D.	-ōi, -āi, -ei	-si	-oihi(n)
Acc.	-n/-ñ	-ns/-ñs	-ō, -ē
Instr.	-ō/-ē, -a, -ē(-ē?)	-ōis, -phi	-oihi(n)
Loc.	-oi, -ōi, -i	-si	-oihi(n)
Abl.	-ōd. = Gen	-phi (?)	-oihi(n)
Voc.	-e, = чист. основа	= Nom.	-ō, -ē

В парадигме именного словоизменения уже на раннем этапе истории греческого языка соблюдалось основное требование закона разграничения единственности, множественности и двойственности в горизонтальном ряду, т.е. была преодолена характерная для общиндоевропейского языкового состояния недифференцированность ряда падежей по числу. Индоевропейские данные позволяют нам с уверенностью говорить о дифференциации по трем числам трех падежей: номинатива, аккузатива и вокатива. Для инструменталиса и датива наличие такой дифференциации подтверждается данными крито-микенских надписей. Для генитива и локатива мы можем предполагать дифференциацию по двум граммемам категории числа: единственному и множественному, формы которых реконструируются для общиндоевропейского. Особые формы двойственного числа у этих падежей должны были появиться уже в ходе развития греческо-э языка как самостоятельной ветви. Наконец, для аблатива мы можем достоверно реконструировать на основании и.-е. данных и рудиментарных остатков этого падежа в древнегреческом языке лишь единственное число. Для множественного числа можно по аналогии к инструменталису предполагать использование форм на -φi, а для двойственного числа — форм с окончанием -oihin < -oisi + n (класс. -oiiv > -oiiv), которое, очевидно, оформляло все косвенные падежи в этом числе.

Представленный набор падежных формантов характеризуется совершенно нормальным для таких парадигм явлением — увеличением числа омонимичных форм в вертикальном ряду при возрастании степени маркированности ряда как экспонента грамматического числа. Как известно, множественное число выступает как маркированное по отношению к единственному, а двойственное — по отношению ко мно-

жественному. Поэтому следует отметить, что с формальной точки зрения функционирование падежной системы было надежно обеспечено достаточным количеством формантов, дифференцировавших отдельные граммемы категории падежа. Тем не менее именно на древнейшем этапе истории греческого языка начинается процесс редукции падежной системы. При переходе от древнейшего к микенскому состоянию число падежей уменьшается, возникает тенденция к образованию синкретических падежей.

В языке крито-микенских надписей мы застаем уже синкретический дательный-местный падеж, есть серьезные основания полагать, что здесь также завершился процесс синкретизма родительного и отложительного падежей.

В греческом языкознании уже давно предлагалось объяснение причин слияния этих падежей. В качестве таковых назывались⁶¹:

— формальное совпадение (частичное),

— семантическая близость и связанная с этим нейтрализация противопоставления в определенных контекстах.

Ни один из этих двух факторов в настоящее время не может рассматриваться в качестве основной причины слияния падежей. Частичное формальное совпадение — явление широко распространенное в древних и.е. языках (и не только в них). Оно встречается и в новых и.е. языках, которые сохранили древнюю флективную систему (к примеру: славянские, литовский). В одних случаях падежи с частично совпадающей флексией, действительно, сливались в дальнейшей истории языка. Однако есть немало примеров и того, как идентичность формальных экспонентов части падежных форм не приводит к падежному синкретизму. Вслед за В. Георгиевым можно отметить, что существуют допустимые и недопустимые совпадения падежных флексий. Если в силу фонетического износа флексии устраняется формальная оппозиция, которая по причинам семантико-функционального характера обязательно должна находить свое выражение, то язык изыскивает средства для восстановления разрушенных звеньев структуры⁶².

В древнегреческом языке существовали возможности обновления и пополнения падежной флексии за счет формантов наречных образований. В определенной мере эти возможности были использованы на позднеиндоевропейском и раннегреческом этапах развития. Речь идет о формантах *-si* (дательный и местный падежи мн. ч.) и форманте *-phi* (инструментальный и, возможно, отложительный падежи мн. ч.).

За пределами падежной системы осталось, однако, гораздо больше формантов наречных форм, которые могли бы быть использованы для оформления падежей, выходящих из употребления, либо для создания новых падежей. Здесь прежде всего следует отметить триаду "агглютинативных" квазипадежей: на вопрос где?: *-θι* (ἄλλοθι), на

⁶¹ См., например: *Brugmann K. Griechische Grammatik, München, 1900. S. 375—376.*

⁶² См.: *Георгиев В.И. Основни проблеми на славянската диахронна морфология. С. 179—180.*

вопрос откуда?: -θεν (ἄλλοθεν), на вопрос куда? -σε (ἄλλοσε) или -δε (οἴκαδε).

И, наконец, никак нельзя обойти молчанием формы на -φι — полисемантические образования, дублировавшие в языке Гомера синкретические родительные и дательные падежи во всех их употреблениях. В языке крито-микенских надписей широко представлены образования на -φι (-pi согласно правилам микенского письма) и адлатив на -de, о которых речь будет идти ниже. Однако из всех названных выше и других образований только формы на -φι вошли на древнейшем этапе языкового развития в падежную систему в качестве инструментально-го падежа мн. ч. При этом в других своих употреблениях они продолжали функционировать как полунаречные образования.

Падежная система микенского диалекта отражает тот этап эволюции системы именного словоизменения, который является промежуточным между древнейшим греческим и классическим состоянием. Здесь уже представлены синкретический дательный — местный и, очевидно, родительный — отложительный⁶³ падежи, в то же время еще сохраняется самостоятельный инструменталис⁶⁴.

Синкретизм дательного и местного падежей. О том, что местный падеж уже слился с дательным, говорят следующие факты:

— наличие двойного окончания -e/-i у существительных, употребленных в значениях как датива, так и локатива;

— наличие локативного по происхождению окончания -e = -ei у существительных тематического склонения, употребленных в значении дательного падежа;

— формы местного с нулевым окончанием, функционирующие как в локативном, так и дативном значении;

— наличие общей формы у этих двух падежей, восходящей к -*si.

С точки зрения статуса датива, который мы застаем в исторически засвидетельствованных языках, это, несомненно, синтаксический падеж, играющий важную роль в структуре высказывания. В различных синтаксических позициях датив может выражать понятийные категории объекта, субъекта, реципиента, агенса и т.п. В системе же дифференциальных семантических признаков ему могут быть приписаны два основных признака (дистинктора): направленность и периферийность. Направленность ставит датив в оппозицию к номинативу, а периферийность — к аккузативу.

Однако и.-е. языки не сразу выработали такой статус этого падежа, на раннем этапе своей истории этот падеж относился к семантическим (конкретным) падежам. С формальной стороны датив близок к локативу, вслед за Куриловичем⁶⁵ можно рассматривать форманты этих падежей как апофонические варианты одного и того же окончания,

⁶³ См.: Ventris J., Chadwick J. Documents... P. 85; Шарыкин С. Я. Синкретизм греческого датива... С. 207—208; Morpurgo A. Il genitivo miceneo e il sincretismo dei casi; Шарыкин С. Я. К особенностям синтаксиса датива в аркадо-кипрском диалекте. С. 65—66.

⁶⁴ См.: Merlingen W. Bemerkungen zur Sprache von Linear B. Wien, 1954. S. 27; Ventris J., Chadwick J. Documents... P. 85.

⁶⁵ См. по этому поводу: Kuryłowicz J. The inflectional categories of Indo-European. P. 190.

дифференцированные, однако, уже в позднеиндоевропейском состоянии.

Поскольку датив, отпочковавшийся от локатива, наличествует в балто-славянской, индоиранской и италийских ветвях, можно уверенно реконструировать его и для общеиндоевропейского состояния. Для тех же древних и.-е. языков, в которых он совпадает с местным, есть все основания полагать, что мы имеем дело со вторичным синкретизмом.

Характерной чертой датива в различных древних и.-е. языках является его преимущественное образование от имен существительных. С другой стороны, очевидно, что локатив в силу своей семантики образовывался от имен неодушевленных. Таким образом, оба эти падежа в отношении охвата именной лексики находились в отношении дополнительного распределения. Правда, в древних и.-е. языках имеются случаи употребления датива от неодушевленных существительных и, соответственно, локатива, образованного от одушевленных. Эти употребления заслуживают особого рассмотрения, однако, нельзя не отметить, что такие употребления специфичны для тех языков, в которых выступают, и могут считаться вторичными.

Их появление должно объясняться грамматикализацией этих падежей и связанной с этим тенденцией к устранению парциальности охвата именной лексики.

В то же время положение Куриловича об отпочковании датива от первичного локатива сохраняет свою силу. Расщепление локатива на собственно локатив и датив было связано с коренной перестройкой типологии языка. Локатив в позднеиндоевропейскую эпоху вычленился из древнего набора наречных форм, приобретает статус падежа.

Однако на пути к полному включению локатива в систему (как это, к примеру, произошло в балтийских и индоиранских языках) стояли препятствия, которые оказались в русле того развития, которым пошел греческий язык, непреодолимыми.

Семантика локатива требовала существования наряду с ним в системе еще двух падежей: аблатива и адлатива. Никаких следов самостоятельного адлатива и.-е. языки не обнаруживают. Эта функция исконно выполнялась аккузативом, выступавшим таким образом в двух свойствах: и как грамматический, и как синтаксический падеж. В греческом языке винительный направления часто усиливается частицей *-δε* (микенское *-de*), которая широко употребляется и в крито-микенских надписях, и в языке Гомера. Однако адлатив *s-de* не единственная возможная передача понятия движения к чему-либо, уже у Гомера для этой цели широко используются предлоги, которые позволяли намного точнее передать различные варианты этого понятия. Предлоги в собственном смысле слова (*a-pi = amphí, ἀμφί, a-pu = ari, ἀπί ἀλό, e-pi = epi, ἐπί* и др.) засвидетельствованы и в крито-микенских надписях. Но здесь они еще в значительной мере сохраняют свой наречный характер. На процесс синкретизма датива и локатива предлоги на раннем этапе развития греческого языка еще не могли оказать влияния.

Слияние датива и локатива в значительной мере было вызвано

аналогией к аккузативу. Подобно тому, как аккузатив сочетает в себе синтаксические и локальные значения, синкретический датив-локатив также представляет собой возможность двойного употребления.

Частичная общность флексии позволяет объяснить, почему локатив синкретизировал именно с дативом:

	тематич. основы	атематич. основы	основы на <i>-ā-</i>
дат. пад.	<i>-ōi</i>	<i>-i</i>	<i>-āi</i>
местн. пад.	<i>-ōi/-ēi</i>	<i>-ei</i>	<i>-āi</i>

Во множественном числе никаких особых окончаний для датива не реконструируется, поэтому следует признать, что в греческом языке с начала его развития как самостоятельной ветви и.-е. языков датив и локатив имели общее окончание. Частичное совпадение флексии ни в коей мере не затрудняло функционирование этих падежей. В тех случаях, когда флексия совпадала, конкретные значения датива или локатива идентифицировались не только контекстом, но и категориальным лексическим значением существительного: одушевленные существительные имели дативные значения, а неодушевленные — локативные.

Такое положение не могло не привести к тому, что различие между формами этих падежей начинает стираться, и первично дативные и первично локативные формы начинают употребляться в одних и тех же значениях.

Такое состояние мы и застаем в крито-микенских надписях. Здесь в атематическом склонении исконно дативное окончание *-e = -ei* и исконно локативное окончание *-i = -i* употреблялись как в дативном, так и в локативном употреблении.

Дативные употребления:

po-me-ne = poimenei (от ποιμήν),

wa-na-ka-te = wanaktei (от (F)ᾠναξ),

po-seda-o-ne = posedāonei и *po-se-da-o-ni = posedāōni* (от Ποσειδῶν),

ka-ke-wi = khalkēwi (от χαλκεύς),

ke-ra-me-wi = keramēwi (от κεραμεύς),

tu-ka-te-re = thugatrei (от θυγάτηρ).

Локативные употребления:

e-re-i и *e-re-e = Helehi, Helehei*;

we-te-i-we-tw-i = wetehi wetehi 'ежегодно' (от (F)ἔτος);

a-ke-i = Agehi.

У тематических основ различать исконно дативное и локативное окончание (*ōi* и *ōi*) невозможно, так как оба они одинаково передавались на письме (*-o*). Однако у некоторых существительных тематического склонения на письме засвидетельствовано окончание *-e*, за которым должно скрываться исконно локативное окончание *-ēi*, апофонически чередовавшееся с *-ōi*.

В качестве примера можно привести существительное *di-da-ka-re = didaskalei* (от διδάσκαλος). Окончание *-ei* в классическом греческом языке отмечается в наречиях типа οἴκει.

Формальное объединение локатива и датива еще не означало пол-

ной элиминации местного падежа из системы. В противоположность классическому языку, в котором локативная функция является предложно-падежной, в микенском локативная функция еще чисто падежная. Правда, и в классическом языке локативный по значению датив встречается в беспредложном употреблении, но такие употребления всегда контекстуально обусловлены. Иначе обстоит дело в крито-микенских надписях. Здесь топонимы выступают в дательном-местном падеже без предлогов, причем, как правило, самостоятельно, без опоры на контекст. К примеру, надпись Vn 19 содержит топонимный список из 9 названий, которые стоят в дательном-местном падеже. Локативное значение определяется здесь ввиду отсутствия вводной формулы лишь категориальной лексической семантикой существительных. Ср. надпись Vn 20, где те же топонимы стоят в вин. п. направления с послелогом *-de*:

V 19		Vn 20	
<i>pi-82</i>	[a-ke-re-wa]	<i>pi-82-de</i>	<i>a-ke-re-wa-de</i>
<i>me-ta-pa</i>	[e-ra-te-ji]	<i>me-ta-pa-de</i>	<i>e-ra-to-de</i>
<i>pe-to-no</i>	[ka-ra-do-ro]	<i>pe-to-na-de</i>	<i>ka-ra-do-ro-de</i>
<i>pa-ki-ja-ne</i>	[ri-jo]	<i>pa-ki-ja-na-de</i>	<i>ri-jo-de.</i>
[a-pu ₂ -we]		<i>a-pu₂-de</i>	

Подобным образом и дативное значение распознается по значению лексемы, от которой образована падежная форма. К примеру, в надписях серии Es выступают имена божеств в дательном-местном падеже, по смыслу надписей и лексическому значению устанавливается их дативное употребление: *po-se-da-o-ne* = *poseidāōnei* (от Ποσειδών) и др.

Таким образом слияние этих падежей следует объяснять двумя факторами:

- наличием общей формы во множественном числе и в ед.ч. у основ на *-ā-*,
- частичным охватом лексики, находившейся в отношении дополнительного распределения.

Поскольку в тех случаях, когда эти падежи совпадали по форме, их значение надежно дифференцировалось категориальным лексическим значением (одушевленные или неодушевленные имена существительные), то значимость флексии в выражении оппозиции этих падежей отступает на задний план. Дативные и локативные окончания начинают употребляться безо всякой разницы в значении, что и приводит к слиянию этих падежей.

Синкретический дательный-местный падеж возникает в результате действия тенденции к полному включению всех падежей в систему. По сравнению с самостоятельными дативом и локативом синкретический падеж обладал важным свойством, отсутствовавшим у них — полным охватом лексики.

Историю синкретизма датива и локатива можно схематически представить таким образом (см. табл. 3).

Синкретизм генитива и аблатива. Слияние этих падежей в принципе протекало под действием тех же факторов, что и описанное выше

Таблица 3

	Поздне-и.-с. период	Раннегреческий период	Микенский период
Датив	неполный охват лексики. Отсутствие мн. числа	неполный охват лексики (одушевл. существительные)	форма мн.ч. об-щая с локативом
Локатив	неполный охват лексики мн.ч. в становлении	неполный охват лексики (неодушевл. существительные)	форма мн.ч. об-щая с дативом
			Полный охват лексики. Формальное слияние в едином синкретическом падеже

слияние датива и локатива. Эта пара также представляла собой комплекс грамматического и локального падежа. В формальном плане они были связаны еще более тесно, чем датив и локатив, так как особое аблативное окончание имелось лишь у тематических основ, а у основ на *-ā-* и атематических эти падежи совпадали.

В то же время вопреки широко распространенному мнению о близости значений, мы полагаем, что эти падежи не были связаны тесно в семантическом плане. Основным в семантическом содержании аблатива является отделение, выделение из чего-л. Семантическая цель генитива прямо противоположна: не только не передает отделение, но напротив, выражая связь, отношение между двумя объектами вообще, он содержит указание на включение одного объекта в сферу другого. Скажем генитив *patris* в латинском словосочетании *amor patris* в плане языковой семантики лишь выражает то, что первый объект *amor* относится к сфере другого объекта (*patris*). Ничего более в значении собственно генитивной формы нет. Смысловая интерпретация выражения (*любовь отца* или *любовь к отцу*) является уже значением словосочетания и основывается на общем смысле высказывания, в состав которого включено это выражение.

Не противоречит ли такой трактовке семантической природы генитива и аблатива тот факт, что во многих языках аблатив либо предложные конструкции с аблативным значением часто в ходе исторического развития языка берут на себя функции генитива? Примеры общеизвестны: романское *de/di*, немецкое *von*, английское *of* и др. По нашему мнению, действительно, между этими падежами может возникать определенная семантическая связь, однако, она появляется уже в синтагматическом, а не в парадигматическом плане, и объясняется определенной смысловой интерпретацией аблативных форм либо аблативных предложных конструкций. Исходящий от чего-либо или выделяющийся из чего-либо воспринимается как сохраняющий определенную связь с чем-либо и следовательно относящийся к сфере чего-либо. То, что такая интерпретация аблативных по первичному значению форм является лишь возможной и не вытекает облигаторно из семантики этого падежа, показывают примеры

тех языков, в которых генитивные и аблативные по значению формы (падежи, предложные конструкции, синтаксические обороты и т.п.) строго разграничены и нейтрализации их противопоставления не наблюдается.

К примеру, в венгерском языке при наличии сложных синтаксических средств передачи генитивного значения, не наблюдается никакой тенденции к использованию аблативных по значению падежей в этой функции. В современном болгарском языке вместо родительного падежа употребляется конструкция с предлогом *на*, первичное значение которой было локативным, а не аблативным.

Отметим также, что в истории и.-е. языков отмечаются случаи, когда аблатив сливался не с генитивом, а с другими падежами: с дативом в германских и с местным и инструментальным в латыни. Показательна и судьба аблатива в итальянских языках, в которых окончание *-d*, первоначально оформлявшее этот падеж лишь у тематических основ, распространилось на все типы основ. Тем самым здесь была устранена унаследованная от общеиндоевропейского состояния формальная сопряженность аблатива с генитивом у большинства основ.

Из всего сказанного выше можно сделать вывод о том, что слияние генитива и аблатива — процесс, имевший место в истории греческого языка — это один из возможных путей развития падежной системы. В классическом греческом языке самостоятельного аблатива уже нет, функция его как в беспредложном, так и в припредложном употреблении взял на себя генитив. Формальные пережитки древнего аблатива на **-ωδ > -ω* сохранились в некоторых диалектных наречных формах: дельф. *Γοίκω* 'из дома', крит. *ὦ, ὄλω* 'откуда?', крит. *τῷ-δε* 'оттуда'. В наречиях *τηνῶθεν, τούτῶθεν* на древнюю форму аблатива наслои́лся суф. *-θεν* с тем же значением.

Эти пережиточные формы позволяют нам утверждать, что и в греческом языке на раннем этапе его истории имелся самостоятельный отложительный падеж.

Непосредственных данных судить о том, как обстояло дело с аблативом в крито-микенских надписях, у нас нет по той простой причине, что здесь отсутствуют практически контексты, в которых он мог бы выступать.

Правда, в надписи Sb 1314 встречаем выражение *a-wa-ra-ka-na-o ra-ta-ko*. Если вслед за В. Мерлингеном⁶⁶ понимать его как *awrakhnāon pharmakon* 'лекарство из пауков', то в форме *a-wa-ra-ka-na-o* мы должны иметь *genitivus materiae*, восходящий к аблативу.

Для решения этого вопроса можно пойти другим путем: следует проверить, нет ли среди форм генитива таких, которые по происхождению являются аблативными. В этом случае можно обратить внимание на наличие двоякого окончания *-o-jo-* и *-o-* у имен тематического склонения. Если за *-o-jo-* должно скрываться исконно генитивное окончание *-o-jo- < *osio*, то *-o-* может восходить к аблативному **ōd* (подробнее см. раздел о тематическом склонении).

⁶⁶Merlingen W. Pylos. Sb 1314 // Die Sprache. 1958. N 4.

Отметим, наконец, что в крито-микенских надписях дважды встречается генитив на *-o-jo* после предлога *pa-ro* (класс. παρά). В этом употреблении генитив мог быть только продолжением аблатива. В подавляющем большинстве случаев предлог *pa-ro* засвидетельствован в крито-микенских надписях с дательным-местным падежом, образуя конструкции с посессивным значением типа класс. ἡ παρ' ὑμῖν πολιτεία 'наше государство'.

Надпись Cn 45 представляет собой регистр голов скота. Каждая строка надписи включает: 1) название местности — 2) предлог *pa-ro* + собственное имя в дативе-локативе — 3) собственное имя в генитиве — 4) идеограмма — 5) число. Например, вторая строка: 1) *pu-ro ra-wa-ra-ti-jo* 2) *pa-ro ko-so-ne* 3) *wè-da-ne-wo* 4) AGNA 5) 40 /+.

Эта структура выдержана в 11 строчках, но в шестой строке читаем: 1) *u-po-ra-ki-ri-ja* 2) *pa-ro do-ro-jo-jo* 3) *a-ko-so-ta-o* 4) CAPELLA 5) 35.

Собственное имя *do-ro-jo-jo*, судя по именительному падежу *do-ro-jo*, засвидетельствованному в другой надписи, стоит в генитиве.

Часть надписей серии Ea строится по схеме: 1) собственное имя — 2) глагол *e-ke*=*hekhei* (ἔχει — 'имеет') — 3) *o-na-to* 'участок' — 4) предлог *pa-ro* + существительное в дативе-локативе. Общий смысл этих надписей: 'такой-то имеет участок у такого-то'. Например: *e-u-me-ne e-ke o-na-to pa-ro su-qa-ta Ea 822*=*Eumenēs hekhei onaton paro su-g^uotāi* 'Эвмен имеет участок земли у свинопаса'. Другие же надписи этой серии вместо конструкции с *pa-ro* содержат беспредложный генитив: *sa-ke-re-u e-ke o-na-to su-qa-ta-o ko-to-na Ea 776*=*S. hekhei onaton sug^uotāo ktōinās* 'С. имеет участок земли свинопаса'. Никакой разницы в значении между предлогом *pa-ro* и генитивом установить нельзя, что и дает нам основания утверждать о посессивном значении этого предлога в крито-микенских надписях. Обратим внимание на надпись Ea 782: *ru-ko-ro ra-wa-ke-si-jo e-ke o-na-to pa-ro to-ro-qa-jo ko-to-na ro-me-no GRT 1*. Здесь при предлоге *pa-ro* употреблен родительный падеж: *to-ro-qa-ro-jo ... ro-me-no*=*M.-ojo poimenos*.

В обоих случаях очевидно, что родительный падеж употреблен ошибочно вместо дательного-местного в результате смешения двух способов передачи посессивного значения. Однако отметим, что, по нашему мнению, сам по себе факт такого неуместного употребления генитива с *pa-ro* говорит о том, что в принципе этот падеж был возможен при предлоге *pa-ro*, разумеется, в отложительном значении.

Таким образом, косвенные данные ведут нас к предположению о том, что в микенском диалекте генитив уже синкретизировал с аблативом⁶⁷.

Можно также предположить, что на раннем этапе истории древнегреческого языка аблатив был дифференцирован по числу. В значении множественного числа этого падежа могли употребляться

⁶⁷ Подробнее см.: Mühlenstein H. Interprétations des mots mycéniens // Atti del 2° colloquio internazionale di studi minoico-micenei. Pavia, 1958; Morpurgo A. Il genitivo miceno e il sincretismo dei casi // Rendiconti della classe di scienze morali, storiche e filologiche dell' Accademia dei Lincei. 1960. N 15.

образования на *phi* (-φ), подобно тому, как эти же образования функционировали в языке крито-микенских надписей как множественное число инструментального падежа (см. ниже).

Инструменталь. Одним из наиболее ценных результатов исследования языка крито-микенских надписей для греческого и индоевропейского языкознания явилось обнаружение самостоятельного инструментального падежа, формально и функционально отличного от дательного-местного, с которым он позднее слился. В значениях этого падежа во множественном числе последовательно употреблялись формы на *a-pi*, *-o* и *pi* (соответственно у основ на *-ā-*, тематических и атематических). Этим окончаниям соответствует серия *-a-i*, *-o-i* и *-si*, которая встречается у форм со значением дательного-местного падежа. Так как за написанием *-o* во мн.ч. тематических основ могло скрываться лишь *-ois* < **-ōis* (исконное окончание инструментального падежа мн.ч.), то В. Мерлинген предложил рассматривать *-o-i* и *-a-i* в дательном-местном падеже мн.ч. тематических основ и основ на *-ā-* как окончания *-oisi* и *-asi*, принявшие вследствие фонетического перехода *s > h* вид *-oihi* и *-āhi*, где *h* не передавалось по правилам микенской графики⁶⁸.

Выделить особые окончания в ед.ч. не удастся из-за графических особенностей линейного письма В. Обращает, однако, на себя внимание тот факт, что у атематических основ в формах, употребленных в значении инструментального, не отмечается чередование *-e/-i*, засвидетельствованное у этих основ в дательном-местном падеже. Это также может рассматриваться как аргумент в пользу того, что за написанием *-e* скрывались разные окончания: *-ei* в дательном-местном и *-ē* (или *-ě*) в инструментале.

Положение о микенском инструментале было поставлено под сомнение К. Галавотти⁶⁹, М. Дориа⁷⁰ и К.Й. Рёйхом⁷¹. Следует, однако, отметить, что им не удалось обосновать свою точку зрения убедительной аргументацией и в настоящее время вопрос о микенском инструментале может считаться решенным⁷². Положение о самостоятельном инструментале языка крито-микенских надписей вытекает из анализа данных самих надписей, а не навязывается извне сравнительной грамматикой индоевропейских языков. Последняя лишь подсказывает, какие именно окончания имели засвидетельствованные на письме формы.

Рассматривая микенский инструментальный падеж, нельзя обойти молчанием и оригинальную гипотезу югославского ученого П.Х. Илиев-

⁶⁸Merlingen W. Bemerkungen zur Sprache von Linear B. Wien, 1954.

⁶⁹Galavotti C. Quelques remarques de morphologie // Proceedings of the Cambridge colloquium on Mycenaean studies. Cambridge, 1966. P. 180—190.

⁷⁰Doria M. Strumentali, ablativi e dativi in micenco // Atti e memorie del I° congresso... P. 764—780.

⁷¹Ruijgh C.J. Etudes du grec mycénien. Amsterdam, 1964. P. 76—78.

⁷²См. по этому поводу: Шарыпкин С.Я. К вопросу о творительном падеже в языке крито-микенских надписей // Лингвистические исследования. 1978. М., 1978. С. 221—229; Lejeune M. L'instrumental pluriel thématique // Mémoires... III-ème série. P. 255—266.

ского о синкретизме инструментального и отложительного падежей в микенском диалекте⁷³. Эта гипотеза объясняет употребление датива при отложительных по значению предлогах $\acute{\alpha}\nu$ и $\acute{\epsilon}\varsigma\text{-}\acute{\epsilon}\xi$ в диалектных надписях из Аркадии, с Кипра, а также из Памфилии (в остальных диалектах здесь нормально употреблялся генитив, пропавший и.-е. аблатив).

По мнению П. Илиевского, на раннем этапе истории той диалектной ветви, к которой восходят аркадский, кипрский и памфилийский диалекты, т.е. в микенском диалекте (большинство микенологов не считает эту диалектную группу непосредственным продолжением микенского диалекта, см. раздел о диалектной принадлежности языка крито-микенских надписей), рассматриваемом им как древнейшая ступень развития этой диалектной группы, произошло слияние инструментального и отложительного падежей. Оно было вызвано совпадением форм этих падежей в ед.ч. тематического склонения. Аблатив на $-\acute{*}\acute{\delta}$ ($-\acute{*}woik\acute{\delta}$) уподобился инструментальному на $-o$ ($-\acute{*}woik\acute{o}$) вследствие отпадения конечного $-d$: $-\acute{*}woik\acute{\delta} > woik\acute{o}$. Омонимичность форм аблатива и инструментала в ед. ч. атематических основ привела, по мнению Илиевского, к формальному слиянию этих падежей и у других основ, этот процесс синкретизма должен был произойти в микенском диалекте. Таким образом, он считает, что в микенскую эпоху было два синкретических падежа: дательный-местный и инструментальный-отложительный, и все формы инструментального падежа могли иметь и отложительное значение.

В послемикенскую же эпоху в упомянутых выше диалектах датив слился с инструментальным падежом (как и в других греческих диалектах), при этом новый синкретических падеж, по мнению П. Илиевского, принял на себя и функции аблатива.

К сожалению, гипотеза Илиевского, дающая, на первый взгляд, столь удачное объяснение аркадо-кипрского феномена, не нашла, по нашему мнению, подтверждения ни в крито-микенских надписях, ни в аркадском и кипрском диалектах. Тем не менее ее роль в развитии микенологии заслуживает самой высокой оценки. Излагая свою позицию по данному вопросу, мы не стремимся навязать свое мнение, представляя читателю право самому сделать выбор между противоположными концепциями.

Остановимся вначале на показаниях микенского диалекта. Для того, чтобы утверждать, что в микенском функция аблатива выполнялась инструментальным падежом, необходимо, очевидно, установить во всех засвидетельствованных надписях контексты, требующие аблатива, и проверить, действительно ли во всех этих контекстах мы имеем дело с формами инструментального падежа. Поскольку инструментальный в ед.ч. оканчивался на письме на $-o$, $-a$, $-e$, а дательный-местный на $-o$, $-a$, $-e/i$, то различие между аблативными и

⁷³ Илиевски П.Х. Аблативот, инструменталот и локативот во најстарите грчки текстови. Skonje, 1961; Илиевски П.Х. A peculiarity of the Arcado-Cyprian dative // Linguistique balkanique. 1963. Т. 6; Илиевски П.Х. Инструменталот и неговите функции во микенскиот грчки // Прилози. Макед. акад. на науките и уметностите. Од-ние за лингвистика и литературна наука. 1981. Т. 6. N I. С. 23—51 (рез. на англ. яз.).

локативными по значению формами находило бы свое отражение лишь у атематических основ. В случае употребления окончания *-i* речь может идти только о дательном-местном падеже, в то время как за написанием *-e* может скрываться и инструментальный (*-ē*), и дательный местный (*-ei*). Иначе обстоит дело во множественном числе, где на письме серия инструментальных окончаний *-o=-ois*, *-a-pi=-āphi*, *-pi=-phi* отличается от окончаний дательного-местного на *-o-i=-oihi*, *-a-i=-aihi* и *-si=-si*. Здесь, однако, Илиевский делает первое произвольное предположение, считая, что у основ на *-es-/os-* (типа $\gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$) в локативном значении употреблялись лишь формы на *-i*, а формы на *-e* всегда имели только аблативное значение, т.е. за ними никогда не мог скрываться дублетный вариант дательного-местного на *-e=-ei*. Другое произвольное допущение делается Илиевским для множественного числа: формам на *-pi=-phi* приписывается исключительно аблативное значение.

Как отмечалось выше, многие таблички линейного письма В представляют собой списки населенных пунктов — топонимные гнезда. Основываясь на своих произвольных допущениях, П.Х. Илиевский делит такие надписи на три группы: адлативные, локативные и аблативные. Выделение первой группы никаких возражений не вызывает, т.к. адлатив (винительный падеж направления) хорошо распознается по частице *-de* (*-δε*). Однако противопоставление "локативных" и "аблативных" надписей не выдерживает критики. Если бы П.Х. Илиевский был прав, то в одних надписях встречались бы только локативные окончания (*-e-i*, *-o-i*, *-a-i*, *-si*), в других — только аблативные (*-e-e*, *-o*, *-a-pi*, *-pi*). Данные крито-микенских надписей показывают, однако, что формы, которым П.Х. Илиевский приписывает аблативное значение, могут выступать в тех же синтактико-семантических позициях и даже в тех же топонимных гнездах⁷⁴, что и датив-локатив.

Итальянская исследовательница А. Морпурго-Дэвис привела целый ряд примеров, доказывающих ошибочность обоих предположений⁷⁵. Формы окончания *-e-e* и *-pi*, с одной стороны, и на *-ei*, *-o-i*, *-a-i*, *-si*, с другой стороны, встречаются в одном и том же контексте, в одних и тех же синтактико-семантических позициях, хотя по Илиевскому это исключено. Локативное окончание *-e-i*, к примеру, встречается в пиловских надписях всего четыре раза, из них два раза параллельно "аблативным" (по Илиевскому) формам на *-pi* или на *-e-e*.

Слабым местом гипотезы Илиевского является и положение об исключительно отложительном значении топонимов на *-pi=-phi* ($-\phi\iota$), которое противоречит данным исторической грамматики. У Гомера среди локальных употреблений этих образований основным следует считать именно локативное, а аблативное значение вторично, т.к. оно

⁷⁴ Убедительной критике была подвергнута гипотеза П.Х. Илиевского в работах А. Морпурго-Дэвис, см.: *Morpurgo-Davies A. An instrumental-ablative in Mycenaean? // Proceedings of the Cambridge colloquium on Mycenaean studies*, Cambridge, 1966; см. также: Шарыпкин С.Я. К особенностям синтаксиса датива в аркадо-кипрском диалекте // *Известия филолога*. Львов, 1984. Вып. 74; *Moreschini-Quattordio A. Il sincretismo dei casi in miceneo e in arcado-cipriota // Studi e saggi linguistici*. Pisa. XI. 1971. P. 69—88.

всегда контекстуально зависимо. И, что самое главное, в микенском диалекте засвидетельствованы такие формы на *-pi*, которым без всякого сомнения можно приписать локативное значение. Следует особо подчеркнуть двойственный функционально-семантический характер этих образований в языке крито-микенских надписей. С одной стороны, это парадигматические формы инструментального падежа множественного числа. С другой — это внепарадигматические формы с локальным значением, дублировавшие парадигматические формы дательного-местного падежа.

Несомненных примеров аблативного значения у форм на *-pi* в крито-микенских надписях пока что не обнаружено. Однако, если такое значение и будет обнаружено, что вполне вероятно, то это вовсе не будет доказательством синкретизма инструменталя и аблатива. Аблативное значение форм на *-phi* засвидетельствовано и у Гомера, хотя в эпическом языке функции и.-е. аблатива перешли, как и в остальных греческих диалектах, к генитиву.

В свете сказанного выше видно, что микенский материал не подтверждает гипотезы Илиевского и тем самым не дает объяснения аркадо-кипрского феномена. Правильный подход к решению этой проблемы содержится в упомянутой выше работе А. Морпурго-Дэвис. Проанализировав данные аркадских и кипрских надписей, итальянская исследовательница пришла к следующим выводам:

— в аркадо-кипрском диалекте датив вместо генитива засвидетельствован лишь в предложно-падежных конструкциях;

— в беспредложном употреблении засвидетельствован генитив в функциях и.-е. аблатива;

— вытеснение генитива дативом отмечается и при предлогах, которые употребляются с исконным (а не аблативным) генитивом⁷⁶.

Из этого А. Морпурго-Дэвис делает совершенно правильный вывод о том, что объяснение особенности аркадо-кипрского датива следует искать в особенностях предложно-падежной системы этого диалекта, в изживании предложного генитива. Подобная тенденция действовала, по ее мнению, и в аттическом диалекте, с той лишь разницей, что в аттическом из предложно-падежной системы изживался не генитив, а датив.

В заключение следует отметить, что нельзя не признать правоту П.Х. Илиевского в той части его работ, в которой он отстаивает положение о самостоятельном инструментальном падеже крито-микенских надписей⁷⁷.

Классы основ и типы склонения. В табличках линейного письма В встретились практически все типы основ, известные в классическом древнегреческом языке.

⁷⁵ *Morpurgo-Davies A.* An instrumental-ablative in Mycenaean // *Proceedings of the Cambridge Colloquium on Mycenaean studies.* Cambridge, 1966; см. также: Шарыпкин С.Я. К особенностям синтаксиса датива в аркадо-кипрском диалекте.

⁷⁶ См.: *Morpurgo-Davies A.* Op. cit. См. также: *Luraghi S.* Note sul sistema preposizionale dell' arcaido-cipriota // *Aevum.* 1. 1984. P. 13—19.

⁷⁷ См. в особенности: *Ilievski P.Hr.* Il sincretismo dei casi in miceneo. E sincretizzato lo strumentale con il dativo? // *Studi micenei ed egeo-anatolici.* XII, Roma. 1970. P. 88—116.

Общая схема тематического склонения выглядит так:

Единственное число
мужской (женский) род

им. *do-e-ro* = *doelos*, δούλος
род. *do-e-rojo* = *doeloio*, *te-o* = *theō*
д.-м. *do-e-ro* = *doeloi*, *dida-ka-re* = *didaskalei*
вин. *do-e-ro* = *doelon*
вин. напр. *ko-no-so-de* = *Knōsson-de*
инстр. *ku-ru-so* = *khrūsō*, *i-qo-e* = *hiqq^u ōe* (?)

Средний род

им. *ku-mi-no* = *kuminon*
род. не засвидетельствован
д.-м. *i-je-ro* = *ierōi*
вин. *e-ra₂-wo* = *eloiwon*
инстр. *o-po-qo* = *op-oq^u ō*

Множественное число
мужской (женский) род

им. *a-pi-qo-ro* = *amphi-q^u oloi*
род. *a-pi-qo-ro* = *amphi-q^u olōn*
д.-м. *a-pi-qo-ro-i* = *amphi-q^u oloihi*
вин. *si-a₂-ro* = *sihalons*
вин. напр. *47-so-de* = *...-ons-de*
инстр. *ku-ru-so* = *khrūsōis*, *e-re-pa-te-jo-pi* = *elephanteiophi*

средний род

им. *ku-mi-na* = *kumina*
род. не засвидетельствован
д.-м. *pe-di-ro-i* = *pediloihi*
вин. *o-na-ta* = *onata*
инстр. не засвидетельствован

Двойственное число
мужской (женский) род

им.-вин. *a-to-po-qo* = *arto-poq^u ō*
pa-sa-ro = *passalō*
средний род

им.-вин. *e-qe-si-jo* = *heq^u esijō*
wo-zo-me-no = *worzomenō*

Как видно из схемы, в тематическом склонении засвидетельствованы такие конечные элементы:

- 1) *-o* — имен. п. трех чисел, род. п. мн. ч. и частично ед. ч., дат.-мест. п. ед.ч., вин. ед. и мн. ч.; инстр. ед. и мн. ч.;
- 2) *-o-jo* — род. ед. ч.;
- 3) *-o-i* — дат.-местн. мн. ч.;
- 4) *-a* — имен./вин. мн. ч. имен ср. р.;
- 5) *-e* — вариант окончания дат.-мест. п. ед. ч.;
- 6) *-pi* — твор. п. мн. ч. (как исключение), нормальная форма инструментального мн. ч. оканчивается у тематических основ на *-o* = *-ois*.

7) *-o-e* — возможный вариант окончания инструменталиса в единственном числе.

Среди основ на *-o/-e-* засвидетельствованы существительные всех трех родов, сюда относятся и прилагательные, склонявшиеся в муж. и ср. р. по тематическому склонению, а также прилагательные двух окончаний типа $\acute{\alpha}\nu\acute{\rho}\rho\iota\theta\mu\omicron\varsigma$, *-ov*. Как видим, существительные ср. р. на письме отличались от существительных муж. (жен.) р. лишь в имен.-вин. падеже мн. ч. В единственном числе различие между ними не находило отражения на письме. У прилагательных трех окончаний типа $\kappa\alpha\lambda\acute{\omicron}\varsigma$, $\eta(\acute{\alpha})$, *-ov* формы ср. р. в имен.-вин. п. мн. ч. совпадают с формами имен. и вин. п. ед. и мн. ч. жен. р. Поэтому часто не представляется возможным определить, формой жен. или ср. р. представлены они в имен. или вин. п. мн. ч. Это относится к тем случаям, когда не пишется существительное, к которому относится прилагательное. К примеру, прилагательное а) *-ko-so-ni-ja* в надписи KN Pp 437 — это прилагательное, образованное от существительного $\acute{\alpha}\xi\omega\nu$, засвидетельствованного в форме имен. п. мн. ч. *a-ko-so-ne*. Форма же а) *-ko-so-ni-ja*, относящаяся к идеограмме 246 с неустановленным значением, несомненно, форма мн. ч., как на это указывает число 6 при идеограмме. Однако это может быть имен. п. мн. ч. как жен. р. (на *-ai*), так и ср. (*-a*).

В род. п. ед. ч. наряду с окончанием *-oio* (ср. гом. и фесс. *-oio*) засвидетельствовано и *-o*⁷⁸. За ним могло скрываться аблативное по происхождению $\acute{o}d > \acute{o}$ либо засвидетельствованное в классическом кипрском окончании *-ov*. Для дательного местного падежа ед. ч. можно предположить свободное варьирование исконно дательного *-di* и локативного *-oi*. Апофонический вариант последнего — окончание *-ei* (ср. классическое $\acute{o}\kappa\epsilon\iota$), возможно, содержат некоторые формы этого падежа с исходом на *-e*. Окончание дательного-местного падежа мн. ч. *-oi* было интерпретировано В. Мерлингом как *-oihi < -oisi*⁷⁹, что разделяется большинством исследователей. Загадочная форма инструментального падежа ед. ч. *i-qa-e=hiqq^vde (?) = *iqlwe (?)* не получила пока что удовлетворительного объяснения.

Парадигма склонения основ на *-ā* может быть восстановлена в следующем виде.

Единственное число
женский род

им. *i-je-re-ja = hiereia*

род. *i-je-re-ja = hiereiās*

д.-м. *i-je-re-ja = hiereiāi*

вин. *ko-to-na = ktoinān*

вин. напр. *di-ka-ta-de = Diktān-de*

инстр. *o-pi-ke-re-mi-ni-ja = opi-kremniā*

⁷⁸ Luria S. Die Sprache der mykenischen Inschriften. S. 39—42; Ruipérez M.S. Le génitif singulier thématique en mycénien et en grec du premier millénaire // Colloquium mycenaicum. P. 283—293; Lejeune M. Le génitif singulier thématique // Mémoires... III-ème série. P. 11—17.

⁷⁹ Merlingen W. Bemerkungen zur Sprache von Linear B. Wien, 1954. S. 27.

мужской род

им. *a-ko-so-ta* = *Arksotās*
 род. *a-ko-so-ta-o* = *Arksotao*
 д.-м. *ai-ki-pa-ta* = *Aigi-pastās*
 вин. *ki-ti-ta* = *ktiitān*

Множественное число

женский род

им. *a-wa-ra-ka-na* = *awrahñnai*
 род. *a-wa-ra-ka-na-o* = *awrahñnāōn*
 д.-м. *ki-ri-te-wi-ja-i* = *kritēwiāhi*
 вин. *a-ro-u-ra* = *arourans*
 вин. напр. *da-83-ja-de* = ...-*ans-de*
 INSTR. *o-pi-ke-re-mi-ni-ja-pi* = *opi-kremniāphi*

мужской род

им. *e-re-ta* = *eretai*
 род. *e-re-ta-o* = *eretāōn*
 д.-м. *e-re-ta-i* = *eretāhi*

Двойственное число⁸⁰

женский род

им.-вин. *ko-to-no* = *ktoinō*
a-ni-ja-e = *hāniāe*
 д.-м. *wa-na-so-i* = *wanassoīhi*

мужской род

им.-вин. *we-ka-ta-e* = *wergatāe*

Как видно, на письме засвидетельствованы такие окончания:

- 1) *-a* — имен. ед. и мн. ч., род. ед. ч. имен жен. р., дат.-местн. ед. ч., инструмент. ед. ч.;
- 2) *-a-e* — имен.-вин. дв. ч.;
- 3) *-a-i* — дат.-местн. мн. ч.;
- 4) *-a-o* — род. ед. ч. имен муж. р., род. мн. ч.;
- 5) *-o-i* — дат.-местн. дв. ч.;
- 6) *-o* — имен.-вин. дв. ч. имен жен. р.

Муж. р. уже имел в род. п. ед. ч. особое окончание *-a-o* = *-āo*. Этот факт имеет важное значение для исторической морфологии. Интерпретация окончания INSTR. п. ед. ч. основывается на индоевропейских данных. Дат. п. мн. ч. на *-a-i* = *-āhi* полностью аналогичен соответствующей форме тематического склонения. Большой интерес для исторической грамматики представляет окончание имен.-вин. п. дв. ч. на *-o* = *-ō*, заимствованное у тематических основ. У существительных муж. р. засвидетельствовано окончание *-a-e* = *-āe*, в котором можно усматривать влияние атематических основ. В форме *wa-na-so-i* = *wanassoīhi* имеем дело с дат.-местн. п. дв. ч. от *Fávassōa*. Окончание *-o-i* = *-oihi*, очевидно, как и *-o* в имен.-вин. заимствованно из тематического склонения.

Общая схема атематического склонения⁸¹ выглядит так:

⁸⁰ См.: *Lejeune M. Le duel des thèmes en -ā // Mémoires... III. P. 277—283.*

Единственное число

им. *wa-na-ka* = *wanaks*, (F) $\alpha\nu\alpha\xi$, *ke-ra-me-u* = *kerameus*
род. *ke-ra-me-wo* = *keramēwos* (κεραμεύς)
дат.-местн. *wa-na-ka-te* = *wanaktei*, *ke-ra-me-wi* = *keramewi*
вин. *ka-ra-te-ra* = *kratēra*
вин. напр. *pe-re-u-ro-na-de* = *Pleuronade* (Πλευρών).
инстр. *e-re-pa-te* = *elephante* (-ē?) (ἐλέφας)

Множественное число

им. *ka-ke-we* = *khalkēwes* (χαλκεύς), *pa-we-a₂* = *pharweha* (φᾶρος)
род. *pa-we-o* = *pharwehōn*
д.-м. *ka-ke-u-si* = *khalkēusi*
вин. напр. *pa-ki-ja-na-de* = *Sphagianas-de*
инстр. *ki-to-pi* = *khitōmphi* (χιτών)

Двойственное число

им.-вин. *qi-si-pe-e* = *q^usiphehe* (ξίφος).

Для этих основ на письме характерны такие окончания:

- 1) $\emptyset$ (нулевое окончание) — имен. п. ед. ч.;
- 2) *-u* — имен. п. ед. ч.;
- 3) *-o* — род. п. ед. и мн. ч.;
- 4) *-e* — дат.-местн. п. ед. ч., инструмент. п. ед. ч., имен. п. мн. ч., имен.-вин. п. дв. ч.;
- 5) *-i* — дат.-местн. ед. ч.;
- 6) *-a* — вин. п. ед. и мн. ч., имен.-вин. п. мн. ч. имен ср. р.;
- 7) *-a₂* — имен.-вин. п. мн. ч. имен ср. р.;
- 8) *-si* — дат.-местн. п. мн. ч.;
- 9) *-pi* — инструмент. п. мн. ч.

Конечные сочетания согласных *-ks* и *-q^us* передавались на письме как *-ka* соответственно *-qo*; ср. *wa-na-ka* = *wanaks*, *ai-ti-jo-qo* = *Aithioq^us*, Αἰθίοψ , *o-nu-ka* = *onukhs* (ὄνουξ).

Двойное окончание *-e/-i* в дат.-местн. ед. ч. восходит к окончаниям самостоятельных дат. и местн. п., слившихся до времени написания дошедших до нас надписей. Нет оснований полагать, что мы имеем здесь дело с фонетическим чередованием *e:i*, засвидетельствованным в корнях некоторых слов негреческого происхождения.

Кроме того, есть основания полагать, что в крито-микенских надписях еще засвидетельствованы формы местного с нулевым окончанием, употреблявшиеся во всех значениях синкретического дат.-местн. п.⁸². Окончание инструмент. п. ед. ч. можно интерпретировать как *-ē⁸³* или как *-e⁸⁴*. Инструмент. п. мн. ч. был оформлен суф. *-phi*, ср. гомеров-

⁸¹ См.: Bartoněk A. The consonantal declension in Mycenaean // Proceedings of the VII-th Congress of the International federation of the societies of classical studies. 2. Bd., 1984. P. 491—499.

⁸² См.: Шарыпкин С.Я. Синкретизм греческого датива в свете древнейших греческих надписей; Santiago R.A. Mycenaean locatives in... e.-u. // Minos, Salamanca, 1975, f. 1—2. P. 110—122.

⁸³ Lejeune M. Essais de philologie mycénienne. XI. L'instrumental pluriel thematique. P. 226.

⁸⁴ Тронский И.М. К вопросу об окончаниях инструментала в древнегреческом языке // Иноземна філологія. 28. Львов, 1972. С. 19—21.

ское-фи. Для вин. п. мн. ч. Э. Риш предполагает также окончание *-e = -es*⁸⁵, в приводимых им примерах, однако, мы скорее имеем дело с синтаксической непоследовательностью: употреблением нейтрального имен. п. вместо требуемого грамматическим согласованием вин.

Краткий обзор основных типов атематических основ.

Основы на задненебный:

ὄνυξ: *o-nu-ka = onukhs* (n.s.), *o-nu-ke = onukhes* (n. pl.)

κῆρυξ: *ka-ru-ke = k̄arukei* (d. -l.s.)

φοῖνιξ: *po-ni-ke = phoinike* (i.s.), *po-ni-ki-pi* (i.pl.).

Основы на *-d-*:

τρίπους: *ti-ri-po = tripas* (n.s.), *ti-ri-po-de = tripode* (n.d.).

Основы на *-t-*:

μέλι: *me-ri = meli* (n.s.), *me-ri-to = melitos* (g.s.)

Ἄρτεμις: *a-te-mi-to = Artemitos* (g.s.), *a-ti-mi-te* (d.s.)

Ἔναξ/ἄναξ: *wa-na-ka* (n.s.), *wa-na-ka-to* (g.s.), *wa-na-ka-te* и *wa-na-ke-te* (d.s.)⁸⁶.

Основы на *-nt-*:

ἐλέφας: *e-re-pa = elephas* (n.s.), *e-re-pa-ta = elephanta* (acc. s.), *e-re-pa-te = elephanta* (i.s.), *e-re-pa-to = elephantos* (g.s.).

Засвидетельствованы также причастия настоящего времени активного залога: *a-pe-o = areōn* (n.s.), *a-pe-o-te = areontes* (n.pl.) и др. В критомикенских надписях широко употребляются прилагательные с суф. *-went-*. В отличие от языка гомеровского эпоса, где этот суффикс присоединяется к основе с помощью соединительной гласной (δακρυ-ό-εις), здесь он непосредственно примыкает к основе: *te-mi-dwe = termidwen(t)s* (n.s.), *te-mi-dwe-te = termidwente* (n.-a.d. ntr.), *te-mi-dwe-ta = termidwenta* (n.pl. ntr.). Жен. р. этих прилагательных уже в микенское время имел исход на *-we-sa = wensa* вместо ожидаемого *-wa-sa = wassa < -wstjta: mi-to-we-sa* (от *μίλτος*).

Существительные ср. р. имели в микенском двойкий исход основы вследствие различного фонетического развития: *n: = mnt-* — *-mat-*

→ *-mot-*.

К примеру, слово σπέρμα встречается в написаниях *pe-ma = sperma* и *pe-mo = spermo*.

Основы на лабиовелярный:

Αἰθίοψ: *ai-ti-jo-qa = Aithioq^us* (n.s.), *ai-ti-joqe = Aithioq^uei*.

Основы на губной не засвидетельствованы.

Основы на *-s-*:

Во всех типах этих основ интервокальное *s* перешло в *h*, которое еще, несомненно, сохранялось. Эти основы можно разделить на четыре группы:

а. Существительные среднего рода на *-es-/os-*:

τέμενος: *te-me-no = temenos* (n.s.)

⁸⁵ Risch E. L'accusatif pluriel des thèmes consonantiques en mycénien // Bulletin de la société linguistique de Paris. T. 53. 1957—1958. P. 96—102.

⁸⁶ По поводу написания слова *wa-na-ka* в косвенных падежах см. выше в разделе о графической системе, а также: Panagl O. Eine "Interferenz" von nominaler Stammbildung u. Linear B. Schrift (wanaka) // Kadmos. 1971. Bd. 10. H. 2. S. 125—134.

(F)ἔτος: *we-to* = *wetos* (acc. s.), *we-te-i-we-te-i* = *wetehi* — *wetehi* 'ежегодно'. В форме *za-we-te* = *kīa-wetes* (ср. дор. σᾶτες, ион. σῆτες, атт. τῆτες 'в этом году') мы, очевидно, имеем дело с местным падежом с нулевым окончанием.

φᾶρος: *pa-we-a* = *pharweha* (n.pl.), *pa-we-o* = *pharwehōn* (g.pl.),

φᾶρος: *pa-we-pi* = *pharwesphi* (i.pl.)

δέλας: *di-pa* = *dipas* (n.s.), *di-pa-e* = *dipahe* (n.-a.d.)

Как видим, здесь еще не было расширителя основы *-t-*, засвидетельствованного в классическое время⁸⁷.

б. Существительные на *-ēs-*:

Εὐμήδης: *e-u-me-de* = *Eumedes* (n.s.), *e-u-me-de-i* = *Eumedehi*. Сюда же относятся еще ряд сложных имен собственных со второй частью *-μηδης*: *a-pi-me-de* = *Amphi-mēdēs* (n.s.), *a-pi-me-de-o* (g.s.) и *e-ke-me-de* = *Hekhe-mēdēs*.

в. Прилагательные на *-ēs-*:

ἄνωφελής: *no-pe-re-a₂* = *nōpheleha* (n.pl.ntr.), *no-pe-re-e* = *nōphelehe* (n.-a.d.ntr).

г. Прилагательные и причастия на *-os-*:

К этим основам принадлежали перфектные причастия на *-wos*, не получившие еще расширителя основы *-t-*, и сравнительная степень прилагательных на *-jos-*, не имевшая еще *-v-* в суффиксе. ἀραρός: *a-ra-ru-wo-a* = *ararwoha* (n.pl.ntr.) (от. ἀραρίσκω). με(ί)ζων: *me-zo-a₂* = *mezoha* (n.pl.ntr.), *me-zo-e* (n.pl.).

Сонатные основы:

Основы на *-i-*:

ἀπόδοσις: *a-pu-do-si* = *apudōsis*

πόρτις: *po-ti-pi* = *portiphi* (i.pl.).

Основы на *-u-*:

θρήνυς: *ta-ra-nu* = *thranus* (n.s.), *ta-ra-nu-we* (n.pl.)

Ἐρινύς: *e-ri-nu-we* = *Erinu(w)ei* (d.s.)

Основы на *-ēw-*:

κεραμεύς: *ke-ra-me-u* (n.s.), *ke-ra-me-wo* (g.s.), *ke-ra-me-wi* (d.s.), *ke-ra-me-we* (n.-a.d.).

Другие дифтонгические основы:

Ζεύς: *di-wo* = *diwos* (g.s.) и *di-we* = *diwei* (d.s.)

βούς: *qo-o* = *g^u ḍn* (g.pl.) или *g^u ḍs* (a. pl.)

γραιῦς: *ka-ra-we* = *grāwes* (n.pl.)

ναῦς: *na-u-do-to* = *nau-domoi* (n.pl.) 'строители кораблей' (от *ναῦς* и *δέμω*), *na-si-ke-re* = *nausi-klēs*.

Не представлены убедительными примерами основы на *-oi-* (типа *λειθώ* и на *-ou-* (типа *δμώς*).

Основы на носовой:

ποιμήν: *po-me* = *poimēn* (n.s.), *po-me-no* = *poimenos* (g.s.), *po-me-ne* = *poime-nei* (d.l.s.)

χιτών: *ki-to-ne* = *khitones* (n.pl.), *ki-to-pi* (i.pl.).

⁸⁷ См. по этому поводу: *Lejeune M. Essais de philologie mycénienne. XII. Les neutres en -ās // Mémoires... III. 269—274.*

Несохранившиеся в классическом греческом языке основы на *-m-* представлены следующим формами:

εἶς: *e-me = heme* (i.s.)

σειρήν: *se-re-to = seirēmōn* (g.pl.) или *seirēto-* (первый компонент сложного слова).

Основы на *-r-*:

πατήρ: *pa-te = patēr* (n.s.)

*ῥαπτήρ: *ra-pte-re = rapterei* (d.s.) (от ῥάπτω).

Основы на *-l-*:

ἄλις: *o-pi-a₁-ra₂ = opi-hala* (a.s.), *a-ro- (...) -u-do-pi = halos hudopphi* (i.pl.) 'водами моря'.

6. МЕСТОИМЕННОЕ СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ

6.1. Относительное местоимение выступает в написаниях *o-* и *jo-*, в обоих случаях оно пишется слитно с последующим словом. Двойное написание может объясняться начавшимся процессом перехода *j > h*. Предлагаются различные интерпретации *jōs/hōs* "как", *jō(d)/hō(d)* 'откуда', *joi/hoi* 'где'. Видимо, ближе всего к истине интерпретация С.Я. Лурье, который считает, что за написаниями *o-/jo-* скрывалось *ho-/jo* (имен. п. ед. ч. ср. р.), которое "по своему словоупотреблению... соответствует русскому *что* в выражениях: 'женщина, что мыла белье'; 'человеку, что стоял на улице'³⁸. Этим местоимением часто начинаются вводные формулы надписей: *jo-a-se-so-si si-a₁-ro = jo asēsōnsi sihalōns* 'что (т.е. сколько) будут откармливать свиней'. Далее следует топонимный список с указанием количества свиней по каждому населенному пункту.

6.2. Личные местоимения

μῖν: *da-to de-mi pa-si e-ke-e = dāmos de min* (a.s.) *phāsi hekhehen* 'народ же говорит, что она имеет'.

σφεῖς: *te-ta-ge pe-i = meta q^e spheis* (или *sphehi*) 'и с ними'.

6.3. Указательные местоимения

От основы *to-* засвидетельствованы формы мест.-дат. п. *to-e* и *to-me*, представляющие большую трудность для интерпретации. Как род. п. ед. ч. интерпретируется форма *to-jo = toio*. В выражении *to-to we-to = toto (tōto) wetos* 'в этом году' мы несомненно имеем дело с формой среднего рода указательного местоимения, соответствующей класс. τοῦτο. Проблематично, однако, отсутствие *-i-* в первом слоге. Деловым характером надписей объясняется частое употребление местоимения τός(σ)ος, которое стоит в итоговой строке надписи. Засвидетельствованы формы *to-so = tossoi* (мн. ч.), *tosson* (ед. ч. ср. р.), *to-sa = tossai* (мн. ч. ж. р.), *tossa* (мн. ч. ср. р.), *to-so-jo = tossoi* (родительный падеж ед.ч.). Например: *to-so-de te-re-ta e-ne-e-si = tossoi de telestai en-ehēnsi* 'а столько всего телестов (следует число)'.

³⁸ Лурье С.Я. Язык и культура микенской Греции. С. 147.

Есть серьезные основания полагать, что микенский глагол существенно отличался как в морфологическом, так и в семантическом плане от греческого глагола классического времени⁸⁹. К сожалению, лаконичность надписей и ограниченность их содержания дают нам очень мало данных об этом.

Глагольная система представлена весьма фрагментарно. Из финитных форм глагола засвидетельствованы лишь формы 3-го лица. Э. Вилборг перечисляет 60 форм: 36 презентных, 7 футуральных и одну перфектную⁹⁰. Отсутствуют императив, конъюнктив и опатив. Из нефинитных форм засвидетельствованы причастия и инфинитивы.

Не считая тех особенностей, которые определяются архаическим состоянием звукового строя микенского диалекта, можно выделить три основные черты микенского глагола.

Третье лицо ед. ч. медиопассива наст. вр., как и позднее в аркадском диалекте, оканчивалось на *-toi* (на письме *-to*): *e-u-ke-to* = *eukhetoi*, класс *εῦχεται*.

Отсутствие аугмента является нормой, например, *do-ke* = *dōke*, класс *ἔδοκε*. Скорее как исключение можно рассматривать аугмент в формах *a-pe-do-ke* = *apedoke* и *e-ka-te-re* = *ekathēre*. Эта черта сближает микенский с языком Гомера.

Причастия активного перфекта могли иметь пассивное (точнее интразитивное) значение. Основа этих причастий еще не получила расширителя основы *-t* (см. 5.3.3.7).

Остается привести формы глаголов, наиболее существенные для интерпретации надписей.

ἀγρέω: *a-ke-re-se* = *agrēse* (аорист) или *agrēsei* (футурум).

ἄγω: *a-na-ke-e* = *an-agehen* (презентный инфинитив), *a-ke* = *agei* (презент).

ἀραρίσκω: *a-ra-ru-ja* = *araruiai* (ж.р. активного причастия перфекта), *a-ra-ru-wo-a* = *ararwoha* (мн. ч. ср. р. того же причастия).

ἀρμόζω: *a-ra-ro-mo-te-me-na* = *ararmotmeṇai*, класс *ἡρμoσμέαι* (ж.р. пассивного причастия перфекта), *a-ra-ro-mo-te-me-no* = *ararmotmenō* (дв. ч. ж. р. того же причастия), *a-na-mo-to* = *an-armostoi* (отглагольное прилагательное).

δατέομαι: *e-pi-de-da-to* = *epi-dedastoi* (3-е лицо пассивного перфекта), *e-pi-da-to* = *epi-dastos* (отглагольное прилагательное) или то же, что и *e-pi-de-da-to*, но без удвоения.

δέχομαι: *de-ka-sa-to* = *deksato* (медиаальный аорист).

δέω: *de-de-me-no* = *dedemenō* (дв. ч. пассивного причастия перфекта).

διδάσκω: если исправить написание *de-di-ku-ja* на *de-di-da-ku-ja*, можно получить толкование *dedidakhuiai* 'обученные' (с интранзитивным значением).

δίδομι: *di-do-si* = *didonsi* (активный презент), *di-do-to* = *didontoi* (пассивный презент), *do-se* = *dōsei* (активный футурум), *do-so-si* = *dōsonsi* (активный

⁸⁹ См.: Pinault G. La place du verbe en mycénien: résultats et problèmes // Actes de la session linguistique de Bourg-St-Maurice 1976. Publication du conseil scientifique de la Sorbonne Nouvelle 1977.

⁹⁰ Vilborg E. Tentative grammar of Mycenaean Greek. P. 105.

футурум), *dō-ke = dōke* (активный аорист), *a-pe-do-ke = ap-edōke* (активный аорист с аугментом), *a-pu-do-ke = apu-dōke* (то же без аугмента).
εἶμι: *i-jo-te = iontes* (причастие презенса).

εἶσι: *e-e-si = ehensi<esensi*, класс. εἶσιν, то же с приставками: *a-pe-e-si, e-ne-e-si = ap-ehensi, en-ehensi; e-so-to = esontoi* (3-е лицо мн.ч. футурума); *e-o = ehōn*, мон. εὖν, атт. ὄν (причастие презенса), то же с приставками: *a-pe-o = ap-ehōn* и *e-ne-o = en-ehōn*, жен. р.: *a-pe-a-sa = ap-ehassai < *ap-esrtaia*. Имперфект этого глагола засвидетельствован, вероятно, в форме *te-ko-to-a-pe = tektōn ap-ēs* или *ap-ēn* 'плотник отсутствовал'.

ἔχω: *hekhei = eke* (активный презенс), *e-ko-si = hekhonsi* (то же в 3-м л. мн. ч.), *e-ke-e = hekhehen* (инфинитив активного презенса), *e-ko = hekhōn, e-ko-te = hekhontes* (активное причастие презенса).

ζέω: *ze-so-me-no = zessomenoi* (медialное причастие футурума).

καίω: *a-pu-ke-ka-u-me-no = apu-kekaumenos* (медialное причастие перфекта).

κτίημι (кл. κτίζω): *ki-ti-je-si = ktiensi* (3-е л. мн. ч. активного презенса), *ki-ti-me-na = ktimenā* (пассивное причастие презенса).

λείπω: *re-ḡo-me-no = leiḡomenoi* (медialное причастие презенса).

ὀφείλω: *o-o-pe-ro-si = ho ophē(1)lonsi* 'что должны' (3-е л. мн. ч. активного презенса), *jo-o-po-ro = jo ophlon* 'что они были должны' (3-е л. мн. ч. активного аориста).

ῥάπτω: *e-ra-pe-me-na = errapmena* (пассивное причастие перфекта).

τεύχω: *te-tu-ko-wo-a, te-tu-ko-wo-a₂ = tetukhwoha* (активное причастие перфекта).

τίθημι: *te-ke = thēke* (3-е л. ед. ч. активного аориста), то же с приставкой: *jo-po-ro-te-ke = jo pro-thēke* 'что он установил'.

8. СИНТАКСИС

Деловой, а точнее инвентарный характер надписей определяет бедность их синтаксиса. Исследовалась в основном область, лежащая на стыке морфологии и синтаксиса — функциональная морфология, или морфосинтаксис. В то же время лишь сравнительно недавно появились работы, посвященные собственно синтаксису⁹¹ и даже синтаксису текста, или макросинтаксису языка крито-микенских надписей⁹².

8.1. Синтаксис падежей

За недостатком места мы не останавливаемся на тех употреблениях падежей, которые характерны для них и в языке классической эпохи. Остановимся лишь на некоторых существенных отличиях микенского синтаксиса падежей.

Дательный падеж. Дательный падеж цели, который редко встречается в языке классического периода, в языке крито-микенских над-

⁹¹ Иванов В. В. Отражение правил индоевропейской синтаксической акцентуации в микенском греческом // *Balkanica. Лингвистические исследования*. М., 1979. С. 39—55; Bader F. La subordination en mycénien // *Colloquium Mycenaicum*. P. 295—312.

⁹² Panagl O. Textual features in the Linear B tablets // *Colloquium Mycenaicum*. P. 313—322.

писей засвидетельствован в трех случаях, что существенно, учитывая их ограниченный объем и лаконичность содержания:

— *wo-ro-ne-ja pa-we-si* = *worneia pharwessi* 'агнячья (шерсть) для плащей' МУ Ое 111;

— *pa-ta-jo-i-qe e-ke-si-qe ai-ka-sa-ma* = *paltaiohi-q⁹³e enkhesi-q⁹³e aiksmans* 'наконечники для стрел и копий'. РY Jn 829;

— *di-pte-ra ai-za pe-di-ro-i* = *diphtherā aigja pediloih⁹³i* РY Ub 1318 'шкура козья для сандалий'.

Синкретический дательный-местный падеж употребляется в локативном значении без предлогов. Для крито-микенских надписей такое употребление является нормальным, приведем, к примеру, надпись Сп 608. Она начинается вводной формулой: *jo-a-se-so-si si-a₂-ro o-pi-da-mi-jo* = *jō⁹⁴ asēsōnsi sialōns opidāmioi*, 'где ⁹⁴ будут откармливать свиной постоянные жители'. За ней следует список из девяти топонимов, каждый из которых должен стоять в дательном-местном падеже, как об этом свидетельствуют несомненные формы этого падежа на *-i* (*e-ra-te-i*), на *-e* (*a-pu₂-we*) и на *-si* (*pa-ki-ja-si*). Как известно, беспредложное употребление дательного падежа места встречается и в языке классического периода, в первую очередь, в гомеровском эпосе. Однако, следует отметить два принципиальных отличия языка крито-микенских надписей от языка первого тысячелетия. Во-первых, в языке классического периода локативное по значению употребление датива без предлогов не представляет уже нормы, а должно скорее рассматриваться как угасающий архаизм. Во-вторых, в крито-микенских надписях сплошь и рядом локативный по значению дат. мест. п. употребляется в изолированном употреблении, без глагола, что немыслимо в I тысячелетии.

Винительный падеж. Для крито-микенских надписей нормальным является употребление винительного падежа направления с суф. *-de* (адлатива): *ko-no-so-de* = *Knōsson-de* 'в Кносс', *a-mi-ni-so-de* = *Amnison-de* 'в Амнис', *pe-re-u-ro-na-de* = *Pleurona-de* 'в Плеврон'. Есть примеры употребления аккузатива направления без суф. *-de*: *jo-i-je-si me-za-na ... qo-o* РY Сп 3.1. *jō hiensi messanan ... g⁹⁴ōns* 'сколько пошлют в Мессану ... быков'.

Инструментальный падеж. В собственно инструментальном употреблении микенский инструменталь в синтаксическом плане ничем не отличается от датива инструмента в языке классического периода. В то же время беспредложный социативный инструменталь засвидетельствован в микенском диалекте в приименном употреблении: *ti-ri-po e-me po-de* = *tripo(d)s hemē pode* 'треножник с одной ножкой'. Подобное употребление датива немыслимо в классическом древнегреческом языке.

Родительный падеж. В крито-микенских надписях имеется несколько примеров *genetivus materiae*, например, *pte-re-wa* = *ptelewās* 'из вяза' (в кносских регистрах колесниц). Вопрос о том, является ли это

⁹³ Окончание дат.-мест. п. мн. ч. *-oihi* восходит к *-*oisi*, см. соответствующий раздел морфологии.

⁹⁴ Местоимение *jo-* допускает и другие толкования; см. раздел о местоимениях.

употребление родительного падежа исконным или оно восходит к и.-е. аблативу, не получил в индоевропеистике окончательного решения. Ответ на него, однако, чрезвычайно важен для признания гипотезы П.Х. Илиевского (см. с. 105).

Употребление падежей с предлогами. В крито-микенских надписях широко засвидетельствован предлог *pa-ro* = *paro*, атт. *παρά*. В подавляющем большинстве случаев он засвидетельствован с дат.-мест. п., однако, это употребление не свидетельствует об особенностях синтаксиса падежей в микенском диалекте, а объясняется деловым характером надписей. Конструкция *pa-ro* + дат.-местн. падеж имеет в крито-микенских надписях исключительно **посессивное** значение и как таковая часто употребляется параллельно беспредложному генитиву: *o-na-to su-qa-ta-o* = *onaton sug'otāo* 'участок земли свинопаса'. Следует подчеркнуть, что в этом употреблении *παρά* и в языке классического периода употреблялось с дативом (продолжавшим в этом употреблении локатив): *ἡ παρ' ἡμῖν πολιτεία* 'наше государство' и т.п.

По нашему мнению, никакого отличия от привычного употребления падежей с этим предлогом здесь нет⁹⁵. Отметим, что дважды встречается предлог *pa-ro* с родительным падежом в конструкции *pa-ro* + собственное имя с тем же посессивным значением. В обоих случаях несомненно, что генитив употреблен ошибочно в результате смешения двух способов выражения посессивности. Вместе с тем такое употребление генитива, неуместное в данной конструкции, свидетельствует о том, что в принципе этот падеж также мог употребляться при предлоге *pa-ra*.

Ничего примечательного в употреблении других предлогов с падежами не обнаружено.

8.2. Согласование

В отличие от современных хозяйственных документов, для которых вполне нормальными являются записи типа:

столы письменные 1 (один); стул столярный 4 (четыре) — для крито-микенских надписей в принципе характерно последовательное употребление грамматических чисел в зависимости от смысла. Как правило, всюду, где контекст, либо числовое обозначение дают нам представление о количестве регистрируемых записью предметов или людей, мы видим соответствующие формы грамматических чисел:

ti-ri-po 1 = *tripo(d)s* 1 — ед. ч.

ti-ri-po-de 2 = *tripode* 2 — дв. ч.

no-pe-re-e 2 = *nōphelehe*⁹⁶ 2 — дв. ч.

no-pe-re-a₂ 6 = *nōpheleha* — мн. ч.

Двойственное число последовательно употребляется с числом 2 (два) либо для обозначения постоянной парности. Впрочем, встречаются и нарушения в согласовании форм грамматических чисел с количеством исчисляемых в надписях предметов, но такие случаи следует рассматривать как исключение.

⁹⁵ Противоположная точка зрения, усматривающая здесь особенность микенского диалекта, разделяется многими микенологами, см.: *Luria S. Die Sprache der mykenischen Inschriften. С. 55; Казанский Н.Н. Очерк микенской грамматики // Предметно-понятийный словарь греческого языка. С. 58.*

⁹⁶ Микенская форма соответствует прилагательному ἀνωφελής 'непригодный'.

Особый случай представляет слово *ko-wa* = *korwā*, атт. κόρη 'девочка', которое никогда не употребляется в двойственном числе. Это неудивительно, так как форма двойственного числа от этого слова на письме совпадает (*ko-wo* = *korwō*) с написанием слова *ko-wo* = *korwos* 'мальчик'. Как показывают прилагательные, согласованные со словом *ko-wa* по числу, перед символом 2 это слово употреблялось в ед. ч.⁹⁷.

8.3. Порядок слов

В полных предложениях обычный порядок слов — SVO, где S — субъект, подлежащее, V — глагол (*verbum*) и O — объект, дополнение. Ср. *e-u-me-de e-ke o-na-to* = *Eumēdēs hekhei onaton*, Εὐμήδης ἔχει ὄνατον и др. Однако обратный порядок слов OSV также встречается: ср. *to-sa-de na-u-do-mo o-u-di-do-si* = *tossa de nau-domoi ou didonsi*.

Довольно часто в этой синтаксической структуре глагол выдвигается на первое место: VSO, но в этом случае перед глаголом обязательно должна стоять одна из четырех частиц *o-*, *jo-*, *o-a₂* или *o-da-a₂*, причем две первые пишутся слитно с глаголом. Независимо от их первичного значения, все эти частицы в контексте надписей имеют значение 'вот сколько ...', к примеру: *o-da-a₂, o-na-te-[re]e-ko-si ko-to-na* = *o-da-a₂ onatēres hekhonsi ktoinās...* 'вот сколько арендаторы имеют земли ...'. Как указывает В.В. Иванов⁹⁸, в этой особенности микенского синтаксиса мы имеем дело с архаическим правилом индоевропейской синтаксической акцентуации, согласно которому глагол, не имевший ударения, не мог начинать предложение и поэтому перед ним употреблялись частицы, стоявшие под ударением.

Прилагательные могут выступать после существительных: *ko-to-na ki-ti-me-na* = *ktoinā ktimena* 'частная земля', *ko-to-na ke-ke-me-na* = *ktoinā kekemena* 'общественная земля', но гораздо чаще прилагательное предшествует имени, к примеру, приведенные выше выражения, как правило, засвидетельствованы с прилагательным на первом месте. То же относится и к несогласованному определению в родительном падеже.

Предлоги всегда стоят перед существительными: *pa-ro da-mo* = *paro dāmo* 'у народа' и др.

Конструкцию с отделяемой глагольной приставкой (тмесис) усматривали в пилосском тексте Ae 134 *o-pi... qe-to-ro-po-pi o-ro-me-no* = *opi q^uetro-popphi horōmenos*⁹⁹ 'наблюдающий над четвероногими'. В принципе принимая предложенный перевод этой фразы, мы, однако, полагаем, что *o-pi* представляет собой не отделенную приставку, а предлог, сочетающийся с лунаречной формой на *-pi*, имеющей здесь вполне допустимое локативное значение. В противном случае при переходном глаголе *o-pi-o-ro* = *opi-horō* (ἔφοράω) должен был бы стоять вин. п. *qe-to-ro-po-da = *q^uetro-podas*.

⁹⁷ Подробнее см.: Шарыпкин С.Я. Именительный-винительный падеж двойственного числа 1-го склонения в языке крито-микенских надписей // *Иноземна филология*. Львов, 1968. Вып. 17. С. 9—10.

⁹⁸ Иванов В.В. Отражение правил индоевропейской синтаксической акцентуации в микенском греческом // *Balkanica*. Лингвистические исследования. М., 1979. С. 39—55.

⁹⁹ См.: *Vilborg E. A tentative grammar...* § 63; *Казанский Н.Н.* Указ. соч. С. 59.

В микенском диалекте засвидетельствован оборот *accusativus cum infinitivo*, он выступает дважды в одной фразе в пилоской надписи Ep 704: ... *i-je-re-ja e-ke e-u-ke-to-qe ... e-ke-e te-o da-mo-de-mi pa-si o-na-to e-ke-e* = ... *hiereia ... hekhei eukhetoiq^e hekhehen theon dāmos de min¹⁰⁰ phā si ... onaton hekhehen* 'жрица имеет [участок], но клянется, что владеет бог, народ же говорит, что она владеет участком'. Оба оборота (*e-ke-e te-o* и *mi e-ke-e*) выступают после *verba dicendi*, первый из них повторяется и в надписи Eb 297.

8.5. Придаточные предложения

Возможно, что придаточное предложение времени представлено в надписи Na 711: *o-wi-de pu₂-ke-qi-ri o-te wa-na-ka te-ke au-ke-wa da-mo-ko-ro* = *ho wide P.* (собств. имя), *hote wanaks thēke A.* (собств. имя) *da-mo-ko-ron* 'вот что увидел П., когда царь назначил А. на должность *da-mo-ko-ro*'.

Определительное придаточное предложение с союзом *jo-qi = hoqq^{mi}*, *ō ti* 'то, что', возможно, выступает в надписи Sb 1314, которая, однако, не поддается надежному толкованию.

Возможности расширения наших знаний о структуре предложения, синтаксической и падежной грамматике крито-микенских текстов ограничены из-за стереотипности и однообразности этих текстов. Однако это не значит, что все особенности синтаксиса крито-микенского диалекта выявлены и описаны в современной микенологии. Синтаксис микенских текстов требует дальнейшего углубленного изучения как в рамках исторического синтаксиса греческого языка, так и в сравнительно-генетическом индоевропейском языкознании (см. работы Т.В. Гамкрелидзе, В.В. Иванова, В. Лемана, Ю.С. Степанова, И.М. Дьяконова и В.П. Нерознака).

9. ДИАЛЕКТНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ЯЗЫКА КРИТО-МИКЕНСКИХ НАДПИСЕЙ

9.1. Как известно, древнегреческий язык античной эпохи не представлял собой однородное состояние, а распадался на множество местных наречий, говоров, которые объединялись в диалекты и диалектные группы. Вопрос о диалектном членении древнегреческого полидиалектного языкового состояния относится к самым сложным проблемам древнегреческого языкознания. Естественно, что после дешифровки крито-микенских надписей, с одной стороны, появилась надежда, что они прольют свет на происхождение диалектов I тыс. до н.э., а с другой, — возникла необходимость определить диалектную принадлежность их языка. По этим вопросам высказывались все микенологи. Не приводя подробный список их исследований, отсылаем читателя к работам Н.С. Гринбаума¹⁰¹, ко второй главе монографии

¹⁰⁰ С.Я. Лурье понимает *-mi* как вин. п. от местоимения I л. ед. ч. *mi = *me*.

¹⁰¹ Гринбаум Н.С. Крито-микенские тексты и древнегреческие диалекты // ВЯ. 1959. № 6. С. 78—86; Он же: Язык крито-микенских текстов и древнегреческие диалекты // Ранние формы литературного языка (древнегреческий). Л., 1984. С. 17—35.

И.М. Тронского¹⁰² и к анкете А. Бартонекса¹⁰³, в которых отражен весь спектр точек зрения на проблему диалектной принадлежности микенского языкового состояния¹⁰⁴.

9.2. Дешифровавшие крито-микенскую письменность М. Вентрис и Дж. Чэдвик первоначально полагали, что аркадо-кипрский и эолийский диалекты классического времени восходят к общеахейскому, который и отражен в табличках линейного письма В. Сходной точки зрения придерживались А. Товар, К. Рюих и С.Я. Лурье. Определенное уточнение в эти взгляды вносит А. Хойбек, который считает, что язык линейного письма В близок к протоаркадскому, но не идентичен ему. В подобном же духе высказывались и другие филологи-классики, и среди них М. Лежён и А. Шерер.

Первая классификация греческих диалектов с учетом данных крито-микенских языковых памятников была осуществлена швейцарским языковедом Э. Ришем. В основу своей классификации он положил метод диалектных изоглосс (признаков), используемых в лингвистической географии, которые он располагает на временной оси в порядке относительной хронологии. Все 20 диалектных изоглосс Э. Риш объединяет в 4 группы, соотнося каждую из них с определенным периодом истории греческого языка (см. таблицу Риша); в соответствии с ареально-историческим подходом предлагается такая периодизация истории древнегреческого языка:

1—9 признаки относятся к эпохе до 1200 г. до н.э.; 10—13 — 1200—900 гг. до н.э.; 14—16 — позднее 900 г. до н.э.; 17—20 изоглоссы остаются недатированными. Из приведенных в диалектной классификации Э. Риша 20 изоглосс микенский участвует в 11 схождениях. Лакуны в сетке общегреческих изоглосс объясняются прежде всего неполнотой микенских языковых свидетельств, особенностями слогового письма, несовершенно отражающего фонетический и морфологический облик слова.

Согласно Э. Ришу, для микенского периода в истории греческого языка восстанавливается единообразный южногреческий диалектный ареал, в который входят ионийский, аркадо-кипрский и микенский диалекты. К этой точке зрения склоняется сейчас и Дж. Чэдвик. С древнейшей ступенью аркадо-кипрского состояния отождествляет микенский диалект Ф. Адрадос.

Своего рода раннее койнэ усматривают в языке крито-микенских надписей Н.С. Гринбаум и В. Георгиев. Болгарский ученый считает, что микенский базировался на ионийском и протоаркадо-кипрском диалектах. По мнению же Н.С. Гринбаума, микенский — это смесь североахейского и протоионийского, испытавшая определенное влия-

¹⁰² Тронский И.М. Вопросы языкового развития в античном обществе. Л., 1971. С. 99—102.

¹⁰³ Dialectal classification of Mycenaean in the opinion of various scholars // Studia Mycenaea. Brno. 1968. P. 155—210.

¹⁰⁴ Краткая характеристика основных особенностей древнегреческих диалектов, а также образцы текстов на этих диалектах, включая микенский содержатся в недавно опубликованном пособии Н.Н. Казанского: *Казанский Н.Н. Диалекты древнегреческого языка.* Л., 1983.

ние протоаркадо-кипрского. На сходных позициях стоял и И. М. Тронский, который определял язык микенских архивов как принадлежащий той ветви греческого языка, к которой восходят эолийский диалекты классического времени, но с наличием воздействия протоионийских наречий. По мнению И. М. Тронского, следует признать наддиалектный и архаизирующий характер микенского. Как наддиалектную норму, но сформировавшуюся на основе лишь одного диалекта — древнейшей ступени аркадо-кипрского, рассматривает микенский и А. Бартошек¹⁰⁵.

Выскажем и собственные соображения по этому вопросу. Если проецировать известное нам полидиалектное состояние I тыс. до н.э. на более ранние эпохи, то мы приходим к выводу, что на раннем этапе своей истории греческий язык был либо слабо дифференцирован в диалектном отношении, либо существовало совершенно иное диалектное членение, которое уже не может быть нами восстановлено. Действительно, изоглоссы, противопоставлявшие диалекты классического времени, возникли к концу микенской эпохи, либо уже в субмикенский период. Нам представляется более вероятной относительная однородность древнейшего греческого языкового состояния, связанная, возможно, с незначительным числом самих носителей языка. Тот диалект, который мы называем микенским, либо те говоры, на основе которых он сформировался как наддиалектная норма, появляются в эпоху зарождения известного позднее диалектного членения. Микенский мы можем рассматривать как переходную ступень от общегреческого состояния к диалектам I тыс. до н.э. Соображения общен исторического порядка приводят нас к признанию микенского древнеахейским диалектом, реликтами которого в классическое время являются аркадский, кипрский, памфилийский, а также ахейский субстрат в дорийских говорах Пелопоннеса и Крита. С лингвистической точки зрения, однако, искать микенскому место среди позднейших древнегреческих диалектов не вполне правомерно, так как он относится к эпохе зарождения диалектного членения классического времени, т.е. предшествует ему.

Подобную ошибку совершали бы мы, если бы отводили латыни место среди романских языков или санскриту среди новоиндийских. Еще более удачным примером может служить старославянский язык, с одной стороны продолжающий южнославянскую языковую традицию, а с другой стороны, сохраняющий такие архаические черты наддиалектного характера, которые ставят его в особое положение по отношению ко всем славянским языкам. Эти черты позволяют считать старославянский таким языковым состоянием, отличием которого от праславянского с практической точки зрения можно пренебречь.

Равным образом и язык крито-микенских надписей, с одной стороны, несомненно, принадлежит к той ветви древнегреческих диалектов, к которой восходят аркадский, кипрский и памфилийский диалекты, а также ахейский субстрат в дорийских наречиях Пелопоннеса

¹⁰⁵ Bartonek A. Greek dialectology after the decipherment of linear B. // *Studia Mycenaea*. P. 37—51.

и Крита. С другой стороны, он обладает такими архаическими особенностями, в свете которых не представляется допустимым ставить его на одну плоскость с диалектами или диалектными группами классического древнегреческого языка.

9.2. Вопрос о диалектной принадлежности микенского может быть также поставлен и в плане соотнесения микенских данных с фактами других греческих диалектов. Так как для интерпретации микенских текстов постоянно приходится находить соответствия их формам в диалектах классического периода, то с неизбежностью встает вопрос, на какой диалект следует ориентироваться как на основной источник отождествлений? При этом мы отвлекаемся от того, объясняется ли близость какого-либо диалекта классического периода языку крито-микенских надписей архаичностью первого, генетическим родством или тем и другим.

Остановимся кратко на основных сходжениях языка крито-микенских надписей с диалектами и диалектными группами классического периода.

Черты, сближающие микенский с додорийскими (восточными) диалектами:

1. Ассибиляция $ti > si$ (в дорийских сохраняется ti).
2. Будущее время на $-sō$ (в дорийском на $-σεω$). Ср. мик. $do-so = doso$. ион. $δῶσω$, но дор. $δοσέω$. Ср. еще мик. $de-me-o-te = demehontes$, part. fut. activi; класс $δέμω$ 'строить, сооружать'.
3. $o-te = hote$, ср. ион. и арк. $ὄτε$, эол. $ὄτα$, но дор. $ὄκα$.

Черты, общие с аркадо-кипрским и эолийским диалектами:

1. Частичное отражение и.-е. r как ro или or . Например: $qe-to-ro = q^{h}etro-$, ср. арк. $τέτορτος$, фесс. $πέτρο-$, но ион. и дор. $τέτρα-$.
2. Начальная группа $pt-$ в словах $πτόλεμος$ и $πτόλις$ косвенно засвидетельствована в микенских собственных именах $po-to-ri-jo = PtoIōn$, $e-u-ru-po-to-re-mo-jo = Euru-ptolemoio$, $po-to-re-ma-ta = Ptolemātās$.
3. Предлог $a-pu = apu$, в арк., кипр., фесс. $λεσβ. ἄπύ$, ср. ион.-атт. и дор. $ἀπό$.
4. Предлог $pe-da = peda$, в арк. $λεσβ. πεδά$. Впрочем в микенском засвидетельствован и альтернативный предлог $me-ta = meta$, ср. ион.-атт. $μετά$.

9.2.3. Черты, общие с аркадо-кипрским диалектом:

1. Окончание среднего залога $-to = -toi$ ($e-u-ke-to = eukhetoi$, $εὔχεται$), соответствующее аркадскому $-τοι$, кипрскому $-τοι$, в остальных диалектах $-ται$.

2. Местоимение $pe-i = spehis$, ср. арк. $σφεῖς$.

Черты, общие с ионийским диалектом:

1. Имя бога Посейдона $po-se-da-o = Poseidāōn$, в ион. $Ποσειδέων$, гом. $Ποσειδάων$, ср. арк. $Ποσειδᾶν$, дор. $Ποτειδάων$.
2. Окончание $-e-u = -eus$ в им. падеже ед. ч. основ на $-ēw-$, например: $i-e-re-u = hiereus$, ср. атт. $ἱερεῦς$, но арк. $ἱερίης$.
3. Предлог $ku-su = ksun$, ср. ион. $ξύν$, но $σύν$ в большинстве других диалектов, в т.ч. в аркадо-кипрском.
4. Предлогу en ($e-ne-e-si = en-ehensi$) соответствуют $ἐν$ в большинстве диалектов, но в аркадо-кипрском засвидетельствовано iv .

Архаические особенности языка крито-микенских надписей, противопоставляющие его всем древнегреческим диалектам классического времени в целом.

1. Сохранение лабиовелярных фонем.
2. Сохранение фонемы *j*.
3. Двойственное число основ на *-ā-* с окончаниями *-o = -ō* и *-a-e = -āe* (?).
4. Окончание *-e = -ei* в дат. п. ед. ч. атематических основ.
5. Широкое употребление форм на *-pi = -phi* (-φι).
6. Сохранение основ на *-m-*.
7. Отсутствие соединительного гласного *-o-* перед суф. *-pi = -phi* и *wen(t)s*, ср. гомеровское *δακρυ-ό-εις*, *κοτυληδονόφι*.
8. Самостоятельный инструментальный падеж.
9. Беспредложное употребление дат.-местн. в локативной функции и инструментального в социативной как норма.
10. Отсутствие артикля.
11. Архаические формы предлогов *po-si = posi*, ср. арк.-кипр. *πός*, дор., фесс. *ποτί*, гом. *πρότι*, ион., лесб. *πρός*; *o-pi = opi*, ср. атт. *ἐπί*.
12. Отсутствие глагольного аугмента как норма.
13. Метатеза гласных в корне *lewo-*, ср. гомеровское *λο(F)ε-*, класс. *λούω* 'мыть'.

При этом следует отметить, что, если бы микенская графика точнее передавала фонологическую структуру древнегреческого языка, то, несомненно, всплыли бы на свет и другие архаические особенности микенского.

Особенно близок микенский диалект языку гомеровского эпоса, точнее его древнейшему слою. Выше уже отмечались различные особенности языка линейного письма В, имеющие соответствия в гомеровских поэмах: зияние (*hiatus*), окончание *-οιο/-ου* в род. п. ед. ч. тематических основ, отсутствие глагольного аугмента и др. В микенском обнаружено до сих пор 37 редких гомеровских слов. Эта близость языка крито-микенских надписей гомеровскому языку объясняется в первую очередь архаическим характером эпического языка. Представляется также вполне допустимым высказываемое некоторыми учеными предположение о генетическом родстве древнейшего слоя языка гомеровских поэм и микенского диалекта. При этом все же следует подчеркнуть, что даже древнейший слой эпического языка не может быть отождествлен с микенским диалектом. Для последнего часто является нормой то, что у Гомера уже идет на убыль, находится на стадии отмирания.

Огромное значение, еще по настоящему не оцененное, для истории греческого языка, греческой исторической лексикологии и диалектологии, равно как и для ареальной индоевропеистики, имеет обширное собрание архаической лексики в "Лексиконе" Гесихия Александрийского, составленном в V в. н.э. Как показывают уже проведенные исследования, значительное число микенских лексем находят соответствия с глоссами из словаря Гесихия. Тем самым для микенологии открывается новый источник пополнения свидетельств.

В заключение остановимся кратко на основных итогах и достижениях лингвистического исследования памятников линейного письма В. К настоящему времени в силу делового характера надписей полнее всего исследованы звуковой строй и морфология имени, а также лексика их языка. Данные крито-микенских надписей в основном подтвердили фундаментальные положения исторической грамматики греческого языка, выдвинутые прежде. В ряде случаев они позволили глубже понять известные ранее явления. В частности, в настоящее время мы можем гораздо полнее представить процесс формирования падежной системы древнегреческого языка.

Исключительно ценным оказались данные крито-микенских надписей и для греческой этимологии. Многие греческие слова предстали в них в такой форме, которая не засвидетельствована ни в одном диалекте классического времени, но которая предполагалась на основании этимологического анализа: ξένος, ἄνθρωπος, μείων; в отношении же других стало ясно, что предлагавшиеся ранее этимологии неверны, либо подлежат уточнению. К таким словам можно отнести βασιλεύς, ἔνεκα, ἦρα, ἦρος, θεός, δοῦλος, ξίφος, πᾶς, παλαιός, πῖθος.

Кроме упомянутых в начале М. Вентриса и Дж. Чэдвика, С. Я. Лурье, И. М. Тронского, К. Рюиха, Э. Вилборга, М. Дориа в изучении языковой стороны крито-микенских надписей большой вклад внесли М. Лежён, Ф. Бадер, А. Бартошек, В. Георгиев, О. Семереньи, А. Морпурго-Дэвис, В. Мерлинген, Э. Риш, В. Пизани, Л. Деруа, Х. Гайс, А. Хойбек, М. Д. Петрушевский и другие исследователи¹⁰⁶. Ценнейшим подспорьем в работе микенолога является генеральный индекс линейного письма В, который составили Ж. П. Оливье, Л. Годар, Л. Зейдель и К. Сурвину [1973].

Изучение языка линейного письма В отнюдь не исчерпало себя ни в чисто внутреннем плане, ни в "прикладном". Ожидают решения важные проблемы фонологии, морфологии, морфосинтаксиса древнейшего письменного языка греков. Появление новых надписей, новых чтений табличек порой заставляет переосмысливать высказанные ранее положения, вносить коррективы в прежние теории и гипотезы.

Греческое языкознание продолжает привлекать микенологический материал для подтверждения разработанных ранее положений исторической грамматики, либо для их уточнения, дополнения, а в ряде случаев для выдвижения новых теорий. Несомненно, что микенология далеко еще не дала того, что она может дать для истории греческой диалектологии и для гомеровского вопроса.

Неоценимо значение языка крито-микенских надписей для общиндоевропейского языкознания, а также для исследования древнейшей истории отдельных ветвей индоевропейских языков, в частности, для палеобалканистики.

Специального изучения заслуживает весь комплекс историко-культурных и языковых связей микенского и фригийского ареалов.

¹⁰⁶ См. Библиографию.

В словаре микенского и фригийского наблюдаются существенные схождения (лексические встречи). Эти схождения охватывают в первую очередь социальную терминологию, ср. мик. *wa-na-ka*, фриг. *wanak*, *wanaktei* (dat. sg.) 'царь, правитель', мик. *ra-wa-ke-ta*, фриг. *lawag<e>taei* (dat. sg.) 'предводитель (вооруженного) народа'. В результате контактов Микен и Фригии происходил обмен в социальной и культурной сферах, о чем свидетельствуют приведенные выше заимствования из микенского во фригийский.

Общность лингвокультурной традиции Микен и Фригии обнаруживается и в облике древних культурных слов, например, в обозначении вина: Ср. микенск. *wo-no* (греч. (F)οἶνος) 'вино', фриг. *woines*, nom.pl. 'вина'.

Ряд показательных соответствий выявляется и в морфологии микенской и фригийской языковых систем, в трактовке унаследованных от индоевропейского языкового состояния архетипов. В области именной системы это сходство в парадигме склонения, включая оформление падежных окончаний, ср. мик. *we-to* (греч. (F)ἔτος 'год', *we-te-i-we-te-i* 'год за годом', фриг. *wetei* '(в) год', dat. sg., мик. *ma-te-re*, dat. sg. 'матери', фриг. *materej*, dat. sg. 'матери' и др. В системе глагола речь идет о таких явлениях как отсутствие аугмента, совпадение окончаний у форм медиа на *-to*, *-toj* во фригийском и архаическом греческом, окончаний причастий на *-menos* и др. Существенные сходства наблюдаются в системе местоимений, ср. микен. *wo-jo* 'его', 'принадлежащий ему', фриг. *ow-ewi-n* 'ei, sibi' < *soy-sye и др.

Кроме отмеченных выше чисто языковых микено-фригийских соответствий необходимо иметь в виду, что в общем культурно-историческом контексте почти одновременно возникли первые алфавитные системы письма во Фригии и в Греции.

В связи с интенсивно ведущимися исследованиями языка линейного письма А, других письменностей эгейского круга, а также догреческого субстрата в греческом языке появляется насущная необходимость сопоставить эти исследования с новейшими достижениями микенологии.

СЛОВАРЬ

В последние годы греческая историческая лексикография переживает заметный подъем. Ее объектом стала лексика, относящаяся ко всему древнему периоду письменной истории греческого языка — от крито-микенской до позднеэллинистической эпохи. Одним из значительных событий в этой области явилось начало издания "Греческо-испанского словаря"¹, призванного заменить хорошо известный и весьма авторитетный "Греческо-английский словарь" Лиддела—Скотта—Джоунза² с добавлениями³.

Авторы нового словаря поставили перед собой задачу, обобщив предшествующие достижения в области греческой и общей лексикографии, создать исчерпывающее собрание слов всех греческих текстов от Гомера до 600 г. н.э. В нем систематизируется лексика трех основных видов источников — греческие авторы, папирусы и надписи. В отличие от ранее составленных словарей греческого языка в новом тезаурусе также учитывается и христианская литература. Значительно возрос список авторов, лексика произведений которых отражена в словаре. Если у Лиддела—Скотта—Джоунза использована лексика 1300 авторов, то в "Греческо-испанском словаре" учтено 2500 авторов. Пока опубликован только первый том (α-άλλά), и хотя он получил положительную оценку эллинистов, пройдет еще немало времени до завершения словаря и до тех пор, когда он сможет конкурировать со словарем Лиддела—Скотта—Джоунза. Во всяком случае, этот проект заслуживает внимания и изучения.

Наряду с названным выше обобщающим лексикографическим трудом в Испании вышел также наиболее полный свод микенской лексики, включающий все известные до сих пор слова из надписей,

¹ Diccionario griego-español (DGE). Vol. 1. Redactado bajo la dirección de Francisco R. Adrados. Madrid, 1980 —.

² A Greek-English Lexicon / Compil. by H.G. Liddel and R. Scott, revised and augmented by Sir H.S. Jones with assistance of McKenzie and with cooperation of many scholars. 9-th ed. Oxford, 1940.

³ Greek-English Lexicon. A Supplement / Ed. by E.A. Barber with assistance of P. Maas, M. Scheller, M.L. West, Oxford 1968; *Rehnan R. Greek Lexicographical Notes. A critical supplement to the Greek-English Lexicon of Liddel—Scott—Jones.* Göttingen, 1975; *Idem. Greek — Lexicographical Notes. Second series.* Göttingen, 1981.

как полнозначную лексику (апеллятивы), так и имена собственные (ономастику)¹. При этом в "Микенском словаре" (DMic) учтены не только надежно прочитанные слова, но и коррумпированные фрагменты текстов, на основе которых микенологами восстанавливаются определенные словоформы. Опубликован первый том "Микенского словаря" (A-N), а в ближайшее время ожидается выход и второго заключительного тома. Специально вопросы истории и теории греческой лексикографии, ее влияние на развитие европейской лексикографической мысли освещены во "Введении в греческую лексикографию" (1977), подготовленном под руководством Ф. Адрадоса группой испанских словарников-эллинистов, составителей названных нами выше словарей².

Результаты исследований ономастической лексики (антропонимии и топонимии) представлены в специальных словарях "Микено-греческие личные имена" О. Ландау³ и "Опыте словаря микенских топонимов" Дж.К. МакАртура⁴.

Продолжают сохранять свое значение лексикографические труды Дж. Чэдуика и Л. Баумбаха⁵, а также А. Морпурго-Дэвис⁶, в которых дается словарное описание и интерпретация микенской лексики.

Наконец отметим выход в свет в нашей стране "Микенского понятийного лексикона" (МПЛ)⁷, который был задуман как часть Проекта понятийного словаря древнегреческого языка, над которым работала группа филологов-классиков. В состав группы вошли А.К. Гаврилов, А.В. Грошева, А.И. Зайцев, В.П. Казанскене, Н.Н. Казанский, В.П. Нерознак (МПЛ. 3). Как начало решения этой сложной перспективной задачи и явилось составление "Микенского понятийного лексикона".

В нем впервые в микенологии предпринят опыт идеографического описания всего корпуса лексики древнегреческого языка архаического периода. МПЛ классифицирует лексику не по алфавитному, а по предметно-понятийному принципу, ориентированному на известную понятийную схему Халлига—Вартбурга. Универсальная понятийная схема описания лексики строится по иерархическому принципу: от более общего к более конкретному. Так в составе трех основных разделов: А — Вселенная; В — Человек; С — Человек и Вселенная выделяются уточняющие характеристики; все они снабжены четырехзначным индексом. Для наглядности приведем пример (МПЛ, 75):

¹ Diccionario griego-español. Anejo I. Diccionario Micénico (DMic). Vol. 1. Madrid, 1985.

² Introducción a la lexicografía griega / Por F.R. Adrados, E. Gangutia, I. Lopez Facal y C. Serrano Aybar. Madrid, 1977.

³ Landau O. Mykenisch-griechischen Personennamen. Gotemburgo, 1958.

⁴ McArthur J.K. A tentative lexicon of Mycenaean Place-Names. The Place-Names of the Knossos tablets. Pars I // *Minos* XIX, 1985.

⁵ Chadwick J., Baumbach L. The Mycenaean Greek Vocabulary I // *Glotta*, 1963. Bd. XLI, Hft. 3—4. P. 157—271 (MGV I); Baumbach L. The Mycenaean Greek Vocabulary II // *Glotta*, 1971. Bd. XLIX. Hft. 3—4. P. 151—190 (MGV II).

⁶ Morpurgo A. *Mycenaeae Graecitatis Lexicon*. Roma, 1960.

⁷ Предметно-понятийный словарь греческого языка. Крито-микенский период // Сост. В.П. Казанскене, Н.Н. Казанский. Отв. ред. В.П. Нерознак. Л., 1986.

24-00 = В Человек: *a-to-ro-ḡo* PY Та 722: dat. *anthroḡwoi* 'человек'.

24-05 = В 1 Человек (физический тип).

24-10 = В 1a Пол и т.д.

Тем самым МПЛ представляет картину мира носителя крито-микенской цивилизации, отраженную в его словаре.

Наш Словарь организован по алфавитной схеме и носит интерпретационно-толковый и переводной характер. Его можно было бы условно назвать как "Микенско-русский словарь", имея в виду также классический греческий как язык-посредник между двумя его компонентами. Задача Словаря состоит в том, чтобы специалисты в области греческой истории, греческой и индоевропейской филологии, не будучи микенологами, смогли пользоваться языковым материалом, интерпретированным с достаточной степенью достоверности.

Словарная статья включает всю достоверно интерпретируемую апеллятивную лексику в той форме, которая дается в тексте надписи. Каждое слово снабжено грамматическими пометами, сообщающими, к какой части речи оно относится, какими морфологическими характеристиками обладает, для имени существительного — число, род, падеж, для глагола — время, лицо, число и т.д. Необходимая лингвистическая информация о слове передается с помощью сокращений латинской грамматической терминологии.

После грамматических помет идет отсылка к тексту с указанием принятой в микенологии системы индексации, включающей места находок и инвентарный номер: KN — Кносс, MY — Микены, PY — Пилос, TH — Фивы, Ti — Тиринф. В случае наличия вариантов они располагаются вслед за основной лексемой. Наряду со слоговой транслитерацией в латинской графике приводится форма, перекодированная в фонетическую запись. Графическая, формально-грамматическая и семантическая интерпретация микенского слова дополняется переводом его на русский язык. Вслед за реконструкцией микенского архетипа приводятся эквиваленты из классического древнегреческого языка. В отдельных случаях толкование микенских слов сопровождается сопоставлениями из соседствовавших с микенским языками.

В Словаре даются только словоформы, интерпретируемые с достаточной степенью достоверности. Не поддающиеся истолкованию, а также ненадежно интерпретируемые слоговые комплексы и воссоздаваемые на их основе квазисловоформы (см. DMic) в нашем Словаре не рассматриваются. Не вошли в него и имена собственные — антропонимы и топонимы. Сведения о них можно найти в названных нами специализированных собраниях микенской лексики, включающих ономастику.

ПРИНЯТЫЕ В СЛОВАРЕ СОКРАЩЕНИЯ

subst.	nomen substantivum	имя существительное
adj.	nomen adjectivum	— " — прилагательное
numer.	nomen numerale	— " — числительное
pronom.	pronomen	местоимение
sg.	singularis	единственное число
pl.	pluralis	множественное число
dual.	dualis	двойственное число
nom.	nominativus	именительный падеж
gen.	genetivus	родительный падеж
dat.-loc.	dativus-locativus	дательный-местный падеж
acc.	accusativus	винительный падеж
instrum.	instrumentalis	инструментальный (творительный) падеж
loc.-pi.	locativus in -pi	локатив на -pi-, -phi (-φι)
	exeuns	(форма наречного типа)
adl.	adlativus	винительный падеж направления (с частицей-de)
m.	masculinum	мужской род
f.	femininum	женский род
n.	neutrum	средний род
verb.	verbum	глагол
p.	persona	лицо
ind.	indicativus	индикатив
imperat.	imperativus	императив
act.	activum	актив
med.-pass.	medio-passivum	медиопассив
pass.	passivum	пассив
praes.	praesens	презнс, настоящее время
imperf.	imperfectum	имперфект
aor.	aoristus	аорист
fut.	futurum	футурум
perf.	perfectum	перфект
aor. sigmat.	aoristus sigmaticus	сигматический аорист
part.	participium	причастие
inf.	infinitivus	инфинитив
adj. verb.	adjectivum verbale	отглагольное прилагательное
adv.	adverbium	наречие
praep. cum	praepositio cum	предлог с дательным падежом
dat.-loc.	dativo-locativo	
var.	varians	вариант
et al.	et alii (-ae, -a)	и другие
vel.	vel	или
Hsch.	Hesychius	Гесихий
anthr.		антропоним

В соответствии с изложенной в III главе концепцией микенской падежной системы формы синкретического падежа, образовавшегося из слияния дательного и местного, обозначены dat.-loc., независимо от того, имеют ли они дативное или локативное значение. В зависимости от подхода составителей к проблемам падежной грамматики микенского диалекта грамматические пометы в других словарях могут существенно отличаться от помет, применяемых в данном словаре:

dat.-loc.	может обозначаться	как dat., loc.,
loc.-pi	"	как instr., instr-abl.,
instrum.	"	как dat.-instr., instr., instr.-abl.

- a-di-ri-ja-te-qe** = *a-di-ri-ja-te* + *qe* (τε), subst. m. instr. sg. PY Ta 707; *a-di-ri-ja-pi* instr. pl. PY Ta 708, 714: 'фигурка человека', ср. ἀνδριάς 'статуя, изваяние, фигура (мужчины)?'
- a-ja-me-no**, part. med.-pass. nom. sg. m. PY Ta 707, 708, 710, 714, 721, 722; nom. pl. m. KN Sd 4401; PY Ta 715; *a-ja-me-na* nom. sg. f. KN Sd 4409, 4412; PY Ta 642 pl. f. KN Sd 4403; Sf 4421, 4424 et al.; instr. sg. f. PY Ta 714: *ai(a)smenos, aiamenos*: 'инкрустированный (кузов колесницы)' МПЛ 199, см. также DMic, 30.
- a-ka-ra-no**, adj. f. nom. sg. PY Ta 715: *akarānos* ср. ἀκάρηνος 'без столешницы (стол)'.
a-ke-a₂, subst. neutri nom. pl. PY Vn 130: *angeha* 'сосуды', ср. ἄγγος 'сосуд, чаша', другая возможность интерпретации: *akeha* 'лекарства'.
a-ke-re, verb. 3 p. sg. praes. PY Cc 660; *akerei* собирает (стадо); ср. ἀγειρῶ 'собирать'.
a-ke-re-mo, subst. m. nom. sg. KN Uf 838: *agremōn*; ср. *a-ke-re-mo-no* gen. sg. KN V 865: *agremonos* 'охотник', ср. ἀγρεμών 'охотник'.
a-ke-re-se, verb. 3 p. sg. fut. ind. act. PY Aq 64: *agrese(i)* 'соберет', ср. эол. ἀγρέω, атт. ἀγειρῶ 'собирать'.
a-ke-te, subst. m. nom. sg. PY In 832.9 *a-ke-te-re*, nom. pl. PY In 832.1: *askētēr* 'подмастерье (кузнеца)'. Ср. ἀσκητής 'обученный, приобретший навыки'.
a-ke-ti-ri-ja, subst. f. nom. pl. (dual.) Ai 739; Ak 7001; PY Aa 85, 717; *a-ke-ti-ra₂* PY Aa 815, PY Ab 564, TH Of 36; *a-ke-ti-ra₂-o*, gen. pl. PY Ad 290; *a-ze-ti-ri-ja* var. *ka-ke-ti-ri-ja* KN Ai 739; *a-ke-ti-ri-ja-i* dat.-loc. pl. PY Fn 187, E 777, Ln 1568, M 683, Xe 544, X 7737: *akestria* 'мастерицы по отделке (тканей)'; ср. ἀκέστρια 'швея, штопальщица'.
a-ki-ri-ja, adj. pl. n. KN C 7064; *agriā* 'дикие (животные)', ср. ἄγρια 'дикие (животные)'.
a-ko-ra, subst. f. nom. sg. PY Cn 453, 655 KN Dk 969: *agorā*, ср. ἀγορά от ἀγειρῶ 'собирать'. Здесь в значении 'выпас?', 'стадо?'
a-ko-ro, subst. m. nom. sg. PY Fr 1220, 1226; Ua 1413; Un 47; Vn 10; Fr 1236; Mn 1411: *agros* 'поле, область, территория', ср. ἀγρός 'поле'. Другая возможность к ἀγορός = ἀγορά < ἀγειρῶ 'собирать' DMic, 48.
a-ko-ro-we, adj. m. nom. sg. PY Cn 418; *a-ko-ro-we-e*, nom. dual., PY Cn 418; *a-ko-ro-we-i*, nom. dual. KN Ch 7100: *achrowes, akrowes*. Возможно к *ἀ-χρῶφης, ср. ἄχροος 'светлый, без пятен' или *ἀκρ-ῶφης 'остроухий', DMic 48—49. Здесь в значении 'остроухие (быки)' МПЛ, 71—72.
a-ko-so-ne, subst. m. nom. pl. PY Va 1323, Vn 10 nom. dual. PY Va 1324: *aksones* 'оси', ср. ἄξων 'ось'. Ср. *ko-so-ni-ja* KN U 437: [a]ksonia 'маленькая ось, чека'.
a-ko-to-no, adj. m. nom. pl. PY Aq 218: *aktoinoi* 'не имеющие земли' *ko-to-na*', см. *ko-to-na*.
a-ku-ro, subst. m. instr. sg. PY Sa 287; *argurō* '(скрепленный) серебром'. Ср. ἄργυρος 'серебро'.
a-ma, subst. nom. sg. KN E 848, 850; Nom. vel. acc. sg. F 851, 852: (*h*)amā 'урожай', ср. ἀμάω 'жать, убирать урожай'.
a-mo, subst. n. nom. sg. KN Sg 1811; *a-mo-ta*, nom. pl. KN So 4435, 4437;

- PY Sa 790; *a-mo-te* nom. dual. KN So 4442; *a-mo-si* dat.-loc. pl. PY 1282: *harmo, harmota* 'колесо', ср. ἄρμα 'колесница'.
- a-mo-te-re*, subst. m. dat.-loc. sg. KN X 770, Xe 6026: *harmotēr vel harmostēr* 'колесник, создатель колесниц'. Ср. ἄρμότης 'пригонять, прилаживать', ἄρμα 'колесница'.
- a-mo-te-wo*, subst. gen. sg. PY Ea 421: *a-mo-te-wo ra-wa-ke-si-jo-jo = (lawagesioio) harmotēwos* 'колесник, строитель колесниц у лавагета', см. *a-mo-te-re*.
- a-na-ke-e*, inf. praes. act. PY Ag 218: *anagehen* 'внести налог'.
- a-na-mo-to*, adj. f. nom. pl. KN Sf 4420, 4421, 4423, 4427; *a-na-mo-ta* nom. pl. neut. ? KN Sf 4465, 7723: *anarmostoi* 'разобранные', ср. ἀνάρμοστος 'разобранный'.
- a-ne-mo-i-je-re-ja = anemo + hierēja*, subst. f. nom. sg. f. KN Fp 1, 13 'жрица ветров'; ср. ἄνεμος 'ветер, дуновение' и ἱερεῖα 'жрица'.
- a-ne-ta-de = a-ne-ta + de (δε)*, adj. f. nom. sg. vel pl. n. PY Ma 393: *arnēta de* 'отклоненный, опротестованный', ср. ἀρνέομαι 'отказываться, отклонять, отрицать'.
- a-ni-ja*, subst. f. nom. pl. KN Sd 4402, 4416, 4422 PY Ub 1315; *a-ni-ja-pi* KN Sd 4401, 4405, 4408, 4413, 4450, instr. pl. *hāniai, hāniāphi* 'вожжи, упряжь', ср. *a-ni-ja-e*, dual. PY Ub 1312; ср. ἦνία, дор. ἄνία 'вожжи'.
- a-ni-o-ko*, subst. im. nom. sg. KN V 60: *hāniokhos* 'возничий', ср. ἦνίοχος 'управляющий вожжами, т.е. конями'.
- a-no-we*, adj. m. nom. sg. PY Ta 641; *a-no-wo-to*, adj. nom. sg. n. KN K 875: *anōwes, anowoton* 'сосуд без ушек', ср. ἄν 'без' и οὖς 'ухо'.
- a-pe-i-si*, verb. 3 p. pl. praes. KN Od 666: *apeisi* 'они уходят'; ср. ἄλειμι 'уходить'.
- a-pe-ne-wo*, subst. gen. pl.? nom. sg. et pl.? PY Ub 1315. Предлагается несколько интерпретаций: 1) nom. et instr. pl. к **an(a)pnēwos*; 2) nom. pl. adj. *aphneios*. DMic, 78; 3) *apēnēwōn* 'тягловый скот' МПЛ, 95.
- a-pi*, праер. cum dat.-loc. KN G 820: *amphi* 'около'; ср. ἀμφί 'кругом, вокруг; около, возле'.
-]a-pi-ja-ko-ro-jo[*, m. gen. KN B 812. Существует два истолкования: 1) как антропоним Амфи-ἄγορος (-ἄγρος, -ἄκρος) DMic, 81; 2) *amphi-agoroio* 'домашний скот' к ἀμφι- 'вокруг' и ἀγειρώ 'собирать'.
- a-pi-po-re-we*, subst. m. nom. pl. KN Uc 160: *amphiphorēwes* 'амфоры'; *a-po-re-we*, subst. nom. dual. PY Tn 996; MY Ue 611: *amphorēwe* pl., ἀμφιφορεῦς sg.; ср. ἀμφορεῦς 'амфорей, амфора; большой сосуд с двумя ручками'.
- a-pi-qa-ro*, subst. f./m.? dat.-loc.? TH Of 34; nom. pl. PY Aa804; gen. pl. PY Ad 690; *a-pi-qa-ro-i* dat.-loc. pl. PY Fr 1205: *amphiqwolōn, amphiqwoloihi* 'служительницы'; ср. ἀμφίπολος 'слуга, служанка'.
- a-po-te-ro-te*, adv. PY Va 15: *amphoterothen* 'с обеих сторон'; ср. ἀμφότεροθεν 'с обеих сторон'.
- a-pu*, 1) праер. KN G 820; 2) adv./praefix. PY Ta 641: *apu* 'от, из'; ср. ἀπό = ἀπό 'от, из, с'.
- a-pu-do-si*, subst. f. nom. sg. KN Fh 349, Ga 431, Le 5629, X 728; PY Ma 222: *apodosis* 'платеж', ср. атт. ἀπόδοσις 'возврат, уплата'.
- a-pu-do-so*, KN Nc 4484. Возможны две реконструкции: *a-pu-do-so [mo?]*, ср. арк. ἀπυδοσμός IG V 2. 343; и *a-pu-do-so [-si]* = *ἀπυδώσωνσι, 3 p. pl. fut. от ἀπυδίδωμι 'передавать, отдавать'.

- a-pu-ke**, subst. nom. pl. PY Ub 1315: *amprukes* 'конская упряжь, сбруя', ср. ἄμπυξ 'головная повязка'; ср. еще *a-na-pu-ke* и *a-pu-ko-wo-ko*.
- a-pu-ko-wo-ko**, subst. f. nom. pl. PY Ab 210; gen. pl. Ad 671: *amprukworgoi* 'изготавливающие головные повязки'. К ἄμπυξ, -κος 'головная повязка' и (F)ἔργον 'дело, труд'.
- a-ra-ka-te-ja**, subst. f. dat.-loc. sg.? ZH Of 34; KN Ak 5009; Lc 531; PY Aa 89, nom. pl. *alakateiā* 'пряжа', *a-ra-ka-te-ja-o* gen. pl. PY Ad 677: *alakateiai* 'пряжи', ср. ἡλακάτη 'прялка, веретено'.
- a-ra-ro-mo-te-me-na**, part. perf. med.-pass. f. nom. sg. KN Sd 4405; nom. pl. Sd 4402; nom. pl. dual. Sd 4407, 4415; nom. f. Sd 4402, 4404, 4406, 4408, 4413, 4468; *a-ra-ro-mo-to-me-no* nom. dual. KN Sd 4401, *ararmotmenai*, ср. ἡρμοσμέναι 'полностью оснащенные колесницы'.
- a-re-ra-zo-o**, adj. m. dat.-loc. sg. PY Un 267: *aleiphozoos* 'варящий мази; парфюмер'; ср. ἀλείφω 'намазывать; умащивать'.
- a-ro-ta**, adj. n. pl. PY La 626, 630: *alōsta* 'несшитые (ткани)', ср. ἄλωστοι ἄρραφοι (Hsch.).
- a-ro-u-ra**, subst. f. acc. pl. PY Eq 213: *arourans* 'пашня', ср. ἄρουρα 1) 'пахотная земля, пашня'; 2) 'арура, мера земельной площади ок. 0,024 га'.
- a-roz-a**, adj. n. nom. pl. KN Ld 571, 572; L 586, 5910; So 4430; *a-roz-e* nom. pl. f. vel dual. KN L 735; pl. 7409; *a-roz-jo* gen. sg.? KN So 4437: *arioa, -oes*; ср. ἄριστος 'превосходный, самый лучший', superl. κἀγαθός 'хороший'.
- a-sa-mi-to**, subst. f. nom. sg. vel pl. KN Ws 8497: *asaminthos (-oi)* 'ванна', ср. ἀσάμινθος 'ванна'.
- a-se-e**, subst. dat.-loc. *alsehei* '(священная) роща'. Считается топонимом DMic 108; МПЛ, 67. Ср. ἄσος 'роща'.
- a-te-u-ke**, adj. m. nom. sg. KN V 150: *to-ko-so-ta a-te-u-ke; ateukhēs* 'не вооруженный', ср. ἀτεύχης 'не имеющий оружия'.
- a-to-ro-qo**, subst. m. dat.-loc. sg. PY Fn 50; nom pl. PY An 39; *a-to-ro-qo-i* dat.-loc. pl. MY Oe 117 (без контекста): *artopokwos* 'хлебопек', ср. ἄρτοκόπος < *ἄρтокόπος (с метатезой), ср. еще ἄρτολόπος Hsch.
- a-to-ro-qo**, subst. m. instr. sg. PY Ta 722: *anthroqwō* 'с фигуркой человека (сосуд)'; ср. ἄνθρωπος 'человек'.
- au-to-jo**, pronom. gen. sg. PY Eb 156: *autoio* 'его', ср. αὐτός 'сам; я, ты, он (сам)'; ср. фриг. *autos*, nom. sg. m., *awtaj*, dat. f., Diakonoff—Neroznak, Phrygian, 96.
- a-wa-ra-ka-na**, subst. nom. pl.? PY Un 1314; *a-wa-ra-ka-na-o*, gen. sg. vel pl. Существует несколько интерпретаций: 1) антропоним; 2) *awlaknā* к αὐλαξ (ἄΦλαξ) 'борозда'; 3) *awalai-kanai*; 4) Κ ἀράχνη 'паук, паутина', DMic 122.
- a2-rq[ф]-]u-do-pi**, subst. instr. pl. PY Ta 642; *halos hudorphi* 'морская вода', здесь 'аквамарин'. Ср. ἄλοσῦδωρ DMic 130; ἕλς 'море' и ὕδωρ 'вода'.
- a2-te-ro**, adj. n. acc. sg. PY Ma 365: *hateron* (wetos) 'следующий (год)', 'другой (год)'; ср. ἄτερος, ἕτερος 'другой'.
- a3-ki-ra-ta**, subst. m. nom. sg. PY Ae 108, 264: *aigipa(s)tās* 'козопас', ср. αἶξ, αἶγός 'коза', а также παλταίνω '(зорко) оглядываться кругом'.
- a3-sa**, subst. f. nom. sg. PY Un 1426; TH Ug 14 (*wanaktei*) *aisa* '(царская) доля, часть', ср. αἶσα 'доля, часть'.

- da-ko-ro**, subst. nom. pl. PY An 207, 427; nom. dual. PY An 424; *da-ko-ro-i* dat.-loc. pl. PY Un 219: *dakoros*, *-roi*, *-roihi* 'храмовый служитель', ср. ζάκορος 'служитель при храме; помощник жреца'.
- da-ma-o-te**, nom. pl. m. part. fut., KN X 1051: *damahontes* 'приучающие к ярму тягловый скот', ср. δάμνημι, δαμάζω 'приучать к ярму, приручать'.
- da-mi-jo**, adj. acc. sg. PY Ea 803: *damios* 'земля', *da-mo*, ср. δῆμιος '(обще)народный, общественный'.
- da-mo**, subst. nom. sg. PY Un 718, 'народ', 'δῆμος': *pa-ro da-mo* PY Ea 136, Eb 339, Ep 301; KN C 911, E 845: *paro dāmoi* 'от народа' dat.-loc. sg.; *da-mi-jo* PY Ea 803: *dāmion* 'предоставленный народом', ср. δῆμος 'народ', *da-mo*, subst. m. nom. sg. PY Un 718; dat.-loc. sg. PY Ea 136, 301; E 845; *dāmōi* 'население; народ'; ср. *da-mo-de-mi* = δᾶμος δέ μιν; ср. δῆμος, дор. δᾶμος 'земля, страна, население, народ'.
- da-mo-ko-ro**, subst. m. acc. sg.: PY Ta 711; On 300; KN Le 642?, X 8017; KN C 7058 (?): *damokoros* 'титул чиновника'. Ср. δᾶμος, δῆμος 'народ, население' и κορέω, κορέννυμι 'кормить, насыщать'. Другая возможность: ср. аккад. *tamkāru* 'торговец'. DMic, 155; ср. также *ko-re-te*.
- ḏa-so-mo**, subst. nom. sg. PY Wa 730: *dasmos* 'распределение, раздача', ср. δᾶσμος 'раздел, дележ; налог, дань'.
- de**, particul. PY An 607, Eb 297 et al.: противительная частица и соединительная частица 'но', 'и', ср. -δε.
- de-de-me-no**, part. perf. med.-pass. nom. dual. neutri, PY Sa 287, 794; *de-de-me-na* nom. pl. neutri, KN Ra 984; *dedemēnos* 'связанные, привязанные', ср. δέω 'связывать', δεδεμένος 'связанный, заключенный в оковы'.
-]ḏe-di-ku-ja**, part. perf. act. f. nom. sg. vel pl. KN Ak 611. Возможны интерпретации: 1) *dedikuia*, part. perf. от δείκνυμι 'показывать, указывать, являть'; 2) *dedi<da>kuja*, part. perf. от διδάσκω 'обучать' и тогда 'обученная (ремеслу)' DMic, 163—164.
- de-ka-sa-to**, verb. 3 pers. sg. aor. ind. med. KN Le 641; PY Pn 30: *deksato*; *de-ko-to* KN Le 642, aor.: *dekto* (?); *o-de-ka-sa-to* PY Pn 30: hō *deksato* 'он получил', ср. δέξατο aor. от δέχομαι 'принимать, получать'.
- de-ko-to**, anthr. masc. nom. PY Cn 600; KN Le 642; *de-ko-to-jo* gen. sg. PY In 413: *dekotos* NV *Dekotos*: 'десятый', ср. арк. δέκοτος, атт. δέκατος 'десятый'.
- de-ku-to-wo-ḡo**, m. subst. dat.-loc. sg. vel nom. pl. PY Un 1322 *diktu/deiktu-worgōi* 'делающий, плетущий сети'. Ср. δίκτυον 'невод, тенета'.
- de-me-o-te**, part. fut. act. nom. pl. m. PY An 35: *demehontes* 'которые будут строить', ср. δέμω 'строить'.
- de-mi-ni-ja**, subst. nom. pl. n. PY Vn 851; MY V 659: *demnia*; *de-mi-ni-jo* PY Wr 1326 sg.: *demnion* ложе, ср. δέμνιον 'постель, ложе'.
- de-ḡe-ḡ-ko**, subst. nom. sg. KN Uc 160: *dlewkos* > γλεῦκον 'сладкое (вино)'.
- de-so-mo**, subst. m. instr. sg./pl. KN Ra 1543, 1548: *desmō/desmois* 'связь, привязь'; ср. δεσμός 'привязь, ремень, постромка'.

- di-da-ka-re**, subst. dat.-loc. sg. KN Ak 781, 783, 784, 828, 7005: *didaskalei* 'у учителя' в значении 'на обучении'; ср. διδάσκαλος 'учитель, наставник'.
- di-do-me-na**, part. perf. med.-pass. nom. pl. n. KN So 4429, 4441; KN U 7507: *didomena* 'данные, полученные (в качестве налога)'; ср. δεδομένα от δίδωμι 'давать'.
- di-do-si**, verb. 3 p. praes. ind. act. pl. PY Ma 365; KN Og 4467; PY Ma 90, 120, 123, 124, 193, 221, 225, 378, 397; Na 69, 185 A, 245 A, 565 B: *didonsi* 'платят, вносят'; ср. δίδωμι 'давать'.
- di-do-to**, verb. 3 p. sg. (vel pl.?) praes. indic. pass. PY NG 319, 332: *didotoi* 'дал(и)', атт. δίδοται, δίδωμι 'давать'.
- di-pa**, subst. nom. sg. n. KN K 875; PY Na 641; nom. pl.(?) KN K 740; *di-pa-e*, nom. dual. PY Ta 641: *dipas* 'кубок'; ср. δέπας 'кубок'.
- di-pte-ra**, subst. f. nom. sg. PY Ub 1318: *di-pte-ra*; *di-pte-ra*₂ nom. pl. PY Ub 1315 как альтернативное написание к последовательности *e-ru-tu-ra*; *diphthera* 'кожа'; ср. διφθέρα 'кожа'.
- di-pte-ra-po-ro**, subst. m. nom. sg. PY Ea 814; Dat. sg. Fn 50; Un 219: *di[-pte-ra]-po-ro-i*, dat.-loc. pl. KN C 954 *diphtheraphoros, -roi* 'носящий шкуру'. Согласно другой интерпретации: *diphtherarōlos* 'жертвующий шкуру, приносящий шкуру в жертву' DMic, 177.
- do-de**, subst. acc. + partic. TH Of 26, 31, 33: *dōde* (vel *dōn-de*) 'в дом'; ср. гом. δῶ, δῶμα 'дом, жилище; храм, святилище'.
- do-so-si**, verb. 3 p. pl. fut. ind. act. PY In 829: *dōsonsi* 'они дадут'; ср. атт. δώσουσι 'дадут'.
- do-ke**, verb. 3 p. sg. aor. ind. act. KN Ws 1707, 8493; Xe 7711; PY Un 267; MY Oi 701, 703: *dōke* 'уплатил'; ср. ἔδωκε 'уплатил'.
- do-po-ta**, subst. m. dat.-loc. sg. PY Tn 316: *do(m)spotāi* 'владыка (эпитет божества)'; ср. δεσπότης 'властелин'.
- do-se**, verb. 3 p. sg. fut. ind. act. PY Un 718: *dōsei* 'даст'; ср. δώσει 'он даст'.
- do-si-mi-jo-qe = do-si-mi-jo × qe** (-τε), adj. sg. n. PY Wa 730; *do-si-mi-ja* pl. n. ? PY Ma 126; *do-si-mi-ja* MY Ge 606: *dosmijos* 'налоговый; относящийся к налогу'. Ср. арк. ἀπυδόσμιος.
- do-wa**, subst. n. nom. pl. KN V 5113: *dorwa* 'древки копий'; ср. δόρυ 'дротик, копье'; pl. δοῦρα (Od. 9. 498) < *dorwa.
- do-we-jo**, adj. masc. vel neutr. instr. KN Sd 4407, 4413, 4450(?): *dorweios* 'деревянный'; ср. δοῦρειος 'деревянный', δόρυ 'дерево; брус, балка'.
- du-ru-to-mo**, subst. m. nom. pl. PY Vn 10: *drutomoi* 'дровосеки'. Ср. δρυτόμος 'дровосек'.
- dwo**, numer. nom. PY Ub 1315; PY Eb 338; Eo 278: *duō* 'два', *du-wo-u-pi* instr. PY Eb 149: *d(u)wouphi*, ср. δύο, δύο gen. δυοῖν 'два, двое'.

Е

- e-e-si**, verb. 3 p. pl. praes. ind. KN Ai 63: *ehensi* 'они суть'; ср. атт. εἶσι от εἶμι 'быть'; *e-e-to* 1) 3 p. pl. imperat. PY An 607: *ehentiōn*, ср. гом. ἔστων; 2) imperf. ind. *ehento*; *e-so-to* KN Am 600 3 p. pl. fut. ind. *es(s)ontoi = ἔσσονται*; *e-to* PY Va 15 3 p. dual. praes. ind. к εἶμι, ср. класс. ἔστων; *e-o* PY Eb 173 part. praes. nom. sg. m.: *ehōn* 'являющийся'; *o-ta* MY Oe 111 part. praes. nom. pl. n.: *onta*, ср. ὄντα к εἶμι.

- e-ka-ma-te-qe*, subst. instr. sg. PY Ta 642; *e-ka-ma-pi* instr. pl. PY Ta 713, 715: *hekhamapphi* 'подпорка (часть стола)', ср. ἔγμα 'подпорка'.
- e-ka-ra*, subst. f. nom. sg. PY Ta 709: *eskhara* 'жаровня', ср. ἐσχάρα 'очаг; жаровня, жертвенник'.
- e-ke*, verb. 3 pers. sg. praes. ind. act. KN Uf 835; PY Ea 782, Eb 566: *hekhei* 'имеет' = ἔχει к ἔχω 'иметь', ср. *e-ke-e* PY Eb 297, Ep 704, inf. praes.: *hekhehen* ср. ἔχειν 'иметь'; *e-ko-si*, 3 pers. pl. praes. ind. act. KN G 820 PY A 724, Ed 901: *hekhonsi*; ср. атт. ἔχουσι (<*ἔχουσι); *e-ko*, nom. sg. masc. part. praes. act. KN Sc 226: *hekhōn*, ср. ἔχων; *e-ko-te*, nom. pl. masc. part., praes., PY Aq 64: *hekhontes*, ср. ἔχοντες.
- e-ke-jo-to*, verb. 3p. pl. praes. vel fut. med.-pass. PY Aq 218: *enkeiontoi* 'находятся, располагаются'; ср. κέονται (ἔκκεται) 'находиться, располагаться, лежать'.
- e-ke-ro-qo-no*, subst. m. nom. pl., PY Aa 777, Ab 563, Ad 199; *e-ke-ro-qo-no-qe*, gen. pl. Ad 691: *enchērokwoinos* 'наемные работники', ср. дельф. ἔγχερα, кипр. ὕχέρων 'плата'.
- e-ku-se-we-qe*, subst. nom. pl. MY Wt 501: *enkhusēwes* 'воронки', ср. ἐγγέω 'вливать, наливать'.
- e-ma-ta*, subst. n. pl. PY Ub 1315: *hermata* 'шнуровка', ср. εἶρω 'плести, сплетать; накидывать'.
- e-me*, numer. instr. PY Ta 641: *hemē* 'один', *e-me-de* = *e-me* + *de* PY Eb 495/Ep 613: *hemē de*; ср. атт. ἐνί, εἰς 'один'.
- e-n-e-si*, verb. 3 p. pl. praes. ind. к ἐνεῖμι PY En 609: *en-e(h)ensi* 'они суть'; *e-ne-o* part. nom. sg. m. *en-eōn* 'присутствующий'.
- e-ne-ka*, праер. + gen. KN Am 821; PY Ae 303; An 37; Ea 59, 805: *heneka* 'из-за; для, ради'. Ср. ἔνεка, гом. εἴνεка 'из-за, для, ради'.
- e-na-ri-po-to*, adj. nom. sg. KN Sg 884: *enaliptos* 'отполированный, окрашенный (о кузове колесницы)'; ср. ἐνάλειπτος 'окрашенный, намазанный', ἐναλείφω 'намазывать, раскрашивать'.
- e-ne-wo*, numer. 'девять', см. *e-ne-wo-pe-za* PY Ta 642, 713, 715; *e-ne-wo-pe-zo* (dual.) PY Ta 715 'с девятью ножками'; ср. ἐννέα 'девять'.
- e-ne-wo-pe-za*, adj. fem. nom. sg. PY Ta 713, 715; *e-ne-wo-pe-zo* PY Ta 715 'с девятью ножками (стол)', *e(n)newopeza*, ср. *e-ne-wo*.
- e-pi-da-to*, adj. verb. m. nom. sg. PY Jn 389, 601: *epidatos* < *epi-dastos 'розданный, распределенный', ср. ἐπι-δίδομι 'давать, отдавать'.
- e-pi-ka*, PY Un 1314. Возможно к *e-pi-ko*? Значение точно не установлено. Существуют различные интерпретации. Как: *ebiska*, ср. ἔβισκος 'алфей лекарственный, Althaea officinalis'; ἔβικαι, ср. ἦβισκός; *elpikās*, gen. sg. ср. ἔλλος; ἔλαιον, στέαρ, εὐθηνία (Hsch.). DMic, 224. Последнее предпочтительно.
- e-pi-ki-to-ni-ja*, subst. nom. pl. KN L 693: *epikhitōnia* с неясным конкретным значением. Возможно, 'украшение на хитоне, аппликация на хитоне?'.
- e-pi-ko-ru-si-jo*, adj. n. nom. dual. KN Sk 789 B; *o-pi-ko-ru-si-ja* KN Sk 8149: *opikorusia* '(пластины) нашлемные'; ср. ἐπικορούσσιος 'одетый (на голову) шлем', ἐπικορούσσοιαι 'одеть шлем', κόρυς 'шлем'.
- e-pi-ko-wo*, subst. m. nom. pl. PY An 657: *epikowoi* 'стражи', ср. ион. κοέω 'замечать, слышать'.
- e-pi-pu-ta*, subst. neutri nom. pl. *epiphuta* 'молодые деревца, поросль' PY Vn 10, см. pu-ta.

- e-pi(-qe)**, praep. dat. KN Lc 561, V 280; PY Eb 842, Ep 613, Un 2: epi+qe (-τεε) 'и сверх того'; ср. *o-pi*.
- e-pi-ro-ra-ja**, subst. n. nom. pl. (?) KN Od 696: *epilōraia* 'носимое поверх плаща', ср. λώπη 'одеяние, плащ'.
- e-pi-u-gu-te-we**, subst. dat.-loc. sg. vel nom. pl. PY Ub 1318: *epiwrouteus*; ср. ῥυτήρ 'возжи, постромки'.
- e-pi-we-ti-gi-jo**, subst. m. nom. sg. PY Ea 52: *epiwestrios* 'портной', ср. ἔφεστρίς 'род верхней одежды'.
- e-po-mi-jo**, subst. nom. dual. KN Sk 789; 8100, 8149: *epomiō* 'наплечники (часть доспехов)'; ср. ἐπώμιος 'находящийся на плечах', ἐπωμίς 'верхняя часть плеча'.
- e-qe-ta**, subst. m. nom. sg. KN Am 821; PY An 519, 656, 657, 661; nom. pl. PY An 724; KN B 1055; Wa 917 (dat. sg. ?); *e-qe-ta-e* nom. dual. KN Am 821; *e-qe-ta-i* dat.-loc. pl. PY An 607: *heqwētās* 'слуга', ср. ἐπέτας 'следующий по пятам; слуга'.
- e-qa-te**, part. praes. nom. pl. PY An 615: *heqwontes* 'следующие, идущие вслед'; ср. ἐπόμεινοι от ἔπομαι 'следовать, идти за кем-либо'.
- e-ra-re-me-na**, part. perf. pass. pl. KN L 647 *errapmena* 'сшитые', ср. ἔρραμμένος < *ἔρραφμένος, *εἴρραπμένος к ῥαπτω 'шить'.
- e-ra-ro-(ri-me-ne)**, топоним 'Оленье болото', PY An 657, ср. e-ra-re-ja PY Ub 1318 adj. f. sg. *e-ra-pi-ja* Ub 1316 = *elapheia*, ср. ἔλαφος 'олень' и λίμνη 'болото'.
- e-ra-se**, verb. 3 pers. sg. aor. (vel fut.) ind. act. PY Cn 4: *elase* 'гнал (стадо)', ср. ἐλάσε от ἐλαύνω 'гнать'.
- e-ra-wa** [, subst. f. nom. pl. *elaiwā* 'оливковые деревья' KN F 841; e-ra-wo antr. masc. nom. KN C 1039; *e-ra3-wo* subst. neutr. nom. sg. PY Fr 1217: *elaiwon*, ср. ἐλαίη (ион.) ἔλαιον.
- e-ra-wo**, subst. n. nom. sg. PY Fr 1217; 1218; 1225; 1240; 1242; *e-ra3-wo* acc. sg. Fr 1184: *elaiwon* 'оливковое масло', ср. ἔλαιον 'оливковое масло'.
- e-re-mo**, subst. m. vel n. nom. sg. PY Er 312: *erēmon* 'пустошь'. Ср. ἐρήμος, ἐρήμων 1. 'пустынный, безлюдный'; 2. 'пустынная, безлюдная местность'.
- e-re-pa**, subst. m. nom. sg. KN Sd 4412; PY Va 482; *e-re-pa-ta* acc. sg. KN Og 7504; *e-re-pa-to* gen. sg. KN V 684, Ce 144; *e-re-pa-te* instr. sg. KN Ra 1028; Sd 4401, 4403, 4408; PY Ta 642, 708 *elepha(n)s, -ntos* 'слоновая кость', ср. ἐλέφας 'слон; слоновый бивень'.
- e-re-pa-te-jo**, adj. n. instr. pl. KN Sd 4403; PY Ta 642; e-re-pa-te-o — var.; *e-re-pa-te-ja* nom. sg. f. PY Ta 713; *e-re-pa-te-ja-pi* instr. pl. f. PY Ta 707; *e-re-pa-te-jo-pi* instr. pl. KN Se 891: *elephanteios, -teos* 'слоновой кости', ср. ἐλεφάντιος 'сделанный из слоновой кости'.
- e-re-ta**, subst. m. nom. sg. vel pl. KN As 5491; C 902; nom. pl. PY An 1, 610, 724; *e-re-ta-o*, gen. pl. PY Ad 864: *eretai, -ahōn* 'гребцы', ср. ἐρέτης 'гребец'.
- e-re-u-te-ro**, adj. n. nom. sg. PY Na 185; 248; 941; *e-re-u-te-ra* nom. pl. n.: *eleutheron*, -a 'свободный, -ая'; ср. ἐλεύθερος 'свободный'.
- e-re-u-te-ro-se**, verb. 3 p. sg. aor. sigmat. PY Na 395, 568: *eleutherōse* 'освободил (от налога)' ср. ἐλευθερώω 'освободить'.
- e-ri-ka**, subst. f. gen. sg.; KN So 894; 4430, 4435, 4438, 4439, 4441, 4447: *helikas* 'ива'; Ср. ἑλικᾶ, ἑλικῆ 'ива', лат. salix.

- e-ru-mi-ni-ja, subst. f. nom. pl. PY Vn 46: elumniai 'перекладыны, стропила', ср. ἐλύμναι·δοκοὶ ὀροφῆναι (Hsch.)
- e-sa-pa-ke-me [, part. perf. pass. KN X 7375: *espargmé* [па 'обмотанные']
- e-so, adv. PY An 830: *ensō* 'внутри'; ср. εἶσω, староатт. ἔσω 'внутри; внутри'.
- e-te, adv. KN Am 601; PY Va 15: *enthen* 'отсюда'; ср. ἐνθεν 'отсюда'.
- e-te-do-mo, subst. m. nom. sg. KN Uf 432; PY Ea 808, En 609, Eo 211, Ep 301: *entesdomos* ('царский') оружейник', ср. ἔντεα 'оружие, доспехи' и δέμω 'строить, сооружать'.
- e-to-ki-ja, subst. n. nom. pl. PY Vn 46 *entoikhia* 'строительная конструкция'. Ср. τειχέω 'возводить стену', τεῖχος 'стена', ἐντειχίζω 'возводить стену'.
- e-to-wo-ko, subst. m. dat.-loc. sg. KN Fh 462; PY Fn 50, An 39; *e-to-wo-ko-i* dat.-loc. pl. PY Fn 79: *entoworgoi, -oihi*; 'оружейники'; ср. ἔντος, ἔντεα 'оружие, доспехи' и (F)ἔργον 'дело, работа'.
- e-u-de-we-ro, nom. sg. PY Ab 379 *eudeiweilos* 'ясно видный', ср. ИЛ Εὐδεδίελος.
- e-u-ke-to-qe = e-u-ke-to + qe (-те), verb. 3 p. sg. praes. med.: *eukhetoi* 'торжественно объявлять, клясться'; ср. εὐχεται, εὐχομαι 'обращаться с мольбой, просить; давать обет, обещать'.

I

- i-ja-te, subst. nom. sg. PY Eq 1469: *iatēr* 'врач', ср. ιατήρ 'врач'.
- i-je-ro, adj. m. nom. sg. KN Fp 363; *i-je-ro-jo* gen. sg. PY Ae 303: *hieros* 'священный'; ср. ἱερός 'великий, священный'.
- i-je-we, subst. dat.-loc. sg. PY Tn 316: *iewei* 'сыну', ср. гом. υἱέϊ 'сыну' к υἱός, υἱός 'сын'. Не исключается возможность описки вм. *i-je(-re)-we* и тогда к *i-e-ro*.
- i-jo-te, part. praes. nom. pl. m. PY An 1, MY Au 657, KN B 7041, L 698: *iontes* 'идущие'. Ср. ἰόντες от εἶμι 'идти'.
- i-po-no, subst. nom. pl. KN Uc 160: *ipnoi* 'горшки', ср. ἰπνός 'печка, жаровня'.
- i-po-ro-qo-i(qe), subst. m. dat.-loc. pl. PY Fn 79: *hipporhorqwoi* 'держатели коней, конюхи', ср. ἵπποφορβός 'конеvod'.
- i-qi-ja, subst. nom. sg. f KN Sd 4409; nom. pl. Sd 4403, Sf 4419, 4420, 4423, 4424, 4426, 4427; nom. pl., sg. Sd 4402, 4404, 4405 et al. *i-qi-jo*, nom. dual. KN Sd 4401, 4415 *hiqqwiā* 'колесница', ср. ἵπλος 'конь', ἵπλια. *i-qe-ja* adj. dat.-loc. sg. f. PY An 1281: *ikkweia* 'конная (колесница)', ср. i-qo.
- i-qo, subst. m. instr. sg. PY Ta 722; *i-qo-qe* nom. pl. KN Ca 895; *i-qo-jo*, gen. sg. PY Ea 59: (*h*)*iqqwo*s 'конь', ср. ἵπλος, дор. ἵκκος 'конь'.
- i-te-ja-o, subst. f. gen. pl. PY Ad 684: *histeiahōn* 'ткачихи'; *i-te-we*, dat.-loc. sg. PY Un 1322: *histewei* 'ткачихе'. Ср. ἴστος 'столб, шест; ткацкий навои'.

J

- jo- var. o-, prefix. verb. употребляется вместе с глаголами в слитном написании; ср. *jo-po-ro-te-ke* MY Ue 661: *jō prothēke* 'так он установил' и др. Этимологически восходит к относит. и.-е. местоиме-

нию **io-*; ср. фриг. *ios* 'тот, кто', Diakonoff—Neroznak. 37—38, 111—112.

jo-ro-ro-te-ke = **jo** + **po-ro-te-ke**, verb. 3 pers. sg. aor. MY Ue 661; *jō prothēke* 'так он установил'. Ср. *ὁ* 'так, таким образом' и *προστίθημι* 'накладывать, прикладывать, налагать'.
jo-qi, PY Un 1314: *joqqwi* = *ὁ, τι* 'то, что'.

К

ka-da-mi-ja, subst. pl. neutri, MY Ge 604: *kardamia* 'кардамон', ср. *κάρδαμον, καρδαμῖς, καρδαμίνη* 'кардамон, *Lepidium sativum*'.

ka-ke-ja-pi, adj. f. instr. pl. KN Sd 4409, 4412, 5091: *khalkaiaphi* 'бронзовые', ср. *χάλκειος, χάλκεος* 'бронзовый, медный', см. *ka-ke-u*.

ka-ke-u, subst. m. nom. sg. KN V 958; PY An 607; Nn 831; *ka-ke-we* dat.-loc. sg. KN Fh 386, PY Jn 310, M A 365; *ka-ke-wi* dat.-loc. sg. MY Oe 121; *ka-ke-u-si* dat.-loc. pl. PY An 129: *khalkus* 'кузнец', ср. *χάλκεός* 'медник; кузнец; мастер по металлу'.

ka-ko, subst. m. *khalkos* 'бронза, медь'. Nom. sg. *ka-ko* PY Jn 320, 389, 413, 415, 431, 478, 658, 706, 725, 845; acc. sg. PY Jn 829; Instr. sg. PY Sa 794. Ср. *χαλκός* 'бронза, медь'.

ka-ko-de-ta, adj. nom. pl. neutri KN So 894: *khalkodeta* 'бронзовые', ср. *ka-ki-jo*, dual. KN So 894. Ср. *χαλκόδετος* 'сделанный из бронзы' от *χαλκός* 'бронза, медь' и *δέω* 'связывать; заключать, сковывать'.

ka-ma, subst. n. nom. sg. PY Eb 495, Ep 613, Un 718; acc. sg. PY Ea 28, Eb 159, Ep 613, Eb 173, An 724; *ka-ma-e*, acc. dual. PY Eb 156: *khama* 'земельный участок'; *καμάν, τὸν ἀγρόν. Κρήτες* (Hsch.); *χαμαί* adv. 'на земле'.

ka-ma-e-u, subst. m. nom. sg. PY Eb 152, 156, Ep 613; *ka-ma-e-we* dat.-loc. sg. PY Ep 539; nom. pl. PY An 261, 411: *khamaeus* 'владелец земельного участка', см. *ka-ma*.

ka-na-pe-u, subst. m. nom. sg. PY Cn 1287, En 74, Eo 160, Eo 276; *ka-na-pe-we* MY Oe 129, dat.-loc.; *ka-na-pe-wo* PY Eo 269, gen.; *ka-na-pe-u-si* MY Oi 701, 704, dat.-loc. pl.: *kanarheus* 'сукновал, валяльщик', ср. *κναφεύς, γναφεύς* 'валяльщик, сукновал'.

ka-na-to, subst. m. nom. pl. MY Ue 611; Wt 502, 506 (dubia): *gnathoi* 'ухват?'; ср. *γνάθος* 'челюсти; острая часть, край'.

ka-ne-ja wo-ro-ma-ta, adj. nom. pl. neutri PY Ub 1318: *kaneia wōmata* 'плетеные емкости', ср. *κάνειον, κάνεον* 'корзинка, сплетенная из тростника'.

ka-ra-ra, subst. f. *vel* neutr. pl.? PY Un 1321: *kaphalai* 'черпаки', ср. *σκάφαλος ἀντλητήρ* (Hsch.).

ka-pi-ni-ja, subst. f. gen. sg. PY Vn 46: *kapniās* 'дымоход', ср. *κάπνη* 'дымовая труба, дымоход'.

ka-po, subst. nom. pl.? *kapo* 'плоды'; KN F 841. Ср. *καρός* 'плод'.

ka-ra-a-pi, subst. n. instr. pl. PY Ta 722: *kara(h)aphi* < **kra(h)at-phi* '(украшенный) головами'; ср. гом. *κράατα* 'головы' от *κάρα* 'голова'.

ka-ra-do-ro, nom. sg. PY Ac 1273, An 424, An 661 et al.; *ka-ra-do-ro-de* PY Vn 20, acc.: *charadros*, ср. *χάραδρος* 'ущелье'. Здесь топоним или географический термин.

ka-ra-re-we, subst. nom. pl. KN K 778; PY Fr 1184: *krairewes*. Возмож-

- ные интерпретации: *krairēwes* 'сосуды с носиком', ср. *κραῖρα* 'голова'; и *chlārēwes* r *χλαρεύς, ср. *χλαρόν* 'ἐλαιηρός κώθων' 'сосуд для масла', DMic, 321.
- ka-ra-te-ra**, subst. m. acc. sg. MY Ue 611: *krātēra* 'кратёр', ср. *κρατήρ* 'кратёр, сосуд для смешивания вина с водой'.
- ka-ra-to**, subst. nom. sg. MY Ge 603: *kalathos* 'корзина', ср. *κάλαθος* 'корзина'.
- ka-ra-we**, subst. f. nom. pl. KN Ap 694: *grāwes* 'старухи', ср. *γραῦς* 'старуха'.
- ka-ra-wi-po-ro**, subst. f. nom. sg. PY Eb 338, Ep 704, Ed 317; nom. pl. Jn 829; dat.-loc. sg. Vn 48; *ka-ra-wi-po-ro-jo* gen. sg. PY Ae 110; *klāwiphoros* 'носящая ключ (жрица)'; ср. дор. *κλαδοφόρος*, ион. *κληδοῦχος*, атт. *κλειδοῦχος* 'хранитель ключей, страж'.
- ka-ro**, subst. n. nom. sg. PY Ub 1318: *kairos* 'бахрома', ср. *καιροσ(σ)έων* Od 7.107; *καιρόεις*, *καιρόεσσα*, -οεν 'с частыми петлями'.
- ka-ru-ke**, subst. m. dat.-loc. sg. PY Fn 187, Un 219; nom. *karuke(s)*, dat.-loc. *karukei* 'вестник'; ср. дор. эол. *κάρυξ*, ион.-атт. *κῆρυξ* 'глашатай, вестник'.
- ka-ru-we**, subst. f. instr. sg. PY Ta 721: *kar(oi)wē* 'в форме ореховой скорлупы'; *ka-ru-pi* instr. pl. PY Ta 722: *karuphi*. Ср. *κάρυον* 'орех'.
- ka-ti**, nom. sg. PY Tn 996: *kāthis* 'гидрия'; ср. арк. *κάθιδου ὕδριαι* (Hsch.); ср. *κῆθις*, *κῆθαιριον* 'сосуд для судейских голосов'?
- ka-tu-re-wi-ja-i**, subst. dat.-loc. pl. PY Ub 1318; *ka-ru-re-wi* ja KN X-1047, nom. pl.: *kanthulewiā*; *ka-tu-ro₂* adj. masc. dat.-loc. pl.: *kanthulios* 'корзины для вьючных животных', ср. *κανθήλια* 'вьючное седло с переметными корзинами'.
- ka-zo-e**, adj. nom. pl. PY Va 1323: *kakjohes* 'худшие'; *compar.* к *κακός* 'плохой'; ср. *κακίονες* 'худшие', *κακίων* 'худший'.
- ke-ke-me-na**, part. perf. med.-pass. f. nom. PY Ea 801; acc. sg. PY Ea 802, 922; Eb 294, 377, 496, 501 et al. Ep 301, gen. sg. PY Ea 59, 305, 480 et al.; *ke-ke-me-no*-acc. dual.-f. PY Eb 338; *ke-ke-me-na-o*, gen. pl. f. PY Eb 338; *ke-ke-me-no-jo*, gen. sg. m. vel neutri PY Na 395. Существует несколько различных толкований слова: 1. *khekheména*, ср. *κιχῆμεναι*, *κιχάνω* 'находить, достигать'; 2. *kekesména*, ср. *κεάζω* 'колоть, разбивать'; 3. *kekeiména*, ср. *κείμαι* 'лежать, находиться, простирается' и др. см. DMic, 338—39; МПЛ, 117 со ссылкой на СПС 17—26 'общественная, но не общинная земля'.
- ke-ni-qa**, adj. nom. sg. vel pl. KN Ws 8497: *khernigws*, *khernigwa* 'умывальная (чаша)'; ср. *χέρνιβα* acc. sg. от *χέρνιψ* 'вода для омовения рук'.
- ke-ni-qe-te-we**, subst. nom. pl. NY Wt 503; *ke-ni-qe-te*-[we KN X 768: *khernigwetewes* 'сосуды для омовения рук', ср. *χερνίπτομαι* 'умывать руки'.
- ke-ra**, subst. instr. sg.? KN Ra 984; *ke-ra-a* nom. pl. KN K 872; *ke-ra-e* instr. sg. vel nom. dual. PY Sa 840: *keras*, pl. *keraha* 'рог', ср. *κέρας* 'рог'. *ke-ra* acc. sg. PY Eb 416, Ep 704 толкуется как *geras* 'почетный дар', ср. *γέρας* 'почетный дар, жертвенное подношение', DMic, 344; МПЛ, 116.
- ke-ra-me-u**, subst. m. nom. sg. PY Cn 1287: *ke-ra-me-we*, nom. dual. PY An 207; *ke-ra-me-wi* dat.-loc. sg. MY Oe 125; *ke-ra-me-wo* gen. sg.

- PY En 467: *kerameus* 'гончар', ср. *κεραμεύς* 'горшечник, гончар', *κέραμος* 'горшечная глина; глиняный сосуд'.
- ke-ro-si-ja**, subst. collectivum nom. sg. PY An 261: *geronsia*, ср. *γερουσία* 'совет старейшин'.
- ke-ro-ta**, adj. n. nom. pl. KN Ld 785, 786, 788; существует несколько возможностей истолкования: *geronta* 'старая (одежда)', ср. *γέρων* 'старый'; *cherrōta* 'в виде руки' (как деталь украшения), ср. *χεῖρ* 'рука'; *keirōta* 'отрезанный' к *κεῖρω* 'резать', DMic, 351.
- ke-ro-te**, subst. m. nom. pl. KN B 800, PY In 881: *gerontes* 'старики, старейшины', ср. *γέρων*, *γέροντος* 'старик, старейшина'.
- ke-se-ne-wi-ja**, см. *ke-se-ni-wi-jo*.
- ke-se-ni-wi-jo**, adj. nom. sg. neutri PY Fr 1231; *ke-se-nu-wi-ja* nom. pl. neutri (вариант к предыдущему слову) KN Ld 573; *ke-se-ne-wi-ja* nom. pl. neutri KN Ld 649 (вариант к предыдущему слову): *kxenwios* 'жертвенное угощение', ср. ион. *ξείνιος*, атт. *ξένιος* 'предназначенный для гостей'.
- ki-da-pa**, subst. f. ? термин для обозначения древесины; KN So 894. Сближается с названием растения *σκινδαψός*, *σκινδάλαμος*, *σκίδαφι* 'плющ', DMic, 358.
- ki-ri-ta I**, subst. f./acc. sg. pl. KN G 820: *kritā*, ср. *κριθή* 'ячменная брага; сухой ячмень'; II. adj. pl. neut. KN Ld 785: *khristā* 'крашенный', ср. *χριστός*, *χριστά* 'служащий для натирания' от *χρίω* 'умазывать, смазывать, натирать', *χριστός* 'помазанный' (более позднее).
- ki-ta-no**, subst. nom. sg./pl. KN Ga 1530: *kirtanos, *kritanos* 'фисташковое дерево; (*Pistacia terebinthus*)'; ср. у Гесихия: *κρίτανος* *τέρμινθος*.
- ki-ti-me-na**, part. praes. med.-pass. f. nom. sg. PY Ea 71, 756, 781, 817, 821 En 74 et al.; gen. sg. PY Eo 247: *ktimena* 'частная земля' от *κτεῖμι*, ср. *κτιζω* 'заселять, основывать'.
- ki-to**, subst. m. nom. sg. KN Lc 536; L 693; *ki-to-ne* nom. pl. KN L 771; *ki-to-pi* instr. pl. KN Ld 787; *ki-to-na* KN*785 acc.? *khitōn*, *khitones* 'мужская одежда', ср. *χιτῶν*, ион. *κιδῶν*, дор. *κιδῶν* 'мужская одежда'.
- ki-u-ro-i**, subst. dat.-loc. pl. PY An 1282: *kiuroihi* 'корзины', ср. *κίουρος* (Hsch.) 'корзина'. Другие интерпретации: *ki-wo-ro* ср. *χιδός* 'зеленый корм' или *κίλλος* 'осел' DMic, 369.
- ki-wo-qe**, subst. nom. sg. PY Vn 46: *ki-wo + qe* (=τε), *kiwonqwe* 'колонна, столб', ср. *κίων* 'столб, колонна'.
- ko-ki-re-ja**, adj. f. nom. sg. PY Ta 711, Ta 713, 715; *konkhileia* '(украшенный) раковинами, инкрустированный перламутром', ср. *κόκκος*, *κογχύλη* 'моллюск в раковине, раковина'.
- ko-na**, adj. nom. sg. MY Ue 652: *koinās* 'общий', ср. *κοινός* 'общий'.
- ko-no**, subst. nom. sg. KN F 953; MY Ge 602; *ko-i-no* MY Ge 606: *skhoinos* 'разновидность душистого тростника', МПЛ, 69, 80. Однако значение ненадежно.
- ko-no-ni-pi**, subst. f. instr. pl. PY Ta 714: *kononiphi* 'поперечина, распорка', ср. греч. *kavonίς*.
- ko-re-te**, subst. n. nom. sg. KN C 902; V 865; PY Aq 64; Jn 829, Jo 438, Nn 831, On 300; *ko-re-te-re* nom. pl. PY Jn 829; dat. sg. Xn 1357; *ko-re-te-ri* dat. sg. PY On 300, 1074: *koreteres*, *-tereī* должностное

- лицо, чиновник; ср. *ko-re-te-ri-jo* adj. sg. PY An 830: *koreterios, -on*. Существует целый ряд толкований: *κορεστήρ, ср. *κορέννυμι* 'кормить, питать'; *χωρητήρ от *χωρέω* 'правитель области', *κοιρητήρ ср. гом. *κοίρανος* 'военачальник'; *κορητήρ, ср. *κορέω* 'подметать, мести' и др. DMic 381.
- ko-ri-ja-do-no**, subst. n. nom. sg. KN Ga 415, 673, 674, 685, 7367; *ko-ri-ja-da-na*, nom.-acc. pl. neutri, MY Ge 605; *ko-ri-a₂-da-na* PY Un 267 (вариант к предыдущему): *korih(a)n(d)non* 'кориандр', ср. *κορίαννον*, *κορίανδρον* 'кориандр, *Coriandrum sativum*'.
- ko-ro**, subst. gen. pl. PY Eq 146: *khōrōn* 'земля', ср. *χωρός* 'место, местность; земельный участок'.
- ko-ro-no-we-sa**, adj. f. nom. sg. PY Ta 711: *koronowessa* 'с изогнутыми ушками', ср. *κορώνη* 'загнутый конец лука; дверная скоба', *κορώνίς* 'изогнутый', *κορώνίω* 'изгибать' и *οὖς* 'ухо'.
- ko-ro-ta₂**, adj. n. nom. pl. KN Ld 587, 599; pl. pro dual. Ld 598. Возможно, от *ko-ro-to*: *chrōstios* 'окрашенный (о ткани)', ср. *χρώννυμι* 'окрашивать', DMic, 386. Иначе МПЛ, 83: *krot(h)ia*, греч. *κροσσοί* 'кисти, бахрома'.
- ko-ro-to**, adj. n. KN Od 485, 487; MY Oe 106: *khōrōston* 'вид шерсти', букв. 'крашеное', ср. *χρώννυμι* 'окрашивать'; другое толкование: *klōston* 'пряденый' к *κλώθω* 'прясть'.
- ko-ru-we-ja**, adj. f. nom. sg. KN L 42 *korweia* 'детская (ткань)', ср. *ko-we-ja* KN X 697, *korweia* 'детский'.
- ko-te-ri-ja**, subst. nom. pl. PY Ta 709: *khō(s)teriai* 'печные лопаты', ср. *χώννυμι* 'насыпать, засыпать'.
- ko-to-na**, subst. nom. sg./pl. PY Ea 823; Eo 268; Ea 71, 756, 718, 817, 821; En 74, 467, 609, 659; Eo 160, 211, 224, 247 et al.; acc. sg./pl. PY Aq 64, Ea 812 et al.; gen. sg. PY Ea 132, 481, 754 et al.; dat. sg. PY Ea 782; *ko-to-i-na* var. KN Uf 981; *ko-to-na-o* gen. pl. PY Eb 297, Eb 321., 473; Ed 236, 901; Ep 704; Wa 784; *ko-to-no* acc. dual. PY Eb 338: *ktoinā* 'участок земли', ср. *κτόναι* ἢ *κτοῖναι* *χωρήσεις προγονικῶν ἱερείων ἢ δῆμος μεμερισμένος* (Hsch.)
- ko-to-no-o-ko**, subst. m. nom. sg. PY Eb 377, 496, 501, 566, 892, 893, 895; Eb 369, 747, 846, 874; Ep 301; dat.-loc. sg. PY Eo 247: *khtoinookhos* 'и владелец и арендатор земли' *ko-to-na*; *ko-to-ne-we* nom. pl. PY Ae 995: *khtoinēwes*, см. *ko-to-na*.
- ko-wa**, subst. f. nom. sg. KN Ag 87, 90; Ai 63, 190 et al.; PY Ab 186, 746: *korwā* 'девушка', ср. *κόρη*, ион. *κούρη*, дор. *κώρα*, аркад. *κόρφα*, 'девушка, дочь'.
- ko-wo**, subst. m. nom. sg. KN Ag 87, 88, 90; Ai 63 et al; PY Aa 354 et al; PY Ad 678, 697: *kōwos* 'овчина', ср. *κῶας*, pl. *κῶεα* 'овечья шкура, овчина'.
- ko-wo**, subst. m. nom. sg. KN Ag 87, 88, 90; Ai 63 et al., PY An 354, 764, 779 et al.: *korwos* 'сын, подросток', ср. *κόρος*, ион. *κοῦρος*, дор. *κῶρος* 'ребенок, мальчик, юноша, сын'.
- ku-mi-no**, subst. n. nom. sg. neutri, MY Ge 605; *ku-mi-na* nom. pl. neutri, MY Ge 605: *kuminon* 'тмин', ср. греч. *κῦμινον* 'тмин'.
- ku-na-ja**, adj. nom. sg. f. PY Ta 711: *gunai(a) (qerana)* 'украшенный женской фигуркой (сосуд)', ср. *γύναιος* 'женский'.

- ku-na-ke-ta-i**, subst. m. dat.-loc. pl. PY Na 248: *kunāgetāhi* 'псарь', ср. κυνογέτης 'охотник, ловчий'.
- ku-pa-ri-se-ja**, adj. n. nom. pl. PY Sa 488: *kuparisseios, kuparisseia* 'кипарисовый, -ая'. Ср. также этникон *ku-pa-ri-si-jo* nom. pl. m., PY An 657: *kuparissioi, kuparissios* 'кипарисцы' к топониму Κυπάρισσος.
- ku-pa-ro**, subst. nom. sg. KN Ga 454: *ku-pa[-ro]*; Ga 465; Ga 517; *ku-pa-ro*₂ PY Un 267: *kupairos* фитоним 'купырь', 'Cyperus rotundus L.', ср. κύπαιρος, у Гомера κύπειρον, ион. κύπερος, дор. κύπαιρος; *ku-pa-ro-we* adj. nom. sg. neutri, PY Fr 1203: *kupa(i)rowen* 'из купыря'.
- ku-ru-so**, subst. masc. sg. KN K 872; PY Ta 714: *khrusos* 'золото'; *ku-ru-so-jo* PY Ae 303, gen. sg.; *ku-ru-sa-pi* instr. pl. Ср. χρυσός 'золото'.
- ku-ru-so-wo-ko**, subst. m. nom. pl. PY An 207: *khrusoworgoi* 'золотых дел мастера', ср. χρυσός 'золото', ἔργον 'работа'; другая интерпретация: *chusoworgōs*, ср. χουσουργός DMic, 409.
- ku-su-a-ta-o**, праер. + instr. ksun 'с' + *atao*, ср. гом., атт. ξύν 'с'.
- ku-su-pa**, adj. n. nom. sg. KN Fh 367; PY Fr 1201;]*ku-su-pa-ta*: nom. pl. n. KN Dp 699: *ksumpan, ksumpanta* 'все'; ср. ξύμπαν, pl. ξύμπαντα, σύμπαν 'совокупность, целое; в целом'.
- ku-su-to-ro-qa**, subst. f. nom. sg. KN B 817; PY Ed 411, Eг 880; первый элемент *ksun-*, ср. ξυν-. Вторая часть сближается с 1) στρέφω 'поворачивать'; 2) τρέω 'поворачивать, обращать'; 3) τρέφω 'уплотнять; кормить'. DMic 411—412; ср. однако МПЛ, 154: *ksunstroqwhā* 'всего вместе' (при подведении общего итога).
- ku-te-so**, subst. instr. sg. PY Ta 707: *kutesos* 'черное дерево'. Ср. κύτισος 'Cyeisus, Medicago arborea', МПЛ, 67; 'Laburnum vulgare L.', DMic, 414.
- ku-wa-no**, subst. m. instr. sg. PY Ta 642, 714; *kuwanōi* '(сделанный) из лазурита'; *ku-wa-ni-jo-qe* = *kuwanijo* + *qe*, adj. instr. pl. masc. PY Ta 714; < *ко(Ф)άντιος, ср. κύανеος 'темно-синий'.
- ku-wa-no-wo-ko-i**, subst. dat.-loc. pl. MY Oi 701, 702, 703, 704: *kuwanoworgoihi* 'мастера по лазуриту', ср. κύανος 'лазурит' и -Форγός (-ουργός).

М

- ma-ra-pi**, subst. instr. vel loc.-*pi* PY Cn 418: *malaphi* 'паховые области', ср. μάλη, ὑπὸ μάλης. Другая возможная интерпретация как гаплография из **ma-ra-(pi-po-)pi* = *μαλάμ[φι πόπ]φι*, ср. μέλαν DMic, 423.
- ma-ra-tu-wo**, subst. n. nom. sg., MY Ge 602, 605, 606; *marathwon* 'укроп', ср. μάραθρον 'укроп, Foeniculum agreste'.
- ma-te**, subst. f. nom. sg. PY An 607: *māter* 'мать'. В контексте *ma-te-de*: *mate* + *de*, *ma-te-re* dat.-loc. sg. PY Fr 1202. В контексте *matere teija* = *Ματήρ Θεία* 'мать богов', к *μάτηρ, μήτηρ* 'мать'.
- me-no**, subst. m. gen. sg. KN Fp 1, 7, 13, 14, 15, 16, 18, 48; Ga 953, 5672 et al.; M 724; Oa 745; PY Fr 1224: *mennos* 'месяц' *mēnsos*; ср. μήν, μηνός 'месяц'.
- me-no-e-ja**, adj. f. nom. sg. **mēn(n)ohēiā* PY Ta 642 'в виде полумесяца', 'украшенный полумесяцем'.
- me-re-ti-ri-ja**, subst. nom. pl. PY Aa 62; вар.: *me-re-ti-ra*₂ PY Ab 789;

- me-re-ti-ra[-o]*, gen. pl. PY Ad 308: *meletriai* 'молольщицы' к *meleuron* = ἄλευρον 'мука'.
- me-re-u-ro*, subst. acc. sg. PY Un 718: *meleuron* 'мука' < **mel-/ *ml-* (-ἄλευρον, μάλευρον) 'мука'.
- me-ri*, subst. n. nom. sg. KN Gg 702, 704, 7369; *me-ri-to* gen. sg. PY Un 718: *meli, melitios* 'медовое (вино)', ср. οἶνος μελίτειος (Plut. 2, 672 B), μέλι, μέλιτος 'мед'.
- me-ri-te-wo*, subst. m. gen. sg. PY Ea 481, 771, 799, 813, 820: *melitéwos, -on* 'пасечник, пчеловод', ср. μελισσεύς (Aristot.) 'пчеловод'.
- me-sa-to*, adj. m. nom. pl. KN Wb 1714; *me-sa-ta* nom. pl. f. KN L 735: *mesata, mesatoi* 'средний', ср. μέσ(σ)ατος superl. к μέσος 'средний'.
- me-ta*, праер. cum dat.-loc. PY An 519, 654, 656, 657: *meta* 'вместе, в числе, среди', ср. μετά 'вместе, среди, в числе'.
- me-ta-ke-ku-me-na*, part. perf. med.-pass. nom. sg. f. KN Sf 4428: *metakekhumēnā* 'разобранная на части (о колеснице)'. Другая возможность (менее вероятная) от *meta-xeχumēna. Ср. μεταχέω.
- me-u-jo*, adj. m.-f. nom. sg. KN Ak 612; nom. sg. pro dual. KN Ak 614; var. *me-wi-jo* KN Ak 611; nom. sg. n. PY Ta 641; nom. sg. pro dual. KN Ak 610; *me-u-jo* nom. m.-f. KN Ak 614, 615, 617, 7020; *me-u-jo-e* nom. pl. m.-f. KN Ak 613, 616, 634, 7009, 8334; nom. dual. KN Ak 636, 7009; *me-wi-jo-e*, var. *me-u-jo-e* nom. pl. m.-f. KN Ai 824, Ak 619, 626, 627, 780, 783; K 829, nom. dual. KN Ak 619, 782; *me-u-jo-a₂* nom. pl. n.: *mewios, me(i)wios, -oe, -oes, -oa* 'меньший', ср. μείων comparat. к μικρός 'малый'.
- me-zo*, adj. nom. sg. m.-f. KN Ak 610, 612, 614, 636; *me-zo-e* nom. pl. m.-f. KN Ai 824; Ak 610, 614, 615, 619, 621, 627, 784, 830, 5226, 7002, 7009, 7022; L 471; nom. dual. f.-m. KN Ak 627; *me-zo-a₂* nom. pl. n. PY Sh 733, 734, 735, 737—744: *mezōs, mezoe, mezoes, mezoa* 'более широкий', comparativ. *μέζως к μέγας 'большой', ср. μεῖζων 'большой'.
- mi*, pronom. pers. anaphor. acc. sg. PY Ep 704: *-mi*, ср. μιν 'его, ее'.
- mi-ja-ro*, adj. m. nom. sg. KN Ln 1568: *miaros, miaron* 'бурый, грязный', ср. μιарός 'грязный, испачканный'.
- mi-ra*, subst. f. gen. sg. PY Ta 715: (*s*)*miliā* 'тис' или 'ясень'? Ср. σμίλος, σμίλαξ 'тис' или μιλαῖά = μελίη 'ясень', DMic, 454.
- mi-ta*, subst. f. nom. sg. MY Ge 602, 605, 606; *mi-ta-qe* MY Ge 603: *mintha* 'мята', ср. μίνθα 'мята', *Mentha viridis*'.
- mi-to-we-sa*, adj. fem. nom. pl. pro dual. (DMic, 455) KN Sd 4407, 4415; *mitowessa* 'красный, выкрашенный суриком'; ср. еще *mi-to-we-sa-e* KN Sd 4404 = *mitowessa* + *en* (с наречным значением). Ср. μίλτος 'красная краска'.
- mo-ri-wo-do*, subst. m. nom. sg.; KN Og 1527: *moliwdos* 'свинец'; Ср. μόλιβδος, μόλιβος, μόλυβδος, βόλιμος 'свинец'.
- mo-ro-qa*, subst. m. nom. sg. PY An 519; Aq 64; Jo 438; Xd 7586; *mo(i)rokkwās* 'владелец доли или части надела земли; должностное лицо'; ср. μοῖρα, μόρος 'часть, доля', πάσασθαι, *πάομαι 'приобретать'.

- na-wi-jo**, adj. m. acc. sg. PY Jn 829: *nawion* 'корабельная (бронза)', ср. *ναῦς* 'корабль', *νήϊον*, дор. *νάϊος* 'корабельная бронза'; другая возможность: *nawwios* < *νασ-φος 'храм' и тогда 'храмовая (бронза)'.
ne-wo, adj. n. nom. sg. KN Fh 362; Fh 375; nom. n. sg. pro pl. KN Od 689; dat.-loc. sg. MY Oe 129; nom. pl. PY An 656: *newos* 'новый'; *ne-wa* nom. pl. f. KN Dp 997; PY Ub 1315, nom. pl. n. KN So 4430, 4449; PY Sa 843; MY Oe 111; *newa* 'новая'; *ne-wo-jo* gen.sg. KN Fh 5506; ср. *νέος* 'новый'.
no-pe-re-a₂, adj. nom. pl. *neutri*; PY Sa 682; *no-pe-re-e* nom. dual. *neutri* Sa 794: *nōpheleha*, -e 'непригодные', ср. ион. ἀνωφελής.

O

- o-a-po-te**, праер. KN Le 641: *hō apothen* 'а также, и опять же?'; ср. *ὁ* и *ἄποθεν* 'вдали от'.
o-da-a₂, PY Aq 64, 218, Ed 901, En 74, 659, Eq 146, 213, Ma 393, Un 718: *hō d(e) aha*; *o-de-qa-a₂* PY On 300: *hō de qwe aha* 'и также, так'; *o-a₂* PY Vn 20: *hō ha* 'так'.
o-da-sa-[to, PY Wa 917: *hō dassato* 'так он распределил', см. *da-so-mo*.
o-da-tu-we-ta, adj. f. nom. sg. KN So 894: *odatwenta* 'зубчатый', ср. *o-da-*87-ta* KN So 4430 = *o-da-tu-we-ta* МПЛ, 71, ср. *ὄδους* 'зуб'.
o-ka, subst. f. nom. sg. PY 519, 654: *orkha* 'отряд'. Обычно назывался по месту сбора и имени предводителя: ср. *é-ko-me-na-ta-o o-ka* PY An 661 'отряд Экоменанта' и т.д. Ср. ἀρχή 'начальствование, правление'. См. МПЛ, 133—134.
o-ka-ra₃, subst. nom. pl. PY An 519, Cn 3; *o-ka-ra* PY An 657 'группа людей, охраняющих побережье', МПЛ, 137.
o-mi-ri-jo-i, dat.-loc. pl. KN Fh 356: *omrioihi* 'божества', 'жрецы дождя' *o-mi-ri-so* KN C 911, ср. *ὄμβρος* 'дождь'.
o-na-te-re, subst. m. nom. pl. PY En 74, Wa 784 'держатели земельных участков, арендаторы'.
o-ni-ti-ja-pi, subst. instr. pl. PY Ta 707: *ornitijaphi* '(украшенный) птицами', ср. *ὄρνις* 'птица'.
o-no, subst. pl. KN Ca 895: *onoī* 'ослы'; ср. *ὄνος* 'осел', *ὄνοι* 'ослы'.
o-no, subst. nom. sg. KN Fh 347, M 559, Xe 657; PY An 35, 724, Un 443; MY Oe 108: *onon* 'возмещение, арендная плата?' МПЛ, 101. Ср. *ὀνίνημι* 'приносить пользу; извлекать пользу'.
o-ra-wo-ta, part. pl. KN Sk 5670, 8100, 8149: *opaworta* 'пластинки', букв. 'подвешенные над', МПЛ, 136.
o-re-ro, subst. m. nom. sg. KN Ga 461, L 473, So 4442; PY Ac 1277, Ad 357, An 724, Cn 4, Fn 324, Nn 228, Ub 1316; MY Ge 604: *ophelos* 'польза, выгода, средства'. Ср. *ὄφελος* 'польза, выгода, помощь'.
o-pe-ro, part. act. nom. sg. PY Eb 495, Ep 613 *ōphelon*; *o-pe-ro-qe* PY Eb 149; *o-pe-ro-ta* PY An 724: *ophelonta*; *o-pe-ro-sa-de* nom. sg. f. PY Eb 338: *ophelonsa de*; *o-pe-ro-te* acc. pl. m. PY An 724 'быть должником', ср. *ὀφείλω* 'быть должным, задолжать'. Ср. также *o-o-pe-ro-si* 3 p. praes. ind. act. PY Nw 228: *hō ophelonsi* (linon) 'так они должны

- (внести лен); *jo-o-pe-ro* 3p. pl. aor. ind. MY Ge 602: *hō ōphelon* 'так они должны'.
- o-pi-da-mi-jo*, adj. acc. sg. PY An 830, Cn 607: *opidāmios* 'постоянный житель', см. *da-mi-jo*.
- o-pi-de-so-mo*, subst. nom. pl. PY Ub 1318: *opidesmoi* часть сбри, ср. ἐπίδεσμος, ζυγῶδεςμον 'часть сбри (из козьей кожи)'.
- o-pi-me-ne*, PY An 7: *opi mēnei* 'в месяц', ср. *me-no*.
- o-pi-ra-z-te-re*, vel *o-pi-te-te-re*, subst. nom. pl. PY Vn 46: *opi-r(r) haistēres* 'крепления, опирающиеся на концы балок?' Ср. *φαίω* 'бить, ударять'.
- o-pi-ro-qo*, adj. nom. pl. PY Aa 777, Ab 899, Ad 691: *opiloiqwoi* 'остающиеся'; ср. *-epi-*, *opi-* и *λείπω* 'оставлять'.
- o-pi-su-ko*, adj. nom. pl. (et sg.?) PY Jn 829, 881: *opisukos (-oi)* 'присматривающий за смоковницами', ср. *σῦκον* 'плод смоковницы, фига'.
- o-po-qo*, subst. n. nom. sg. KN Sd 4401, Sf 4428: *opōqwon* 'шоры, наглазники'.
- o-re-i*, loc. pl.? KN B 7034: *orei* 'в горах', ср. *o-re-a₂* PY Ep 705 = *orehās*; *o-re-ta* PY An 657 = *oreta*; ср. *ὄρος* 'гора'.
- o-re-ne-ja*, adj. f. nom. pl. KN Ld 579, L 5108; *o-re-ne-a* nom. pl. n. KN L 593: *ōleneia* 'с угловатым узором?' Ср. *ὠλένη* 'локтевая часть руки'.
- o-ro-me-no*, part. nom. sg. PY Ae 134: *oromenos* 'смотритель', ср. *ὀράω*, *ὀρέω*, *ὀρώω* 'видеть, смотреть'.
- o-te*, adv. PY Ta 711: *hote* 'когда'; ср. *ὅτε* 'когда'.
- o-u*, negat. KN V 280; PY Ad 686, Ep 704, MA 90, Na 245, Ng 319: *ou-* отрицательная частица 'нет'; *o-u-qe* KN Sd 4402; PY Aq 64 et al. ср. *οὐ* 'нет', *οὐ τέ*.
- o-u-ki*, negat. KN V 280: отрицательная частица *ouk(h)i* или *oukis*; ср. *οὐχί*, *οὐκ* отрицание 'нет'.
- o-wi-de*, verb. 3 p. sg. aoristi, PY Eq 213, Ta 711 'вот что увидел' (описание ревизии), ср. *ἰδεῖν* 'видеть'.
- o-wi-de-ta-i*, subst. dat.-loc. pl. PY Un 718: *owidertāhi* 'живодер (овечий)', ср. *o-wi-de-ta* [PY Wa 731, dat.-loc. pl.

Р

- pa*, pron. m. nom. sg. PY Ja 749, Jn 601: *pans* 'весь', ср. *pās* < *πανς 'всякий, каждый; весь'.
- pa-ka-na*, subst. n. nom. pl. KN Ra 1540: *phasganon* 'меч', ср. гом. *φάσγανον* 'меч'.
- pa-ke-te-ja*, adj. nom. pl. PY Aa 662, Ab 745, 746; *pa-ke-te-ja-o-(qe)* Ad 671: *phakteiai*, *-āhōn* 'банщицы?' МПЛ, 85.
- pa-ke-te-re*, subst. nom. pl. PY Vn 46, Vn 879, Wg 1415: *pāktēres* 'гвозди'; ср. *πῆκτός*, *пактос* 'воткнутый, вонзенный'.
- pa-ke-we*, adj. m. nom. pl. KNL 7514: *pakhēwes* 'толстые'; ср. *παχός* 'толстый; плотный, жирный'.
- pa-ko-to*, subst. nom. dual., Ta 709: *phaktō*. Ср. глоссу у Гесихия: *φάκται*: *ληνοί*, *σιπύαι*, *πέλοи* (Hsch.) 'корыто', 'ларь', 'чан'.
- pa-ra-ja*, adj. f. nom. sg. KN Ln 1568: *palaiā* 'старая (одежда)', ср. *παλαιός* 'старый'.
- pa-ra-jo*, adj. nom. sg. PY An 298: *palaios* 'старый', ср. *παλαιός* 'старый'.

- pa-ra-ku**, subst. m. sg. PY Cn 201; KN X 5102; *pa-ra-ku-we* PY Ta 715; *pa-ra-ku-we-ge* PY Ta 714 (bis). Предлагаются интерпретации: 'железо', ср. хеттск. (<хаттск.) *ḫa-ra-al-ki* 'железо' или даже 'серебро', МПЛ, 66, Иванов, 1983, 40; ср. *πέλεκυς* 'железный топор'.
- pa-ra-wa-jo**, subst. nom. dual. KN Sk 789; PY Sh 737: *parāwaiō* 'нащечники (пластины шлема, закрывающие щеки)'.
- pa-ro**, праер. cum gen./ dat.-loc. KN Ai 115, 8, Dk 945, L 871 et al.; PY An 129, Cn 131, Ea 782, Eo 211, Ep 301, Fr 1184, Mn 162, Pa 53, Un 138, Vn 130: *paro*, ср. *παρά* 'от'.
- pa-ro-ke-ne- [to]**, verb. 3 p. sg. PY Ad 686; (*ou*) *parogeneto* '(не) присутствовал'; ср. *παράγινωμαι* 'находиться, присутствовать'.
- pa-sa**, pronom. acc. pl. vel nom. sg. f. KN X 8109: *pansa*; *pa-to?* PY Ed 411 gen. sg.: *pantos* (?); *pa-te* nom. pl. m. KN B 1055: *pantes*; *pa-ta* pl. n. KN C 917: *panta*; *pa-si* dat.-loc. pl. PY Jn 389 *pansi* 'весь'; ср. *πᾶς* < *πανς 'всякий; весь'.
- pa-si**, verb. praes. 3 sg. PY Ep 704: *phāsi* 'говорит'; в контексте *dāmos demin phāsi...* 'народ говорит...' (в значении позволяет, решает). Ср. *φησί* 'он говорит'.
- pa-te**, subst. n. nom. sg. PY An 607: *pāter* 'отец'; ср. *πατήρ* 'отец'.
- pa-wo**, subst. m. nom. sg. KN Ws 8499: *pharwos* 'плащ'; ср. *pa-we-a* KN Lc 528, Ld 571, L 594; *pa-we-a₂* KN Ld 787, MY Oe 127; *pa-we-o* KN L 651, gen. pl.; *pa-we-si* MY Oe 111: dat. pl.; *pa-we-pi* KN L 104: instr. pl.: *pharweha*, *pharwehōn*, *pharwessi*, *pharwesphi* 'плащевая ткань'; ср. *φᾶρος* 'ткань, покрывало, полотнище, плащ'.
- pe-da**, праер. cum acc. KN V 114: *peda wastu* 'к городу'; ср. *pe-da-i-je-ro* KN Fh 2013: *peda hieron?* 'к храму'; ср. эол. *πεδά* 'к, по направлению к'.
- pe-di-ra**, subst. nom. pl. PY Ub 1318; *pe-di-ro* dual. PY Ub 1318; *pe-di-ro-i* PY Ub 1318 dat.-loc. pl. *pedila*, *-ō*, *-oihi* 'сандалии, или подошвы (из кожи)'; ср. *πέδιλον* 'подвязная подошва, сандалия'.
- pe-i**, pronom. dat.-loc. pl. PY An 519: *spheis* vel *sphehi* 'с ними'; ср. *σφεῖς* 'они'.
- pe-ki-ti-ra₂**, subst. gen. pl. PY Ab 578, *pe-ki-ti-ra₂-o* PY Ad 694: *pektria_i*, *-āhōn* 'чесальщицы' или '(женщины), стригущие овец'; ср. *πέκω* 'чесать, расчесывать'.
- pe-ko-to**, subst. nom. sg. KN Lc 526 *pekton* 'вид ткани'; ср. *πεκτέω* 'стричь; чесать'.
- pe-ma**, subst. f. nom. sg. KN Ga 675; PY Er 312: *pēma* 'зерно, семя', *pe-mo* PY Eb 846, Ec 157, En 74, Eo 160, Ep 212, Eq 146, Es 650. Ср. *σπέρμα* 'зерно, семя'.
- pe-ro-ro**, subst. m. nom. sg. KN De 6060: *peplos* 'покрывало, одежда'; ср. *πέπλος* 'платье, одежда; пеплос'.
- [pe-?] *pu₂-te-me-no*, partic. nom. sg. PY Er 880: *pe]phutēmenon (-tmenon)* 'засаженный деревьями (участок)'; ср. *γῆ πεφυτευμένη* у Геродота.
- pe-qa-to**, subst. nom. sg. KN Sd 4402, 4422: *peggwaton* < *pedgwaton 'подножка (колесницы)'.
- pe-re-ke-u**, subst. m. nom. sg. PY Cn 1287: *plekeus* 'ткач'; *pe-re-ke-we* nom. pl. et dat.-loc. sg. PY Ae 574, MY Oe 130: *plekēwes*, *plekēwei*. Ср. *πλοκεύς* (Ericharm.), *πλοκή* 'плетение'.

- pe-re-ku-ta, subst. m. nom. sg. PY An 172: *presgutās* старик, ср. πρεσβύτης 'старик'.
- pe-ri-ro-fo, part. praes. ind. nom. pl. KN V 479: *periloiqwoi* 'остающиеся, остальные', ср. περιλείπομαι 'оставаться в живых, невредимым'.
- pi-ri-газ, subst. f. nom. sg. PY Ta 709; PY Tn 996: *phihalai, phielai* 'сосуд для варки', ср. φιάλη 'сосуд для варки; чаша; ковш'.
- pi-ri-ja-o, subst. f. g. pl. PY Vn 46: *phliaōn* 'дверной косяк'; ср. φλιά 'дверной косяк'.
- pi-ri-je, subst. nom. vel acc. sg. KN K 740: *priēn* 'пила', ср. πρίων 'пила'.
- pi-ri-je-te, subst. m. nom. sg. KN Ra 1548; *pi-ri-je-te-re* PY An 207; dual.; *pi-ri-e-te-si* PY An 7; dat.-loc. pl.: *prietēr* 'ножевщик'; ср. πρίω 'пилить'.
- pi-ri-te, subst. m. nom. sg. KN Ra 1543: *pristēr* 'пильщик'; ср. пристήρ 'пилящий, распиливающий'.
- pi-ti-ro₂-we-sa, adj. f. nom. sg. PY Ta 713: *ptilowessa* '(украшенный изображениями) перьев?' ср. πτερόν 'перо', πτερόεις, πτερόσσα 'оперенный, крылатый'.
- po-ka, subst. nom. pl. KN Dp 977, 7742: *pokai* 'овчина, руно', ср. πόκος 'состриженная шерсть, руно'.
- po-me, subst. dat.-loc. sg. vel nom. pl. Kn Am 821; PY Ae 134, An 101, Ea 71, 817, Eo 278; *po-me-ne* Ea 800, Nn 831; *po-me-no* PY Ea 782; gen. sg.: *poimēn* 'овчар', 'пастух', ср. ποιμήν 'пастух; овчар'.
- po-ni-ke, subst. instr. sg. PY Ta 722: *phoinikē* 'финиковая пальма' в контексте описания изображения, instr. pl. *po-ni-ki-pi, phoinikphi*. Ср. φοῖνιξ 'финиковая пальма'.
- po-ni-ke-ja, adj. f. sg. KN Ln 1568: *phoinikeia* 'яркокрасная; алая', ср. φοίνις 'яркокрасный; алый, пурпурный'.
- po-pi, subst. instr. pl. PY Ta 642: *porphi* (< *pod-phi) 'с ножками слоновой кости (стол)'; ср. ποῦς, ποδός 'нога'.
- po-pu-re-ja, adj. f. pl. KN L 474: *porphureiai*; *po-pu-ro₂* KN L 758: *porphurio* 'пурпурный (о тканях)', ср. πορφύρα 'пурпурная ткань'.
- po-qe-wi-ja, subst. dat. pl. ? PY Ub 1315; *po-qe-wi-ja-i* PY An 1282: *phorgweiai* 'поводья, недоуздок', ср. φορβεῖά то же.
- po-ri-wa, adj. pl. n. KN L 587: *poliwa* 'серый'; ср. πολιά 'седина'.
- po-ro, subst. dualis KN Ca 895: *pōlo* 'жеребенок'; ср. πῶλος 'жеребенок; молодая лошадь'.
- po-ro-ko-re-te, subst. m. nom. sg. KN V 865; PY In 829, Jo 438: *prokoreter* 'должностное лицо; помощник'; *po-ro-ko-re-te-re*, nom. pl. PY Jn 829.
- po-ro-ko-wo, subst. m. nom. pl. MY Ue 611: *prokhowoi* 'кувшины', ср. προσχέω 'наливать'.
- po-ro-to, numer. nom. sg. m. KN Od 562: *prōtos* 'первый', ср. πρῶτος 'первый'.
- po-ru-, adj. nom. sg. m. PY Ta 722: *po-ru-po-de* instr. sg. *polupodē* 'осьминог', букв. 'многоногий'; ср. полу- в сложных словах — πολύς, πολλή, πολύ 'многочисленный, большой'.
- po-ti-ni-ja, subst. f. nom. sg. KN V 52, Gg 702, M 729, Oa 7374; PY Ca 665, Fn 187, Fr 1206, Tn 316, Un 219, Vn 48; MY Oi 701: *potnija* 'владычица', ср. πότνια 1. 'могущественная'; 2. 'владычица, повелительница'.
- po-ti-pi, subst. f. instr. pl. PY Ta 707: *portiphi* 'телка?', ср. πόρτις 'телица, телка'.

- pte-re-wa, subst. f. gen. sg. KN Se 879, So 4449; *pe-te-re-wa* KN So 894: *ptelewās* 'из вяза, вязовый'. Ср. πετέλα 'вяз'.
- pu-ka-ta-ri-ja, adj. f. nom. pl. KN L 474, MY X 508: *puktaliai* 'двойная, сложенная вдвое ткань'.
- pu-ka-wo, subst. nom. pl. masc. PY An 39: *purkawoi* 'зажигающие (священный) огонь'; ср. πῦρ 'огонь' и καίω 'зажигать'.
- pu-ko-so, subst. masc.? *pu-ko-so e-ke-e* PY Ta 715: 'самшит' *pukso-* + ἔχω / ἔυχος МПЛ, 138. Ср. πύξος 'самшитовое дерево'.
- pu-ra-u-to-ro, subst. dual. f. vel n. PY Ta 709: *purastrō* 'щипцы для углей', ср. πῦρ 'огонь' и ἔξαστήρ (Aeschyl.) 'вилка'.
- pu-ta, subst. neutri nom. pl.; *phuta* 'молодые деревца, растения'; KN Gv 864. Ср. φῦτον 'растение'.
- pu-te-re, subst. nom. pl. KN V 159; PY Na 520: *phutēres*; *pu-te* KN Uf 835, nom. sg. *phutēr* 'садовник', ср. φυτευτής 'садовник'.

Q

- qe-re-ti-ri-jo, subst. nom. dual. PY Vn 46: *qw(e)lethriō* 'дышло', ср. πέλεθρον, πλέθρον мера длины, 30.83 м = 1/6 стадии; другая возможность βλήτρον 'крепление', МПЛ, 97.
- qe-ro₂, subst. nom. dual. KN K 740, Sk 789, 5670, 8100: *sqwelio*, ср. эол. σπέ(λ)ιον = ψέλιον 'наручни', 'запястье, браслет'.
- qa-si-re-u, subst. m. nom. sg. PY Jn 601, Jn 431, Io 438; TH Ug 42: *gwasileus* 'царь, глава области', ср. βασιλεύς 'царь, властелин, предводитель'.
- qa-si-re-wi-ja, adj. nom. sg. fem. KN As 1516, K 875; PY Fn 50: *gwasilēwia* 'дом базилевса', ср. βασίλειον, ион. βασιλήϊον 'царский дворец'.
-]qe-ro-me-no, part. perf. pl. m. PY Ad 697: *qwelomenoi* 'находящиеся, присутствующие'.
- qe-te-jo, nom. sg. neutri PY Fr 1206; qe-te-o KN Fh 348, L 513, 693: *qweite(i)on*; *qe-te-a*, nom. sg. fem. KN Fr 363; *qe-te-a*; PY Un 138: *qweiteha* 'то, что должно быть уплачено'.
- qe-to, subst. m. nom. pl. PY Ta 641; MY Ue 611: *qwethoi* 'пифос'? *qe-ti-ja* nom. fem. MY Ue 611, Wt 504: *qwethia* 'пифос, большой сосуд'.
- qe-to-ro-, qe-te-ro-, numer. входит в состав сложных слов (composita); *qe-to-ro-ro-pi* instr. pl. PY Ae 134: *qwetropopphi* 'четвероногие', *qe-te-ro-we* PY Ta 641 'с четырьмя ушками'; ср. τέσσαρες, τέτταρες, дор. τέττορες, τέτορες 'четыре'.
- qe-to-ro-ro-pi, adj. instr. pl. PY Ae 134: *qwetropopphi* обозначение домашних животных (овец, коз или крупного рогатого скота?), букв. 'четвероногие', ср. τετράποσι.
- qe-to-ro-we, adj. n. nom. sg. PY Ta 641: *qwetrōwes* '(сосуд) с четырьмя ушками', ср. *a-no-we*; ср. τέσσαρες, атт. τέτταρες, дор. τέτ(τ)ορες 'четыре' и οὖς 'ухо'.
- qi-ri-ja-to, verb. 3 pers. sg. aor. KN Ai 1037, 5976, B 822, 998: *qwriato* 'он купил (о рабах)', ср. πρίασθαι 'покупать'.
- qo-u-ka-ra-a-pi, subst. instr. pl. PY TA 722: *gwokarahaphi* '(украшенный) бычьими головами', ср. βοῦς 'бык' и κάρα 'голова'.
- qo-o, subst. acc. pl. PY Cn 3: 'крупный рогатый скот'; ср. βοῦς 'бык'.
- qo-u-qo-ta, subst. nom. sg. KN L 480; *qo-qo-ta-o* PY Ea 305 gen. (pl. ?):

qwō(u)gwotās/-āo 'коровий пастух', ср. βούς 'бык', βουκαῖος 'погонщик волов, пашущий на паре волов'.
qo-wi-ja, adj. f. nom. sg. PY Tn 316: *gwōwiā* 'волоокая (эпитет богини Геры)'; ср. βούς 'бык' и ὄσσε 'очи, глаза'.

R

- ra-ke*, verb. 3 pers. sg. aor. PY Eb 159, Ep 613: *lakhe* 'он получил как долю', МПЛ, 116.
*ra-pi-ti-ra*₂, subst. f. nom. pl. PY Ab 555: *rhaptriai* 'швея', ср. ῥάπτω 'шить'.
ra-pte, subst. m. nom. sg. PY An 172, Ea 28; *ra-pte-re* KN Fh 1056, V 159; PY An 207: *rhapṭēr, -es* 'портной', 'шорник', ср. ῥάπτω 'шить, сшивать'.
ra-wa-ke-ta, subst. m. nom. sg. PY An 724, Un 718: *lawagetās* 'предводитель (вооруженного) народа, лавагет', ср. фриг. *lawag<e>taei*, Diakonoff—Neroznak, Phrygian, 120. К греч. ἡγεῖσθαι 'идти впереди' и λαός 'войско; пешие; люди, народ'.
re-ke-to-ro-te-ri-jo, adj. nom. sg. neutri, PY Fr 343; *re-ke-e-to-ro-te-ri-jo* PY Fr 1217: *lekhesstrōtērion* '(некий) эпитет масла'. К второй части эпитета. ср. στόρνησι 'стлать, укладывать', ср. лат. *lectisternium* '(масло) для жертвенного обряда', МПЛ, 77, 147.
re-po-to, adj. m. nom. sg. KN L 693; PY Un 1322: *repoto(s)* 'тонкий', ср. λεπτός 'очищенный, тонкий'.
re-qo-me-no, part. perf. nom. pl. KN As 1517: *leiqwomenoi* 'остальные', 'оставшиеся'; ср. λειπόμενα, λείπω 'оставлять'.
re-u-ka, adj. f. sg. KN Ld 649; *re-u-ko* KN L 695 m.: leukos. Ср. λευκός 'светлый, ясный, белый'.
re-wo-pi, subst. m. instr. pl. PY Ta 708: *lewomphi* (< *lewonth-phi) 'со львами'; *re-wo-te-jo* PY Ta 722, instr. pl. *lewonteiois* 'со львиными (головами)', ср. λέων, -οντος 'лев'.
re-wo-to-ro-ko-wo, adj. m. gen. pl. PY Aa 783, Ab 553, Ad 676: *lewotrokhōwoi* 'банщики', ср. λοετροχόος 'служащий для нагревания воды для мытья'.
ri-na-ko-ro, subst. m. nom. sg. PY An 219: *lināgoros* 'сборщик льна?' ср. λίνον 'лен', ἀγείρω 'собирать'.
ri-no, subst. n. nom. sg. KN L 693, Np 7423, Og 5778, X 7741; PY Nn 228; *linon* 'лен', ср. λίνον 'лен'.
ri-ta, subst. f. nom. sg. KN L 594, 5927: *lita* 'холст'; *ri-ta-pa-we-a* KN L 178: *lita pharwea* плащевая материя, ср. λίς, λίτα асс. sg. 'льняная ткань; полотно, холст'.

S

- sa-pa-ka-te-ri-ja*, subst. n. nom. pl. KN C 941: *sphaktēria* 'жертвы'; ср. σφακτός 'заколотый, зарезанный', ср. также название о. Σφακτηρία у побережья Мессении.
sa-pi-de, subst. nom. pl. PY Vn 19; MY Ge 602, 605: *sarpides* 'ящерицы'; ср. глоссы σαρπίς: σαρπός: σαρπούς: κιβοτούς (Hsch.).
sa-sa-ma, subst. n. nom. pl. (vel f. sg.) MY Ge 602; 606: *sāsama* 'сезам, кунжут (семена)', ср. σήσαμον бот. 'сезам, кунжут (семя, плод, само растение)'.

- se-ri-no, subst. neutri nom. sg. MY Ge 604: *selinon* 'сельдерей',
 ср. σέλινον бот. 'сельдерей, Apium graveolens'.
 si-a₂-ro-, subst. m. acc. pl. PY Cn 608: *sialons*, ср. σῦς, ὄς 'свинья'.
 si-to, subst. m.? nom. sg. KN Am 819; MY Au 658, *sitos* 'зерно (в значении
 хлеб)'. Ср. σίτος 'хлеб'.
 si-to-po[-qo], subst. m. sg. (?) KN As 625: *sitopqwos* 'пекарь', 'хлебопек',
 ср. σίτος 'хлебные злаки; хлеб'.
 su-qo-ta-o, subst. m. gen. sg. (pl. ?) PY Ea 109, 481, 59: *suqwotāo*
 (-on) 'свинопас'; *su-qo-ta* PY Ea 822; ср. σίκα: ὄς. Λάκωνες. Hsch.,
 греч. σῦς, ὄς 'свинья'.
 su-za, subst. f. nom. pl. KN F 841, Gv 864, PY Er 880: *sūkiai* (*sukiai*, *sūsai* ?)
 'смоквы' ? ср. *su-ko* KN V 479; PY Eb 149, Ep 613; ср.
 συκέα 'смоковница'.

T

- ta-pa-e-o-te, adj. nom. pl. KN B 823: *tarphaeontes* 'много, густо
 (eontes)'; ср. ταφύς 'густой, частый'.
 ta-ra-nu, subst. m. nom. sg. KN V 1521; PY Ta 707; *ta-ra-nu-we*
 PY Ta 721, pl.: *thrānus* 'скамейка для ног', ср. θρᾶνος 'скамья,
 стул, сиденье'.
 ta-ra-si-ja, subst. f. nom. sg. KN Lc 535, MY Oe 110: *talansia*
 'норма выработки по весу', ср. τάλαντον 'талант, единица веса;
 денежная единица'.
 ta-te-re, subst. nom. pl. PY An 209: *statēres* 'скотники'.
 ta-to-mo, subst. nom. sg. masc. PY Cn 4, 59, Vn 46: *stathmos*
 'стойло', ср. σταθμός 'стойло'.
 te-ke, verb. 3 sg. aoristi PY Ta 711: *thēke* 'он назначил'; *jo-po-*
ro-te-ke, MY Ue 661: *hō prothēke* 'так установил'. Ср. τίθημι
 'ставить, класть'.
 te-ko-to(n): *te-ko-to-a-pe*, PY An 5, *te-ko-to-na-pe* PY An 18 'плотник
 отсутствует'; *te-ko-to-ne* KN Am 826: *tektones* 'плотники'. ср.
 τέκτον 'плотник'.
 te-me-no, subst. n. nom. sg. PY Er 312: *temenos* 'земельный надел
 (лавагета)'. Ср. τέμενος 'земельный надел, участок'.
 te-mi-dwe, adj. nom. sg. KN So 894; *te-mi-de-we-te* PY Sa 1266
 dualis; *te-mi-dwe-ta* PY So 894, PY Sa 791: *termid-wen*, *-wen-*
te, *-wen-ta* 'имеющее край'.
 te-o, subst. m. acc. sg. PY Eb 297, Ep 704; *te-o-jo* gen. sg. PY
 Eb 416, En 609; *te-o-i* dat.-loc. pl. (vel dual.): *theos* 'бог', ср. *pa-si-te-o-i*
 dat.-loc. pl. KN Fp 1, 5: *pansi theoihi* 'всем богам'; ср. θεός
 'бог, божество'.
 te-pa, subst. nom. sg. KN Ws 8153, *te-pa* KN X 1432, *te-pa* KN
 L 5090; *te-pa-i* MY Oe 107; *terās* 'вид ткани'.
 ti-ra, subst. nom. pl. KN Od 681, 687: *tilai* 'кочки шерсти'.
 Ср. τίλαι (Plut.) 'пушинки; пылинки'.
 ti-ri-[mi-ka], KN Ld 788: *trimiskon* '(сотканная) в три нити', ср.
 τριμίσκον ἱμάτιον Ἀσπένδοι (Hsch.).
 ti-ri-po, subst. m. nom. sg. PY Ta 641, 709; *ti-ri-po-de* dual. PY

- Та 642: *tripōs, tripode* 'треножник, сосуд на трех ножках', ср. *τριπόδιον* 'небольшой треножник', *τρίπους* gen. *τρίποδος* 'котел на трех ножках'.
- ti-ri-si, numer. dat.-loc. PY Ub 1318: *trisi* 'три', ср. *τρεῖς* 'три, трое'.
- ti-ri-to, numer. nom. sg. m./n. KN Dv 1386: *tritōs > NV *Tritos/Tritōn* 'третий', ср. *τρίτος* 'третий'.
- to-e, pron. demonstr. dat.-loc. sg. m. PY Eb 842: *tohei* 'для него'; ср. *to-i-ge* dat.-loc. *pl. m. PY Na 520: *toihiqwe* 'и для них', *to-jo-ka* gen. sg. PY Eb 156: *toio-ka*, ср. *ὁ*, gen. *τοῖο* 'тот, он'.
- to-ko-do-mo, subst. nom. sg. masc. PY An 7 18, 35: *toikhodomoi* 'каменщики', букв. 'строители стен'; ср. *τείχος* 'стена', *δέμω* 'строить', ср. *τειχοποιός* 'строитель стен'.
- to-ko-so-ta, subst. m. nom. sg. KN V 150, 7624: *toksoiās* 'лучник'; ср. дор. *τοξότας; τοξότης* 'лучник'.
- to-ko-so-wo-ko, subst. m. dat.-loc. sg. PY An 207: *toksoworgoi* 'изготовители луков', ср. *τόξον* 'лук'.
- to-mi-ka, KN L 761, 764: *tormiska* < *tormitiska '(сотканная) в четыре нити'.
- to-no, subst. m. nom. sg. PY Ta 707: *thornos* 'стул', ср. *θόρναξ*: *ὀπλοῦδιον. Κύπριοι* (Hsch.).
- to-pa, subst. f. nom. sg. PY Ub 1318: *torpās* 'широкая корзина', ср. *τάρπη* (Pollux) 'широкая (большая) корзина', МПЛ, 102.
- to-pe-za, subst. nom. sg. KN V 280; PY Ta 642: *to-pe-zo* PY Ta 715, dual.: *torpēza, -zō* 'стол', ср. *τράπεζα* 'стол'.
- to-ra-ka, subst. m. nom. sg. Ti Si 5: *thoraks* 'панцирь'; *to-ra-ke* nom. pl. PY Sh 736: *thōrākes* 'панцири'; ср. *θώραξ* 'панцирь'.
- to-ro-no-wo-ko, subst. m. nom. pl. KN As 1517: *thronoworgoi* 'изготавливающие стулья (мастера)', ср. *θρόνος* 'стул'.
- to-ro-qa OLE KN Fh 358: *troqwāelaiwa* 'пищевое оливковое масло'?
- to-ro-qe-jo-me-no, part. praes. nom. sg. PY Eq 213: *troqweiomenos* 'поворачивающий(ся)', ср. *τροπέω, τρέπω* 'поворачивать, обращать'.
- to-ro-qa, subst. acc. sg. KN Od 563: *troqwōn* 'витой шнур'. Ср. у Гомера *τροπός, τροπότηρ* 'весельный ремень'.
- to-sa-wa, KN DI 7086: BM. *to-sa wa-ni-ja?* = *tos(s)a warnia* 'всего ягнят'; *to-so-pa* PY Ja 749, Jn 601; *tos(s)os pans* 'столько всего'; *to-so-jo* gen. sg. PY Er 312: *tos(s)oiō; to-so-ne* MY Oe 118: *tos(s)os-ne* (?); *τόσσον, τόσσον* '(на) столько'.
- to-so-pa, PY Ja 749, Jn 601: *tos(s)os pans* 'столько всего'; ср. *τόσσον, τόσσον* '(на) столько', *πᾶς* 'весь'.
- to-to, pronom. nom. sg. PY Aq 64: *totto (wetos)* 'этот (год)'; ср. *τόσος, τόσος* 'такой (не)большой; столь (не)значительный'.
- tu-ka-te-(qe), subst. f. nom. sg. MY V 569: *thugat(e)r* 'дочь'; *tu-ka-te-re* MY Oe 106: dat.-loc. sg. *thugat(e)-rei; tu-ka-ta-si* MY Oe 112: dat.-loc. pl. *thugatarsi* < *thugatysi*, ср. *θυγάτηρ* 'дочь'.
- tu-na-no, subst. nom. sg. KN Le 525, 526, 532 'вид ткани'.
- tu-ro₂, subst. m. nom. pl. PY Un 718, 1185: *tūrioi* 'сыры', ср. *τυρός* 'сыр'.
- tu-wo, subst. n. nom. sg. PY Un 219: *thuos; tu-we-a*, acc. pl. PY Un. 267: *thue(h)a* 'ароматическое вещество', ср. *tu-we-ta* PY Un 267.

u-do, subst. nom. sg. KN K 873, *hudōr* 'вода', ср. ὕδωρ 'вода'.

u-po, adv. KN Sd 4422; PY Ub. 1318: *hupo* 'внизу, под'; ср. ὑπό 'внизу, снизу; из-под'.

W

wa-na-ka, subst. m. nom. sg. KN Vc 73; PY Na 334, Ta 711; *wa-na-ka*] KN Vd 136; PY Na 1356; *wa-na-ka-te* subst. dat.-loc. sg. m. KN Ga 675; PY Fn 1220, 1227, 1235, Un 2, 1426; *wa-na-ke-te* PY Fr 1215: *wanaktei* (dat.) 'владыке'; *wanak* 'царь, правитель', ср. (F)ἄναξ, (F)ἄνακτος 'предводитель; вождь; владыка'; ср. фриг. *wanak*, dat. *wanaktei*, Diakonoff—Neroznak, 1985, 140.

wa-na-ka-te-ra, subst. n. pl. TELA² + PU KN Lc 525 'царская (ткань)'. Ср. (F)ἄναξ 'повелитель, владыка'.

wa-na-so-i, subst. dat.-loc. dual. PY Fr 1222, 1227; var. *wa-no-so-i* PY Fr 1219: *wanassoihin* 'двум владычицам'; ср. *wa-na-se-wi-jo* adj. PY Fr 1215, *wa-na-se-wi-ja* PY Fr 1221, Ta 711 adj. f. sg. vel. pl. n. 'принадлежащие владычице'; см. *wa-na-ka*.

wa-tu, subst. m. acc. sg. KN V 114; PY Eq 36, Tn 316: *wastu* 'город', ср. (F)ἄστυ 'город'.

we-, numer. 'шесть' < *weks, см. *we-pe-za* 'шестиногий', ср. ἕξ 'шесть'.

we-a₂-no-i-a-ro-ра, PY Fr 1225: *wehanoihi aloipha* 'мазь для одежд'.

we-a₂-re-jo, adj. m. sg. PY Ta 714: *we-a-re-ja* fem. sg. PY Ta 642: *hualeios, hualeia* 'украшенный(ая) горным хрусталем'; ср. ὑαλέος 'прозрачный, стеклянный'.

we-je-we, subst. nom. pl. KN Gv 863 PY Er 880: *huiēwes* 'виноградная лоза', ср. ὑίην· τὴν ἄμπελον (Hsch.).

we-ka-ta, subst. nom. pl. KN Ce 50, 59, C 1582: *wergatai?* *we-ka-ta-e* KN C 1044, dual. *wergatae* 'рабочие волю'; ср. ἐργάτης 'работящий, трудолюбивый'.

we-ke-se, verb. 3 pers. sg. aor. KN Xe 5540: *wexe* 'он привез', ср. памфил. Φέξε 'везти'.

we-pe-za, adj. nom. sg. PY Ta 713: *hweppeza* 'с шестью ножками (стол)'.

we-re-ke, subst. nom. pl. PY Cn 131, 202: *wreges* 'загон для скота'.

we-to, subst. n. nom. sg. PY Aq 64, Ma 365: *wetos* 'год'; ср. (F)ἔτος 'год'; ср. фриг. *wetei* '(в) год' dat. sg. Diakonoff—Neroznak, Phrygian, 142; ср. *we-te-i-we-te-i* PY Es 644: *wetehi wetehi* 'год за годом'.

wi-ri-za, subst. f. nom. sg. KN Od 2026, 8202; PY Un 249; *wriza* 'корень', ср. ῥίζα 'корень'. В контексте предполагается стрижка шерсти "под корень", МПЛ, 95. Ср. также фрак. и макед. βρίζα 'злаковое растение', Нерознак, ПЯ, 1978, 43—44.

wo-do-we, adj. sg. PY Fr 1203: *wordowen* 'ароматизированный розой'.

wo-i-ko-de, subst. acc. + particulum -de KN As 1519: *woikon-de* 'в дом'; ср. οἶκος 'обиталище, жилище, помещение, дом'; ср. также фриг. *woika, dat. sg. *woikaj* 'поселение' Diakonoff—Neroznak, Phrygian, 1985, 142—143.

- wo-jo**, pronom. poss. gen. sg. PY Eb 472: *hwoio* 'его, принадлежащий ему', ср. фриг. *ow-ewi-n*, acc. sg. *ei, sibi* < *soç- sue, Дьяконов—Нерознак, 1977, 194.
- wo-ka**, subst. n. nom sg. PY Sa 487, 755; *wokhã* 'повозка, колесница'.
- wo-na-si**, subst. dat.-loc. pl. KN Gv 863: *woinassi* < *woinad-si 'в виноградниках', ср. οἰνάδες ἀμπελώδεις τόποι (Hsch.); (F)οἶνος 'вино'.
- wo-ne-we**, subst. nom. pl. PY Cn 40, Cn 643: *wornēwes* 'молодняк'?
- wo-no**, subst. m. nom. sg. PY Vn 20: *woinos* 'вино', ср. (F)οἶνος 'вино'; ср. фриг. nom. pl. *woines* 'вина' Diakonoff—Neroznak, Phrygian, 1985, 143.
- wo-ro-ki-jo-ne-jo**, PY Er 312, Un 718 'обозначение земельного участка'.
- wo-we-u**, subst. m. nom. sg. KN C 911, Uf 836; PY Ae 142: *worweus* 'должностное лицо?', ср. *wo-wo* = *worwos* 'граница'.
- wo-wo**, subst. nom. sg. PY An 424, Cn 600, Na 571: *worwos* 'граница, межа?' *wo-wi-ja* PY An 656; *worwia*, pl. Ср. οὖρον 'расстояние, отрезок'.
- wo-ze**, verb. praes. ind. 3 pers., PY Ea 309, Ep 539: *worzei* 'он делает'; *wo-ze-e* PY (Eb 338), Ep 704, inf. *worzehen*; *wo-zo* PY Eb 862; *wo-zo-te* PY Ep 539, dat.-loc. sg. partic. Eb 236: nom. pl. partic. *worzon, -ontei, -ontes*; *wo-zo-me-no* KN So 443; *wo-zo-me-na* KN So 4438: dual *worzomenō*, pl. n. *worzomena*; *wo-ke* KN L 698, PY Sh 736: aor. *worge*, ср. (F)ἔργον 'дело, труд, работа', ἐργάζομαι 'работать, делать'.

Z

- za-we-te**, adv. KN Fh 5451; PY Ma 225: *zāwetes* 'этого года' < *kiã-wetes; ср. дор. σᾶτες, ион. σῆτες, атт. τῆτες 'этого года'.
- ze-u-ke-si**, subst. n. dat.-loc. pl. PY Ub 1318 *zeuges(s)i* 'пара (обуви)'; ср. ζεύγος 'пара, два'.
- ze-u-ke-u-si**, subst. m. dat.-loc. pl. PY Fn 50, 79: *zeugeusi* 'пахари', букв. 'пашущие на паре волов', ср. ζεύγος 'парная запряжка'.
- zo-a**, subst. nom. sg. KN Fh 343: *zoã* 'отвар (при приготовлении снадобья)', ср. *ze-so-me-no* PY Un 267. Ср. ζέω 'варить'.

ПРАКТИКУМ

1. Текст Ad 676 из Пилоса.

Транслитерация:

pi-ro re-wo-to-ro-ko-wo ko-wo VIR 22 ko-wo 11

Прочтение:

Pulos lewotrokhōwōn korwoi VIR 22 korwoi 11

Перевод: 'Пилос. 22 сына банщиц, 11 мальчиков'.

Учетная запись о числе сыновей дворцовых рабынь-банщиц с выделением возрастных групп.

2. Текст Ак 824 из Кносса.

Транслитерация:

.1* *a-pi-qi-i-ta do-e-ra MUL 32 ko-wa me-zo-e 5 ko-wa me-wi-jo-e 15*

.2 *ko-wo me-wi-jo-e 4*

Прочтение:

.1 *Amphiq^hhoitas doelai MULier 32 korwai medzohes 5 korwai meiwiohes 15*

.2 *korwoi meiwiohes 4*

Перевод: '32 рабыни-женщины, 5 старших девочек, 15 младших девочек, 4 младших мальчика'.

Учетная запись о числе дворцовых рабынь и их детей.

3. Текст An 1 из Пилоса (см. рис. 19).

Транслитерация:

1. *e-re-ta pe-re-u-ro-na-de i-jo-te*

2. *ro-o-wa VIR 8*

3. *ri-jo VIR 5*

4. *po-ra-pi VIR 4*

5. *te-ta-ra-ne VIR 6*

6. *a-po-ne-we VIR 7*

* В многострочных текстах при их транслитерации указывается порядковый номер строк: .1, .2, .3 и т.д.

Прочтение:

1. *eretai Pleurōnade iontes...*

2—6 Далее идет перечисление пяти топонимов, из которых Ri-jo (=Rhion) отождествляется с Рионом (Ῥίον), упоминаемым Страбоном (VIII, 4, 5) как город на берегу Мессенского залива.

Перевод: 'Гребцы, идущие в Плеврон: 8 из Ro-o-wa, 5 из Риона, 4 из Po-ra-pi, 6 из Te-ta-ra-ne, 7 из A-po-ne-we'.

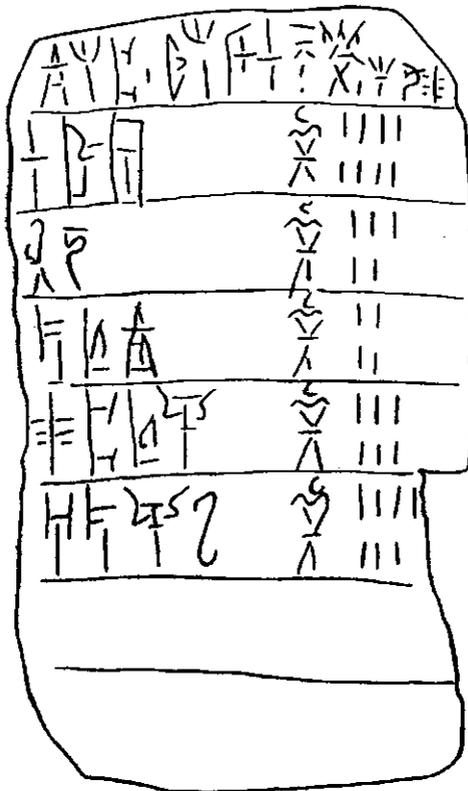

Рис. 19. Текст А 1 из Пилоса. Список участников морской экспедиции в Плеврон.

Список гребцов из различных населенных пунктов Пилосского царства — участников морской экспедиции в Плеврон (вероятно, город в Этолии, на северном берегу Коринфского залива).

4. Текст An 39 из Пилоса.

Транслитерация:

лицевая сторона таблички

- .1 *pu-ka-wo* VIR 16
- .2 *me-ri-du-ma-te* VIR 10
- .3 *mi-ka-ta* VIR 3
- .4 *o-pi-te-u-ke-e-we* VIR 4
- .5 *e-te-wo-ko* VIR 5
- .6 *ka-sa-to* VIR
- .7 *pu-ka-wo* VIR 23
- .8 *me-ri-da-ma-te* VIR 6
- .9 [o-pi¹] *te-u-ke-e-we* VIR 5
- .10 *mi-ka-ta* VIR 6
- .11 *e-to-wo-ko* VIR 3 *a-to-po-ko* VIR 3

оборотная сторона таблички

- .1 *po-ru-da-ma-te* VIR 4

- .2 (пустая строка)
- .3 *qa-ra₂-te* VIR
- .4 *pu-ko-ro* VIR
- .5 *a-ko-so-ta* VIR
- .6 *pi-ri-ja-me-ja* VIR
- .7 *e-ni-ja-u-si-jo* VIR
- .8 *pte-jo-ri* VIR *qo-ta-wo*
- .9 *a-ta* VIR *te-o-po-*

Прочтение:

лицевая сторона таблички

- .1 *purkawoi* VIR 16
- .2 *me-ri-du-ma-te²* VIR 10
- .3 *miktai* VIR 3
- .4 *opiteukheēwes* VIR 4
- .5 *entoworgoi* VIR 5
- .6 *Xanthos* VIR
- .7 *purkawoi* VIR 23
- .8 *me-ri-da-ma-te²* VIR 6
- .9 *opiteukheēwes* VIR 5
- .10 *miktai* VIR 6
- .11 *entoworgoi* VIR 3 *artopoq^uoi* VIR 3

оборотная сторона таблички

- .1 *po-ru-da-ma-te²* VIR 4
- .2 (пустая строка)
- .3 *Qa-ra₂-te³* VIR
- .4 *Pu-ko-ro* VIR
- .5 *A-ko-so-ta* VIR
- .6 *Priameiās* VIR
- .7 *Eniausiōi* VIR
- .8 *Pte-jo-ri* VIR *Qo-ta-wo*
- .9 *A-ta* VIR *Te-o-po-?*

¹ Квадратные скобки указывают на утрату в тексте слоговых знаков, идеограмм или числовых обозначений.

² *me-ri-du-ma-te* (*me-ri-da-ma-te*) и *po-ru-da-ma-te* (= *pro-da-ma-te*) — титулы должностных лиц; этимология этих слов, по-видимому, однокоренных, не ясна.

³ Отсюда начинается перечисление стоящих в дат. п. личных имен, точная идентификация которых (за исключением двух случаев) затруднена.

Перевод: '16 зажигателей огня, 10 чиновников, 3 изготовителя смесей, 4 надзирателя за снаряжением, 5 оружейников, Ксанф. 23 зажигателя огня, 6 чиновников, 5 надзирателей за снаряжением, 6 изготовителей смесей, 3 оружейника, 3 пекаря.

Четырем чиновникам. (Нижеследующим лицам:) Палланту (?), Пирколу (?), Аксоту (?), Приамию, Эниавсию, Pte-jo-ri, Qo-ta-wo, Анту (?), Теопомпу (?).

Учетная запись с перечислением должностных лиц и ремесленников, а также с поименным списком подведомственных дворцу лиц.

5. Текст An 607 из Пилоса.

Транслитерация:

- .1 *me-ta-pa ke-ri-mi-ja do-qe-ja ki-ri-te-wi-ja*

- .2 *do-qe-ja do-e-ro pa-te ma-te-de ku-te-re-u-pi*
 .3 MUL 6 *do-qe-ja do-e-ra e-qe-ta-i e-e-to*
 .4. *te-re-te-we* MUL 13
 .5 *do-qe-ja do-e-ro pa-te ma-te-de di-wi-ja do-e-ra*
 .6. MUL 3 *do-qe-ja do-e-ra ma-te pa-te-de ka-ke-u*
 .7 MUL 1 *do-qe-ja do-e-ra ma-te pa-te-de ka-ke-u*
 .8 MUL 3

Прочтение:

- .1 *Meta*¹ *ke-ri-mi-ja*² *dorq*^u *eia krithewia*
 .2 *dorq*^u *eia doelos patēr mātēr de Kuthēreuphi*³
 .3 MULier 6 *dorq*^u *eia doelā heq*^u *etāhi e-e-to*⁴
 .4 *te-re-te-we*⁴ MULier 13
 .5 *dorq*^u *eia doelos patēr mātēr de Diwia* 5 *doelā*
 .6 MULier 3 *dorq*^u *eia doelā mātēr patēr de khalkeus*
 .7 MULier 1 *dorq*^u *eia doelā mātēr patēr de khalkeus*
 .8 MULier 3

¹ Метапа — поселение, находившееся к северу от Пилоса (неподалеку от границы Мессении с Элидой) и известное по данным греческой эпиграфики.

² *ke-ri-mi-ja* — прилагательное: смысл слова не ясен, но оно, несомненно, характеризует перечисляемых женщин.

³ Кифера, откуда происходит мать шести жниц, вероятно, тождественна известному одноименному острову у юго-восточной оконечности Пелопонесского полуострова.

⁴ Смысл обоих слов не ясен.

⁵ Дивия — богиня, составлявшая в пантеоне греков-ахейцев пару с Зевсом-Дивием).

Перевод: 'Метапа. ...жницы, убирающие ячмень. 6 жниц, их отец — раб, а мать — киферянка. 13 жниц "спутникам"... 3 жницы, их отец — раб, а мать — рабыня Дивии. 1 жница, ее мать — рабыня, а отец — кузнец. 3 жницы, их мать — рабыня, а отец — кузнец'.

Список находящихся в Метапе жниц, которые убирают ячмень, с указанием на сословную принадлежность и род занятий их родителей.

6. Текст Ap 654 из Пилоса.

Транслитерация:

- .1 *ku-ru-te-no-jo o-ka pe-ri-te-u*
 .2 *wo-ne-wa a-ti-ja-wo e-ru-ta-ra*
 .3 *o-ai₂?-ta me-ta-pi-jo ke-ki-de*
 .4 VIR 50
 .5 (пустая строка)
 .6 *u-pi-ja-ki-ri-jo ku-re-we* VIR 60
 .7 *me-ta-qe pe-i e-qe-ta*
 .8 *a-re-ku-tu-ru-wo e-te-wo-ke-re-we*
 .9 *i-jo*
 .10 (пустая строка)
 .11 *ta-ti-go-we-wo o-ka to-wa*
 .12 *po-ki-ro-qo pe-ri-no de-u-ka-ri-jo*
 .13 *ra-pe-do do-go-ro pe-ri-ra-wo*
 .14 *e-no-wa-ro to-so-de pe-di-je-we*
 .15 *wa-wo-u-de ke-ki-de* VIR 10
 .16 *u-ru-pi-ja-jo* VIR 10 *ku-re-we* VIR 20

.17 *i-wa-so* VIR 10

.18 *o-ka-ra₃* VIR 10

Прочтение:

.1 *Klumenioio o-ka¹ Perintheus*

.2 *Woinewas Antiawōn Eruthrās*

.3 *O-ai₂-ta² Metapioi ke-ki-de³*

.4 VIR 50

.5 (пустая строка)

.6 *U-pi-ja-ki-ri-jo⁴ ku-re-we³* VIR 60

.7 *meta q^ue spehis heq^uetās*

.8 *Alektruōn Etewoklewe-*

.9 *hios*

.10 (пустая строка)

.11 *Stātig^uowēwos o-ka To-wa*

.12 *Poikilōq^uos Perinos Deukaliōn*

.13 *Ra-pe-do Do-qo-ro Perilāwos*

.14 *E-no-wa-ro tossos-de pediēwes*

.15 *Wa-wo-u de ke-ki-de* VIR 10

.16 *Ulumpiaioi⁵* VIR 10 *ku-re-we* VIR 20

.17 *Iwasoi⁵* VIR 10

.18 *O-ka-ra₃* VIR 10

¹ Этимология слова *o-ka* вызвала споры; наиболее вероятное его значение — 'отряд'.

² Смысл слова не ясен.

³ Точный смысл слов *ke-ki-de* и *ku-re-we* не ясен; они, по всей видимости, являются обозначениями разрядов мужчин—воинов.

⁴ Прилагательное, образованное от неотождествленного пока топонима, оканчивавшегося на *-akron*.

⁵ *Ulumpiaioi* (ср. Ὀλύμπια = 'Олимпία), *Iwasoi* (ср. Ἴασος) и *o-ka-ra₃* (ср. Οἰχάλια — упоминаемый Гомером город в Мессении) — обозначения отрядов по месту их формирования.

Перевод: "Отряд Климена. Перинтей, Ойней, Антион, Эритр; 50 ... человек *ke-ki-de* из Метapy, 60 человек из *U-pi-akrona*, и с ними "спутник" Алектрион, сын Этеокла.

Отряд Статиговея. То-ва, Пойкилок, Перин, Девкалион, *Ra-pe-do*, *Do-qo-ro*, Перилай, *E-no-wa-ro*; и следующее число жителей равнины: 10 человек *ke-ki-de* в *Wa-wo-u*-, 10 человек олимпийцев, 20 человек *ku-re-we*, 10 человек иасийцев, 10 человек эхалийцев'.

Списки личного состава воинских отрядов из различных местностей Пилосского царства.

7. Текст Ap 657 из Пилоса (см. рис. 20).

Транслитерация:

.1 *o-u-ru-to o-pi-a₂-ra e-pi-ko-wo*

.2 *ta-re-wo o-ka o-wi-to-no*

.3 *a-pe-ri-ta-wo o-re-ta e-te-wa ko-ki-jo*

.4 *su-we-ro-wi-jo o-wi-ti-ni-jo o-ka-ra₃* VIR 50

.5 (пустая строка)

.6 *ne-da-wa-ta-o o-ka e-ke-me-de*

.7 *a-pi-je-ta ta-ra-te-u ta-ni-ko*

.8 *a₂-ru-wo-te ke-ki-de ku-pa-ri-si-jo* VIR 20

- 9 (пустая строка)
 10 *ai-ta-re-u-si ku-pa-ri-si-jo ke-ki-de* VIR 10
 11 *me-ta-qe pe-i e-qe-ta ke-ki-jo*
 12 *a-e-ri-qa-ta e-ra-po ri-me-ne*
 13 *o-ka-ra o-wi-to-no* VIR 30 *ke-ki-de-qe a-pu²-ka-ne*
 14 VIR 20 *me-ta-qe pe-i ai-ko-ta e-qe-ta*

Прочтение:

- 1 *hō wruntoi opihala episkowoi*
 2 *Malēwos o-ka O-wi-to-no*
 3 *Ampelitāwōn Orestās Kokkiōn*
 4 *Su-we-ro-wi-jo O-wi-ti-ni-jo O-ka-ra¹* VIR 50
 5 (пустая строка)
 6 *Nedwātāo o-ka Ekhemēdēs*
 7 *A-pi-je-ta ma-ra-te-u² Ta-ni-ko*
 8 *Halwontei ke-ki-de Kuparissioi³* VIR 20
 9 (пустая строка)
 10 *Aithaleusi Kuparissioi ke-ki-de* VIR 10
 11 *meta q^e spehis heq^eētās Kerkios*
 12 *Āeriq^eoitās Elaphōn limenei*
 13 *O-ka-ra O-wi-to-no* VIR 30 *ke-ki-de q^e A-pu-k-ānes*
 14 VIR 20 *meta q^e spehis Ai-ko-ta heq^eētās*

¹ Все три слова данной строки являются, по-видимому, обозначениями отрядов по месту их формирования, образованными от соответствующих топонимов.

² *ma-ra-te-u* представляет собой, судя по упоминанию в другом тексте (Na 245), титул или название профессии.

³ Кипариссия — город на западном побережье Мессении, к северу от Пилоса.

Перевод: 'Эти наблюдатели охраняют побережье. Отряд Малей в *O-wi-to-no*. Ампелитавон, Орест, Этей, Коккий; 50 человек из *Su-we-ro-*, *O-wi-to-no* и Эхалии.

Отряд Недвата. Эхемед, *ma-ra-te-u* *A-pi-je-ta*, *Ta-ni-ko*; в Гальвонте — 20 человек *ke-ki-de*-кипариссийцев.

В Эталее — 10 человек *ke-ki-de*-кипариссийцев, и с ними "спутник" Керкий.

Азрифойт в Оленьей Гавани. 30 человек эхалийцев в *O-wi-to-no* и 20 человек *ke-ki-de* из *A-pu-ka*, и с ними "спутник" *Ai-ko-ta*.

Списки личного состава отрядов береговой стражи.

8. Текст Dd 1171 из Кносса.

Транслитерация:

OVIS^m 20 OVIS^f 72

po-ro

pa-i-to pa¹ OVIS^m 8

Прочтение:

OVIS^m 20 OVIS^f 72

Pōlos²

Phaistos³ palaioi OVIS^m 8

¹ *pa* — употребительное в табличках линейного письма В сокращение слов *pa-ta-jo* и *pa-ta-ja* ('старый', 'старая').

² *Pōlos* — личное имя.

³ *Phaistos* — город на южном берегу острова Крит.

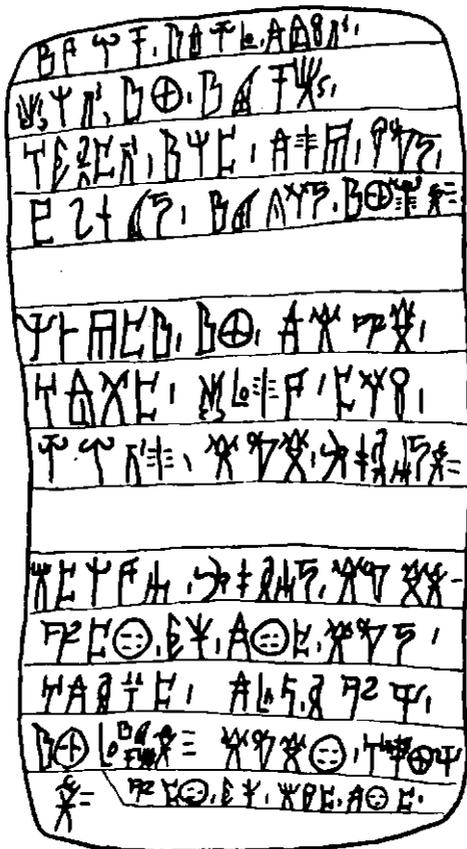

Рис. 20. Текст А 657 из Пилоса. Списки личного состава военных отрядов.

Перевод: 'Пол. В Фесте 20 баранов, 72 овцы, 8 старых баранов'.

Запись о количественном составе овечьей отары, находящейся в области Феста под наблюдением некоего Пола, подотчетного царской дворцовой канцелярии в Кноссе.

9. Текст Еа 800 из Пилоса.

Транслитерация:

ke-re-te-u e-ke o-na-to pa-ro mo-ro-go-ro po-me-ne GRA 2

Прочтение:

Krêtheus ekhei ðnaton paro Molog^urði poimenei GRAnum 2

Перевод: 'Кретея имеет в пользовании участок у овчара Мологра; 2 меры зерна'.

Запись об аренде участка земли у частного лица.

10. Текст Ег 312 из Пилоса.

Транслитерация:

.1 wa-na-ka-te-ro te-me-no

.2 to-so-jo pe-ma GRA 30

.3 ra-wa-ke-si-jo te-me-no GRA 10

- .4 (пустая строка)
- .5 *te-re-ta-o to-so pe-ma* GRA 30
- .6 *to-so-de te-re-ta* VIR 3
- .7 *wo-ro-ki-jo-ne-jo e-re-mo*
- .8 *to-so-jo pe-ma* GRA 6

Прочтение:

- .1 *wanakteron temenos*¹
- .2 *tossoio sperma* GRAnum 30
- .3 *lāwāgesion temenos* GRAnum 10
- .4 пустая строка
- .5 *telestāōn tossoi sperma* GRA 30
- .6 *tossoide telestai* VIR 3
- .7 *worgioneio erēton*
- .8 *tossoio sperma* GRAnum 6

¹ Темен — участок лучшей земли, принадлежащий правителю или божеству.

Перевод: 'Темен царя такого количества зерна — 30 мер. Темен лавагета, 10 мер зерна. (Земля) теретов такого количества зерна — 30 мер. Теретов же столько — 3 человека. Обрабатываемая пустошь такого количества зерна — 6 мер'.

Запись о количестве земли различной категории, находящейся в пользовании царя, лавагета и землевладельцев более низкого ранга — теретов.

11. Текст Ga 675 из Кносса.

Транслитерация:

wa-na-ka-te pe-ma AROM 10

Прочтение:

Wanaktei sperma AROMA 10

Перевод: 'Царю 10 мер семян пряностей'.

Запись о жертвоприношении безымянному божеству — Владыке (Царю).

12. Текст Gg 705 из Кносса.

Транслитерация:

.1 *a-mi-ni-so e-re-u-ti-ja* ME+RI AMPH 1

.2 *pa-si-te-o-i* ME+RI AMPH 1

.3 *-ke-ne* ME+RI AMPH 1

Прочтение:

.1 *Amnisos Eleuthiāi meli* AMPHora 1

.2 *pānsi theohi meli* AMPHora 1

.3? *meli* AMPHora 1

Перевод: 'Амнис. Элевтии — 1 амфора меда, всем богам — 1 амфора меда, ... — 1 амфора меда'.

Запись о жертвоприношении богам в Амнисе — городе на северном берегу Крита, бывшем гаванью Кносса и традиционным центром поклонения богине Элевтии (Илитии).

13. Текст Ra 1540 из Кносса (см. рис. 21).

Транслитерация:

to-sa pa-ka-na 233 50

Прочтение:

tossa phasgana 233 50

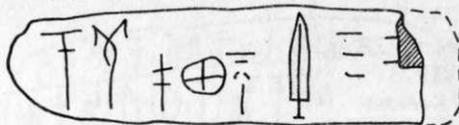

Рис. 21. Текст Ра 1540 из Кносса. Запись о количестве мечей в арсенале.

Перевод: 'Столько мечей — 50'.

Запись о количестве одного из видов оружия, хранившегося во дворцовом арсенале.

14. Текст Sc 230 из Кносса (см. рис. 22).

Транслитерация:

o-pi-ri-mi-ni-jo 162 240 1 EQU 2?

Прочтение:

Opilimnios 162 240 1 EQUus (2?)

Перевод: 'Опилимний, панцырь, 1 колесница, (2?) коня'.

Запись о снаряжении Опилимния, воина колесничного подразделения в войске кноссского царя.

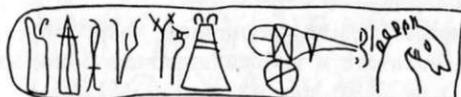

Рис. 22. Текст с 230 из Кносса. Запись о снаряжении воина Опилимния.

15. Текст Та 641 из Пилоса.

Транслитерация:

.1 *ti-ri-po-de ai-ke-u ke-re-si-jo we-ke TRI* 2 *ti-ri-po e-me po-de o-wo-we*

TRI 1 *ti-ri-po ke-re-si-jo we-ke a-pu ke-ka-u-me-no ke-re-a₂ no-pe-re?* *TRI* 1

.2 *qe-to* 203 3 *di-pa me-zo-e¹ qe-to-ro-we* 202² 1 *di-pa-e me-zo-e ti-ri-o-we-e* 202³ 2 *di-pa me-wi-jo qe-to-ro-we* 202² 1

.3 *di-pa me-wi-jo ti-ri-jo-we* 202³ 1 *di-pa me-wi-jo a-no-we* 202⁴ 1

Прочтение:

.1 *tripode aigeus krēsiovergēs TRIPus* 2 *tripos hemei podei oiwōwēs TRIPus* 1 *tripos krēsiovergēs apukekaumenos skeleha nōphelēs TRIPus* 1

.2 *q^eethos* 203 3 *dipas medzōs q^eetrōwes* 202 1 *dipae medzohe triōwehe* 202 2 *dipas mewion q^eetrōwes* 202 1

.3 *dipas mewion triōwes* 202 1 *dipas mewion anōwes* 202 1

¹ Последний слоговой знак приписан писцом по ошибке.

² Вариант идеограммы 202 — сосуд с четырьмя ушками.

³ Вариант идеограммы 202 — сосуд с тремя ушками.

⁴ Вариант идеограммы 202 — сосуд без ушек.

Перевод: 'Два котла-треножника критской работы с изображениями козьих голов; 1 котел-треножник с одной ножкой и единственным ушком; 1 котел-треножник критской работы с обгорелыми ножками, негодный; 3 сосуда для вина; 1 большой сосуд "дипас" с четырьмя ушками; 2 больших сосуда "дипас" с тремя ушками; 1 меньший сосуд "дипас" с четырьмя ушками; 1 меньший сосуд "дипас" с тремя ушками; 1 меньший сосуд "дипас" без ушек'.

Инвентарная опись сосудов, хранившихся в дворцовых кладовых.
16. Текст Та 711 из Пилоса.

Транслитерация:

- 1 *o-wi-de pu₂-ke-qi-ri o-te wa-na-ka te-ke au-ke-wa da-mo-ko-ro*
- 2 *qe-ra-na wa-na-se-wi-ja qo-u-ka-ra ko-ki-re-ja* 204 1 *qe-ra-na a-mo-te-wi-ja ko-ro-no-we-sa*
- 3 *qe-ra-na wa-na-se-wi-ja ku-na-ja qo-u-ka-ra to-qi-de-we-sa* 204 1

Прочтение:

- 1 *hō wide Pu₂-ke-qi-ri hote wanax thēke Augewān dāmokoron*
- 2 *qe-ra-na¹ wanassēwiā² g^uoukara konkhileiā* 204 1 *qe-ra-na harmostēwiā korōnowessa*
- 3 *qe-ra-na wanassēwiā gunaiā g^uoukara torq^uidwessa* 204 1

¹ Дамохор — должностное лицо, назначаемое царем.

² qe-ra-na — бронзовый сосуд типа ойнохой, как видно по его идеограмме (204).

³ Предложенная этимология этого слова (от ἄνωσος) не бесспорна.

⁴ harmostēwiā — прилагательное от harmostewos (в данном случае, вероятно, со значением типа 'наместник', 'правитель'; ср. ἀριστής).

Перевод: 'Вот что увидел Pu₂-ke-qi-ri, когда царь назначил Авгея дамохором: 1 ойнохоя из имущества царицы, с бычьей головой, украшенная морскими раковинами; ойнохоя из имущества наместника, с изогнутой ручкой; 1 ойнохоя из имущества царицы, украшенная изображением женщины, бычьей головой и бегущей спиралью'.

Отчет о результатах ревизии дворцового имущества.

17. Текст Та 715 из Пилоса.

Транслитерация:

- 1 *to-pe-za ku-te-se-ja e-re-pa-te-jo e-ka-ma-pi a-pi-qo-to e-ne-wo pe-za ko-ki-re-ja*
- 2 *to-pe-za a-ka-ra-no e-re-pa-te-ja a-pi-qo-to* 1 *to-pe-za a-ka-ra-no e-re-pa-te-ja po-ro-e-ke* 1
- 3 *to-pe-za mi-ra₂ a-pi-qo-to pu-ko-so e-ke-e e-ne-wo pe-zo to-qi-de-jo a-ja-me-no pa-ra-ku-we* 2

Прочтение:

- 1 *torpedza kuteseiā elephanteiois ekhmapphi amphig^uotos ennewopedza konkhileiā*
- 2 *torpedza akarānos elephanteiā amphig^uotos* 1 *torpedza akarānos elephanteiā prohekhēs* 1
- 3 *torpedza mi-ra₂¹ amphig^uotos puxo-ekhehe ennewo-pedza torq^uideiō aiasmenos pa-ra-ku-we²* 2

¹ mi-ra₂ — обозначение материала, сравниваемое с греч. σιτάρις — 'тисс'.

² pa-ra-ku-we — вероятно арханческое наименование серебра (ср. *κάρ-αργύρος), но Н. Н. Казанский сравнивает его с хеттским ha-pal-ki — 'железо'.

Перевод: 'Стол из черного дерева с подставкой из слоновой кости, с восемью расходящимися в разные стороны (?) ножками, украшенный морскими раковинами. 1 стол без крышки (т.е. подставка—основание стола) из слоновой кости, того же типа (с ножками, расходящимися в разные стороны?). 1 стол без крышки (т.е. подставка—основание стола) из слоновой кости, с выступом. 2 стола из тисса, (с подставкой?) из самшита, с восемью расходящимися в разные стороны (?) ножками, украшенные бегущими спиральями, инкрустированные серебром (железом?)'.

Инвентарная опись дворцовой мебели.
18. Текст Та 722 из Пилоса.

Транслитерация:

- 1 *ta-ra-nu a-ja-me-no e-re-pa-te-jo a-to-ro-qo i-go-qe po-ru-po-de-qe po-ni-ke-qe* 220 1
- 2 *ta-ra-nu a-ja-me-no e-re-pa-te-jo ka-ra-a-pi re-wo-te-jo so-we-no-qe* 220 1
- 3 *ta-ra-nu a-ja-me-no e-re-pa-te-ja-pi ka-ru-pi* 220 1 *ta-ra-nu a-ja-me-no e-re-pa-te-ja-pi ka-ru-pi* 220 1

Прочтение:

- 1 *thrānus aiasmenos elephanteiois anthrōq^oi hiqq^oi q^e polupodei q^e phoinikei q^e* 220 1
- 2 *thrānus aiasmenos elephanteiois karāa'phi lewonteiois so-we-no¹ q^e* 220 1
- 3 *thrānus aiasmenos elephanteiāphi karuphi* 220 1 *thrānus aiasmenos elephanteiāphi karuphi* 220 1

¹so-we-no — обозначение орнаментального мотива, сравниваемое с греч. σολῆνος.

Перевод: '1 скамеечка для ног, украшенная инкрустированными слоновой костью изображениями человека, коня и осьминога, из пальмового дерева. 1 скамеечка для ног, украшенная инкрустированными слоновой костью изображениями львиных голов и моллюсков. 1 скамеечка для ног, украшенная инкрустированными слоновой костью изображениями орехов. 1 скамеечка для ног, украшенная инкрустированными слоновой костью изображениями орехов'.

Инвентарная опись дворцовой мебели.

19. Текст V 52 из Кносса (см. рис. 23).

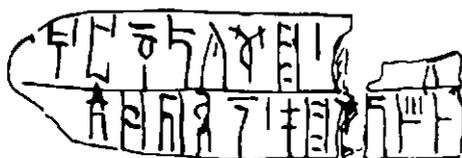

Рис. 23. Текст 52 из Кносса. Запись о жертвоприношениях.

Транслитерация:

- 1 *a-ta-na-po-ti-ni-ja* 1...
- 2 *e-nu-wa-ri-jo* 1 *pa-ja-wo-ne?* 1 *po-se-da-o-ne* 1?

Прочтение:

- 1 *Athānāi Potniāi* 1
2. *Enualīōi* 1 *Paiāwonei* 1 *Poseidāonei* 1?

Перевод: 'Афине Госпоже — 1, Эниалию (т.е. Аресу) — 1, Пайавону (т.е. Аполлону) — 1, Посейдону — 1'.

Список имен божеств с указанием на количество сделанных каждому из них жертвоприношений.

ДОПОЛНЕНИЕ. МИНОЙСКИЙ ЯЗЫК: ПРОБЛЕМЫ И ФАКТЫ

Хотя тексты, составленные на языке догреческих обитателей острова Крит, стали известны ученым еще в конце прошлого столетия, возможность приступить к их чтению появилась только немногим более трех десятилетий назад, уже после того, как М. Вентрис дешифровал линейное письмо В, которым были записаны древнейшие греческие тексты. Доказанная еще А. Эвансом генетическая связь трех критских письменных систем II тыс. до н.э. — местной иероглифики, линейного письма А и линейного письма В, с полной очевидностью проявляющаяся во внешнем сходстве употреблявшихся в нем графем, позволяла исследователям надеяться, что разгадка тайны одной из них неизбежно повлечет за собой обнаружение ключа и к остальным двум. Особенно близки между собой по начертанию знаки сменяющих друг друга на Крите на рубеже позднеминойских I и II периодов (около 1450 г. до н.э.) обеих линейных письменностей (в их репертуарах насчитывается до 60 вполне идентичных или весьма схожих знаков). Поэтому как только специалистам стало окончательно ясно, что дешифровка табличек линейного В из критского Кносса и мессенского Пилоса является совершившимся фактом, была предпринята попытка развить с новых позиций наступление и на другие, самые древние тексты бронзового века с территории Европы.

В 1956 г. А. Фюрюмарк, опираясь на сходство графем родственных письменных систем, определил фонетические значения многих силлабограмм линейного А¹. В более поздней публикации результатов исследования табличек из Агия-Триады он говорит о возможности отождествления в общей сложности 54 слоговых знаков². Ту же методику для реконструкции догреческого критского силлабария использовали и другие исследователи, придя в целом к тем же самым результатам (разногласия имеются в отношении идентификации только нескольких знаков)³.

¹ *Furumark A. Linear A und die altkretische Sprache. Entzifferung und Deutung. B., 1956.*

² *Furumark A. The Linear A Tablets from Hagia Triada // Opuscula Romana. 1976. 11.*

³ Ср.: *Meriggi P. Zur Lesung des Minoischen (A) // Minoica. Festschrift zum 80. Geburtstag von Johannes Sundwall. B., 1958. S. 245; Peruzzi E. Le iscrizioni minoiche // Atti dell'Accademia Toscana di Scienze e Lettere "La Colombaria". V. 24. Anno 1959. Firenze, 1960. P. 35 f.; Faure P. Dédicaces crétoises en linéaire A // BE. 1972. T. XVI, 1. P. 10; Idem. La vie quotidienne en Crète au temps de Minos (1500 avant Jésus - Christ). P., 1973. P. 32; Поун М. Линейное письмо А и проблема эгейской письменности // Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки. С. 89.*

Однако, как известно, даже заведомое заимствование общих принципов письменной системы и ее графических средств далеко не всегда гарантирует полное совпадение фонетического значения конкретных родственных знаков. Для того, чтобы убедиться в правомочности одинакового транскрибирования аналогичных графем линейного письма А и В, необходимо было обнаружить достаточное число лексических соответствий, подтверждающих правильность идентификации уже целых последовательностей слоговых чтений. Такие соответствия, причем в области ономастической лексики, явно заимствованной греками у прежних обитателей Крита, были обнаружены А. Фюрюмарком⁴. Список их оказался весьма внушительным и это подтвердило достоверность полученных ранее фонетических значений силлабограмм линейного А.

В результате в текстах, выполненных древнейшим критским линейным письмом, удается целиком прочесть большую часть слов. Но интерпретация данных письменных памятников до сих пор продвигается вперед крайне медленно. Угадывается лишь общее содержание текстов на глиняных табличках из дворцовых архивов: это хозяйственные документы — сопровождаемые числовыми обозначениями инвентарные списки и перечни имен. Из слов, прочтенных в них и не относящихся к ономастической лексике, помимо итоговой пометы *ku-го* (со значением типа "итога, всего"), среди записанных линейным письмом А опознаются только отдельные культурные термины — названия судов и сельскохозяйственных культур (таких как инжир, шелковица, тмин). И все дело здесь в том, что заключенный в них язык догреческих обитателей Крита, который получил условное название **минойского** (прототип данного наименования — термин "минойская культура", введенный в научный обиход А. Эвансом), изучен пока еще в очень малой степени.

Неоднократно имели место попытки доказать родство языка критян-минойцев с какими-либо другими и тем самым расширить возможности исследователей прежде всего в отношении этимологических сопоставлений. Однако все старания обосновать тезис об индоевропейской или семитской принадлежности минойского оказались безуспешными⁵. Столь же неубедительны пока и доводы в пользу сближения его с абхазо-адыгскими языками, предложенные недавно В.М. Сергеевым⁶, который на основании анализа некоторых текстовых отрезков стремится доказать наличие в минойском всего двух гласных, из чего затем делается вывод о существовании в последнем около 40 согласных (поскольку именно такое число их должно приходиться на 80 силлабограмм для слогов типа C+V и V, наличествующих в линейном А) и столь богатый консонантизм сопоставляется с характерными фонетическими чертами абхазо-адыгской языковой группы. Такому выводу, базирующемуся на результатах статистической

⁴ Landau O. Mykenisch-griechische Personennamen. Göteborg, 1958. S. 268—271.

⁵ Ср.: Bartoněk A. Nynější stav v luštění I. p. A // Mnema Vladimír Groh. Pr., 1964. S. 201—208; Chadwick J. Introductions to the problems of "Minoan Linear A" // JRS. Praha, 1975. N. 2. 146—147.

⁶ Сергеев В.М. К вопросу о фонетической структуре языка линейного А // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Тезисы и доклады конференции. Ч.1. М., 1984. С. 86—88.

обработки крайне малого числа взятых выборочно надписей, очень кратких или фрагментированных, противоречат вполне надежные данные о куда более развитом вокализме минойского языка, полученные крупнейшими специалистами (А. Фюрюмарком, Э. Перуцци, П. Мериджи, Дж. Чэдуиком, М. Поупом, А. Хойбеком, Г. Нойманом и другими) как путем ретроспективного прочтения силлабограмм линейного А, так и при скрупулезном изучении догреческой реликтовой лексики⁷.

Таким образом, проблема определения генетических связей языка носителей минойской цивилизации — древнейшей на территории Европы — по-прежнему остается нерешенной. Высказывавшиеся суждения о принадлежности минойского к так называемой "средиземноморской" группе носит слишком неконкретный характер и лишь отражают тенденцию к формальному объединению по ряду второстепенных признаков целого ряда недостаточно изученных древних языков весьма обширного региона, действительные отношения с которыми (например, с этрусским) на деле могли сводиться исключительно к ареальным связям. Во всяком случае сколько-нибудь надежные данные, требующие иного истолкования, пока отсутствуют. Единственное, но зато очень важное, исключение здесь составляет "эгейский" материал, о котором необходимо сказать особо.

Наличие доиндоевропейского языкового слоя на юге Балканского полуострова, включая Крит и другие острова Эгейского моря, в настоящее время уже не вызывает никаких сомнений. Идея существования такого слоя претерпела в лингвистической науке заметную эволюцию. В результате успехов в изучении реликтовой лексики в составе греческого языка из постулировавшегося первоначально единого догреческого и одновременно доиндоевропейского слоя юга Балкан удалось со временем вычленить два промежуточных слоя — соответствующих языкам, хотя и распространившимся в рассматриваемом регионе раньше греческого, но так же как и он относящихся к индоевропейской языковой семье — азиатский и "пеласгийский" (генетически близкий, как показал Л.А. Гиндин, фракийскому⁸). Тщательные поиски соответствий отдельным словам греческого в других древних языках приводили во многих случаях к обнаружению иноязычных неиндоевропейских заимствований в греческий из достоверно определяемых источников, относящихся еще ко II тыс. до н.э. (они фиксируются зачастую уже в микенском). Это, как правило, культурные термины, пришедшие из различных языков — древнеегипетского, хаттского, хурритского, семитских. Причем многие из них могли быть заимствованы греками не непосредственно, а через "пеласгий-

⁷ Пополнить систему доказательств в пользу отождествления языка линейного А и критской иероглифики с неким древним северокавказским диалектом, разумеется, нельзя и с помощью прямых сопоставлений сугубо предположительных смысловых значений для отдельных групп иероглифических знаков первой половины II тыс. до н.э. (например, блока 12—73) с современными абхазо-адыгскими формами (ср.: *Сергеев В.М., Цымбурский В.Л.* Памятники критской письменности: структура текста как ключ к распознаванию языка // *Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока*. Ч. 1. С. 91—92).

⁸ *Гиндин Л.А.* К проблеме генетической принадлежности "пеласгийского" догреческого слоя // *ВЯ*. 1971. N 1.

ское" или анатолийское посредство. Однако и после такого отсева остается весьма значительная по общему объему сумма языковых фактов, соотносимых с наследием доиндоевропейского субстрата Эгейды — именуемого условно "эгейским".

Появившаяся с прочтением текстов линейного письма А возможность обращения к подлинным эпиграфическим памятникам, составленным на языке доиндоевропейских обитателей Крита — минойцев (колонизовавших позднее еще ряд островов и прибрежных местностей в Эгейском бассейне), существенно изменила ситуацию в деле изучения древнейших лингво-этнических слоев данного региона. Вопрос о соотношении выявленных разными путями элементов языкового субстрата юга Балкан — "эгейского" и минойского при современном уровне знаний следует, по нашему мнению, ставить в следующем плане: как факты минойского соотносятся с данными об "эгейском"? Такой подход сейчас представляется методически наиболее правильным. Ведь даже при нынешнем положении дел с дешифровкой памятников линейного А, минойский язык присутствует в них как нечто целостное и территориально компактное (Крит и его апойки). "Эгейский" же в ходе его реконструкции складывается из отдельных разрозненных деталей и является по сути дела суммой фактов, которые могут относиться к разным доиндоевропейским языковым слоям, отложившимся неравномерно на территории Эгейды.

Фактически перспективность такого подхода к затронутой проблеме уже имела в виду некоторыми исследователями. Так, ряд штудий был выполнен Г. Нойманом по принципу сравнения лексики, полученной при прочтении и интерпретации текстов линейного А, с догреческим языковым материалом, обнаруживающимся в виде глосс у античных авторов⁹. В результате среди "эгейских" лексем удалось опознать некоторые несомненно минойские. Правда намерения отождествить сходным образом форманты, одинаково характерные для "эгейского" и минойского языков, встречает определенные затруднения из-за того, что их омофония может сказаться и чисто случайной¹⁰.

При сравнении лексических фондов, грамматических и иных характеристик минойского и "эгейского" надо непременно учитывать особенности имеющегося в нашем распоряжении исходного материала. Документы линейного письма А в силу своей жанровой ограниченности (это в основном хозяйственные таблички, деловые пометки, владельческие надписи, и лишь в редких случаях встречаются тексты иного содержания, например, на votивных предметах и жертвенниках) содержат лексику специфического характера, отражают самые простые грамматические и синтаксические черты. Кроме того слова, обнаруживаемые на табличках линейного А, могут оказаться и не собственно минойскими по происхождению.

⁹ Neumann G. Zur Sprache der kretischen Linearschrift A // Glotta, 1958. Bd 36; *Idem*. Minoisch kikina 'Die sykomorenefeige' // Glotta, 1960. Bd 38; *Idem*. Weitere mykenische und minoische Gefäßnamen // Glotta, 1961. Bd 39; *Idem*. νικύλεον // Glotta, 1962. Bd 40; Нойман Г. О языке критского линейного письма А // Тайны древних письмен.

¹⁰ Гиндин Л. А. Древнейшая ономастика Восточных Балкан (Фрако-хетто-лувийские и фрако-малоазийские изоглоссы). С. 1981. С. 13.

Усвоение иноязычных слов, и особенно "миграционных терминов", — процесс естественный, происходивший, разумеется, и в минойском языке. Имеются достаточно многочисленные лингвистические, археологические и исторические данные о сложном, полиэтничном составе населения Крита раннеминойского — среднеминойского периодов, включавшего как минимум три компонента: минойский, "пеласго"-фракийский и анатолийский. Только после сложения примерно к XVI в. до н.э. единой Кносской державы мог окончательно оформиться **общекритский минойский язык**, формирование которого шло, судя по всему, всю первую половину II тыс. до н.э. В основу его лег **раннеминойский язык** III тыс. до н.э., впитавший в себя со временем элементы побежденных им на Крите других языков, из которых достоверно определяются лишь "пеласго"-фракийский¹¹ и анатолийский. Из указанных двух источников в минойский попали, надо полагать, прежде всего некоторые культурные термины и имена собственные. Во всяком случае именно такого рода лексемы в текстах линейного А получают истолкование на основе индоевропейских соответствий (ср., например, *ro-da ka-wa* — надпись на серебряной чаше, содержащая, по всей вероятности, имя и титул владельца предмета)¹².

После падения Кносской морской державы и завоевания Крита греческими племенами — сначала ахейцами (в середине XV в. до н.э.), а затем дорийцами (в XI в. до н.э.) — удельный вес минойского элемента в составе населения острова неизменно сокращается. По свидетельствам античной традиции, еще в первой половине I тыс. до н.э. потомки местных жителей догреческой эпохи — Ἐτεόκρητες продолжали жить на Крите (Herod., VII, 170—171; Strabo, X, 4, 6; 4, 12) и говорили на своем собственном языке (Hom. Od., XIX, 175 сл.). Однако с V в. до н.э. уже явно отсутствуют какие-либо свидетельства существования языка минойцев (в его **позднеминойской** фазе), к тому времени, вероятно, окончательно вытесненного греческим. Характерно, что **дорийско-критский** диалект заимствовал немало минойской лексики, обнаруживающейся в виде "эгейских" глосс в трудах лексикографов (прежде всего у Гесихия). Как видим, среди проблем изучения лингво-этнической истории древнего Крита выяснение соотношения между наличным минойским и "эгейским" языковым материалом остается одной из самых насущных для **лингвистической минойстики**¹³.

Прочтенные тексты линейного письма А показывают, что присущая минойскому языку фонетическая структура имела ярко выраженный неиндоевропейский облик. Она характеризуется регулярным чередова-

¹¹ Правда последние исследования показывают, что его вклад в минойскую лексику не столь велик, как это предполагалось ранее (*Duridanov I. Thrakische Eigennamen in der Linear A- und B-Texten // Contributions au IVe Congrès International de Tracologie, Rotterdam, 21—26 Septembre 1984. Sofia, 1984, S. 110—115; Idem. Thrakische Eigennamen in den mykenischen Texten // БЭ 1985. Т. XXVIII, 1. S. 5—12*).

¹² Молчанов А.А. [Рец. на кн.:] Гиндин Л.А. Древнейшая ономастика Восточных Балкан. София, 1981 // ВДИ, 1985. N 2. С. 178.

¹³ Ср.: Молчанов А.А. Элементы доиндоевропейского языкового субстрата на юге Балкан (минойский и "эгейский") // Античная балканистика. Карпато-балканский регион в диахронии. Предварительные материалы к международному симпозиуму. М., 1984. С. 27—28.

нием в речевом потоке согласных и гласных звуков (CVCVCV). Такой вывод с неизбежностью вытекает из самой специфики минойского письма с силлабограммами для передачи слогов только типа C+V и V. Силлабарий критян-минойцев не был заимствован откуда-либо, но явно развился внутри местного лого-силлабического письма — критский иероглифики (наряду с которой начала довольно скоро употребляться для хозяйственных нужд ее упрощенная модификация — линейное письмо А), а значит он несомненно учитывал и отражал особенности минойской речи, отличавшейся наличием преимущественно открытых слогов. Большинство исследователей считает, что минойскому языку не были свойственны скопления и удвоения согласных звуков, в нем не различались [l] и [r], а также звонкие, глухие и придыхательные согласные (иная точка зрения на систему смычных и фрикативных в минойском высказана Т.В. Гамкрелидзе¹⁴).

Данных о морфологии минойского языка собрано к настоящему времени еще очень мало. Однако они могут быть значительно дополнены. Исследователи отмечали наличие в минойском флексий (выделяются, в частности, два типа именного склонения¹⁵). Среди формантов, вычленимых в минойских словах, обращалось внимание на употребительные суффиксы и префиксы. Г. Нойман выделил целую группу слов — "эгейских", но отождествляемых с минойскими — с суф. -*ul-*, обозначающих съедобные плоды растений¹⁶. Достаточно надежно выглядит во многих случаях суффиксальный характер элементов -*m-*, -*n-*, -*r*-(*p*-/*l*-), -*s-*, -*t-* (есть основания прибавить к ним и некоторые другие, прежде всего -*d-* и -*k-*).

Следует отметить важную роль в минойском словообразовании префиксов. В данном отношении показательны примеры префиксации, фиксируемые для группы родственных слов с общим корнем *tan*. Образованные от него с помощью префиксов формы *a-ta-no-* (отсюда происходит микен. *A-ta-na* = 'Αθάνα) и *ja-ta-no-* встречаются в надписях на жертвенниках, в которых обнаруживается и суффиксальное образование *ta-na-no* (ср. также *ta-na-ti* табличек линейного А). Сюда же, по-видимому относятся и догреческие критские топонимы *Távos* и *Itavos* (микен. *U-ta-no* с префиксом *u-*), а кроме того и очевидно минойские по происхождению личные имена кносских документов линейного письма В — *Ta-no* и *Ta-na-to* (и, возможно, еще этрусский культовый термин *tanasa-*). Те же префиксы *a-*, *ja-* и *u-* встречаются и во многих других минойских словах (пример чередования первых двух из вышеуказанных префиксов дают, в частности, и привлечшие особое внимание исследователей формы *a-sa-sa-ra-* и *ja-sa-sa-ra-*). Префикс *no-* отчетливо выделяется при сравнении минойских личных имен *Da-re* и *No-da-re* (в кносских табличках линейного В им соответствуют унаследованные из минойского языка имена *Da-ro* и *No-da-ro*). С тем же префиксом *no-* при корне -*dam-* чередуются еще два префикса: *ra-* и

¹⁴ Гамкрелидзе Т.В. К вопросу о системе смычных и фрикативных "минойского" языка по показаниям греческой линейной письменности класса В // ВЯ. 1988. N 1.

¹⁵ Ср.: Поуп М. Указ. соч. С. 91.

¹⁶ Neumann G. *νικύλεον*. S. 53.

wi- (ср. имена минойских правителей *No-da-ma-te* и *Ra-da-ma-te = 'Ραδαμανθυς, а также антропонимы кносских табличек линейного письма В *Wi-da-ma-ro* и *Wi-da-ma-ta₂*)¹⁷. Подобные сопоставления могут быть легко умножены.

При анализе минойских лексем большим подспорьем служат встречающиеся сплошь и рядом в кносских табличках линейного В имена собственные явно догреческого происхождения — скорее всего местные, минойские (весьма показательно, что, судя по текстам линейного письма В из Кносса, практически вся критская топонимия еще в конце XV в. до н.э., то есть после примерно полувекового ахейского господства, остается на острове негреческой). Так, добавление к корню *-zer-* употребительного минойского префикса *sa-* удалось проследить сначала на примере критских личных имен *Ze-ro* и *Sa-ze-ro* (явно негреческих) в кносских табличках линейного В, и лишь затем оно было отмечено во второй части сложного минойского, по всей видимости царского, имени *Ro-we-sa-ze-ro* в иероглифической надписи на печати первой половины XVII в. до н.э. (причем первая часть данного композита — *Ro-we* также обнаруживается в критской антропонимии начала ахейского периода в соответствующей грецизированной форме — *Ro-wo*)¹⁸. Тот же префикс наличествует и в образованном от "эгейского" корня *-tur-* со значением типа "владыка" (ср. греч. *τύραννος*, этр. *Turan* — богиня Владычица) минойском теониме **Satur-* (ср. минойские теофорные династические имена, сохраненные античной традицией: *Σατυρός* — персонаж древнейшего аргосско-аркадского мифа, тождественный критскому быку — опустошителю Пелопоннеса и Аттики; *Saturia* — дочь царя Миноса) — эпиклезе одной из главных фигур пантеона критян-минойцев, тем или иным образом послужившей прототипом для одноименных божеств у греков (*σάτυρος*), этрусков (*Satres*, он же — *Satros*, *Satrs*, *Satirias*), римлян (*Saturnus*), фригийцев (*Camp*) и, возможно, фракийцев (ср. фрак. этноним *Σάτραι*).

Еще одно догреческое личное имя критянина-минойца, жившего при одном из первых ахейских владык острова, — *A-ka-re-u* может быть сопоставлено со словом *a-ka-ru* табличек линейного А (при тождестве префиксов и корней, соответственно *a-* — и *-kar-*) и кроме того с именем известного критского мифологического персонажа — 'Ακάλλη (Акалла — по преданию, дочь царя Миноса; ср. 'Акара — город, основанный в Малой Азии критянином Атимбром; 'акара — критская глосса; и т.д.). Последнее имело и иную форму, отличавшуюся удвоением корневого слога — 'Ακακαλλίς, что дает некоторые основания при обнаружении в словах текстов линейного А, в аналогичных или сходных позициях (т.е. как в самом начале слова, начинающегося с корня, так и во втором слоге слова, начинающегося с явного префикса), такого же повтора усматривать случаи частичной редупликации корня (не исключено, что именно с таким случаем мы имеем дело при сравнении минойских форм *sa-ru*, *a-sa-sa-ra-*,

¹⁷ Молчанов А. А. [Рец. на кн.] Полякова Г. Ф. ... С. 176; Он же. Таинственные письма мена первых европейцев. С. 96—97.

¹⁸ Молчанов А. А. Критская иероглифическая надпись на восьмисторонней печати из собрания Эшмолеанского музея. С. 130.

ja-sa-sa-ra-). Дальнейшее накопление данных о морфологии минойского языка весьма актуально, ибо именно оно способно приблизить нас к решению проблемы выявления его родственных связей.

Изучение памятников критской иероглифики также таит в себе немало неиспользованных возможностей для специалистов в области лингвистической миноистики. Хотя только небольшая часть иероглифов может быть прочтена по аналогии с происходящими от них силлабограммами линейного письма А и В, в некоторых случаях удастся целиком прочесть отдельные слова в критских иероглифических легендах на печатях и затем интерпретировать их (кроме названного выше имени кносского царя *Ra-we-sa-ze-ro* можно привести в качестве примера еще один антропоним — *A-ro-jo*, встречающийся и на табличках линейного В из Кносса и Пилоса¹⁹).

Подчас комбинаторным путем устанавливается смысловое значение устойчивых сочетаний иероглифов, соответствующих словам, независимо от полноты их послогового прочтения. Истолкованию идеограмм помогает как их ярко выраженный рисуночный характер, так и обнаружение ближайших аналогов им среди родственных критских линейных писем (ср., например, иероглиф N 116, идентичный знаку N 82 линейного А и идеограмме N 131 линейного В со значением "вино"). При особо удачном стечении обстоятельств фонетическое значение силлабограммы, употреблявшейся параллельно в качестве идеограммы (логограммы), способно подсказать полное чтение последней. Так, например, Г. Нойману принадлежит удачное сопоставление заимствованного из иероглифика знака линейного А, имевшего слоговое значение *ni* и обозначающего в идеографическом (логографическом) употреблении (судя по хозяйственным документам линейного В) "плод фигового дерева", с догреческим критским словом *νικύλεα* (*νικύλεον) с аналогичным значением²⁰. Тот же исследователь обратил внимание на характерный догреческий облик встречающегося уже у Гомера культурного термина *κισσύβιον* ("кубок, чаша")²¹. Последний мог обозначать первоначально предмет, послуживший изобразительным прототипом для силлабограмм линейного письма А (N 103) и В (N 67), читающихся как *ki*, поскольку они представляют собой силуэт расширяющегося кверху сосуда типа ковша или чаши с одной боковой ручкой и плоским дном (одноручные кубки подобного вида имели, судя по археологическим материалам, весьма широкое распространение на минойском Крите)²². Высказывалась также догадка о генетической связи слогового знака линейного В N 41, имеющего фонетическое значение *si*, с исконно критской идеограммой (логограммой), за которой скрывалось минойское слово *si-to, означавшее "зерно, семена хлебных злаков" (ср. микен. *si-to*, гом. *σιτος*)²³. Таким образом, как

¹⁹ Там же. С. 133. Прим. 64.

²⁰ Neumann G. Zur Sprache der kretischen Linearschrift A. S. 156—158.

²¹ Neumann G. Zur Sprache... S. 158. Ант. 3; Нойман Г. О языке... С. 99. Прим. 3.

²² В текстах линейного В начертание знака N 67 стилизуется зачастую настолько, что он превращается в абрис конического одноручного ритона (вроде известного критского "Сосуда с кулачными бойцами" из Агия-Триады).

²³ Ruijgh C. J. L'origine de signe *41 (si) de l'écriture linéaire B // Kadmos, 1970. Bd. 9. S. 172—173; Казанский Н. Н. Названия хлеба в языках Восточного Средиземно-

выяснилось, чтения по крайней мере некоторых силлабограмм в письменностях минойцев — иероглифике и линейном А возникли вследствие использования принципа акрофонии.

Сопоставление конкретного изобразительного содержания графемы с ее фонетическим значением заставляет предположить аналогичное происхождение еще для ряда знаков минойского силлабария. Общей чертой всей этой группы силлабограмм является их изначальная зооморфность и явная связь со звукоподражательными словами. Чтение каждого из пяти рассматриваемых ниже слоговых знаков линейного письма А ассоциируется самым непосредственным образом со специфическими звуковыми признаками животных, изображения которых послужили прототипами для данных графем.

От иероглифа, изображающего голову kota (N 74), происходят знаки линейного А (N 95) и линейного В (N 80) со слоговым значением *ta*²⁴. Указанный иероглиф в легендах на критских печатях среднеминойского времени, по-видимому, передавал при его логографическом употреблении царский титул²⁵, омофоничный, надо думать, звукоподражательному наименованию мяукающего животного, начинающемуся со слога *ta*-. Той же модели придерживались создатели минойского силлабария при наделинии слоговым значением и прочих зооморфных логограмм, как показывают нижеследующие примеры. Упрощенными графическими модификациями иероглифа "голова быка" (N 62) признаются знаки линейного А (N 46) и линейного В (N 23), читающиеся как *ti*. С иероглифом "голова козла" (N 65) сопоставляются сходные по начертанию силлабограммы линейного А (N 84) и линейного В (N 13) со значением *te*. Иероглиф "карактица" (N 60) в графически упрощенном виде предстает перед нами в знаках линейного А (N 31) и линейного В (N 31), которые читаются как *sa* (ср. греч. σάλας, восходящее, вероятно, к минойскому *sapi-, ассоциирующемуся, естественно, с характерным свистяще-сопящим звуком, издаваемым пойманной и извлекаемой из воды каракатицей). Не имеющий аналога в критской иероглифике знак линейного А N 98 несомненно воспроизводит силуэт летящей крупной птицы типа журавля и обладает, судя по его корреляту в линейном В (N 81), слоговым значением *ki* (ср. ностратич. *kaŋ/*kuŋ — "журавль, курлыкающая птица").

Приведенные примеры указывают на достаточно регулярное применение акрофонического принципа при создании критянами-минойцами их силлабария. Они же фиксируют наличие в минойском языке звукоподражательных слов, что необходимо учитывать при любых дальнейших попытках генетического отождествления одного из основ-

---

морья // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. М., 1984. С. 87.

²⁴ Здесь и далее при констатации генетического тождества графем мы имеем в виду результаты сопоставлений внешней формы знаков всех трех родственных письменностей Крита II тыс. до н.э., полученные исследователями прежде (ср.: *Ventris M., Chadwick J. Documents in Minoan Greek*. 2nd ed. P. 33, Fig. 6) и представляющиеся нам вполне убедительными.

²⁵ *Evans A.J. Scripta Minoa*. Vol. I. P. 264 f.; *Молчанов А.А.* Критская иероглифическая надпись на восьмисторонней печати из собрания Эшмолеанского музея. С. 124.

ных этнолингвистических слоев в доиндоевропейском субстрате на юге Балкан.

Обращение же к типологии минойских сфрагистических формул выявило возможность восстановить картину постепенного развития иероглифических легенд на печатях "кносского царского круга", служивших для опечатывания заполненных припасами ёмкостей. Одновременно прояснились перспективы интерпретации таких текстов — от самых кратких (состоящих из одного слова) до достаточно пространных²⁶.

Будем надеяться, что новые исследования памятников критской иероглифики и линейного письма А с применением современной методики комплексного источниковедения приведут к более интенсивному накоплению фактов минойского языка.

---

²⁶ Молчанов А.А. Критская иероглифическая печать из собрания Афинского музея. С. 62, 63.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. ИЗДАНИЕ ТЕКСТОВ ЛИНЕЙНОГО ПИСЬМА В

- Bennett E.L., Chadwick J.* The Knossos tablets. L., 1956; 2nd ed. L., 1959.
Bennett E.L. The Pylos Tablets. A preliminary transcription. Princeton, 1951.
Bennett E.L. The Pylos Tablets. Texts of the inscriptions found 1939—1954. Princeton, 1955.
Bennett E.L., Olivier J.-P. The Pylos Tablets Transcribed. Roma, 1973—1976. P. I—II.
Chadwick J. Linear B Tablets from Thebes//Minos. Vol. X, 1970. P. 115—137.
Chadwick J., Killen J.T. The Knossos tablets. 3rd ed. L., 1964.
Chadwick J., Killen J.T., Olivier J.-P. The Knossos Tablets. 4th ed. Cambridge, 1971.
Chadwick J., Spyropoulos Th. The Thebes Tablets II// Minos, Supplement N 4. 1975.
Evans A.J. Scripta Minoa. Oxford, 1909. Vol. I.
Evans A.J., Myres J.L. Scripta Minoa. Oxford, 1952. Vol. II.
Gallavotti C., Sacconi A. Inscriptiones Pyliae. Roma, 1961.
Godart L., Sacconi A. Les tablettes en linéaire B de Thebes. Roma, 1978.
Godart L., Olivier J.-P. Nouveaux textes en linéaire B de Tyrinthe // Tiryns. München, 1976. Vol. VIII. P. 33—53.
Raison J. Les vases à inscriptions peintes de l'âge mycénien et leur contexte archéologique. Roma, 1968.
Sacconi A. Corpus delle iscrizioni in lineare B di Micene. Roma, 1974.
Sacconi A. Corpus delle iscrizioni vascolari in Lineare B. Roma, 1974.

2. УКАЗАТЕЛИ, СЛОВАРИ И СПРАВОЧНИКИ

- Георгиев В.* Словарь крито-микенских надписей. София, 1955.
Георгиев В. Дополнение к словарю крито-микенских надписей // Годишник на Софийск. ун-т. Филол. ф-т. 1955. С. 3—36.
Георгиев В. Второе дополнение к словарю крито-микенских надписей // Годишник на Софийск. ун-т. Филол. ф-т. 1955. С. 39—84.
Предметно-понятийный словарь греческого языка. Крито-микенский период / Сост.: В.П. Казанскене, Н.Н. Казанский. Л., 1986.
Aura Jorro F. Diccionario micénico (DMic.). Madrid, 1985. Vol. I.
Baumbach L. Studies in Mycenaean Inscriptions and Dialect, 1953—1964. Roma, 1968.
Baumbach L. The Mycenaean Greek Vocabulary II// Glotta. Bd. XLIX. 1971. S. 151—183.
Bennett E.L. A Minoan Linear B Index. New Haven, 1953.
Chadwick J., Baumbach L. The Mycenaean Greek Vocabulary // Glotta. Bd. XLI. 1963. S. 157—271.
Grumach E. Bibliographie der kretisch-mykenischen Epigraphik. München; Berlin, 1963; Supplement I (1962—1965). München, 1967.
Hooker J.T. Linear B: An Introduction. Bristol, 1980.
Landau O. Mykenisch-griechische Personennamen. Göttingen, 1958.
Lejeune M. Index inverse du grec mycénien. P., 1964.

- Morpurgo A.* Mycenaean Graecitatis Lexicon. Roma, 1963.
Nesior. Mycenaean Bibliography/Ed. by E.L. Bennett. Wisconsin, 1957.
Olivier J.-P., Godart L., Seydel C., Sourvinou C. Index généraux du Linéaire
 B. Roma, 1973.
Ruijgh C.J. Tabellae mycenenses selectae. Leiden, 1962. P. 61—76.
Sainer A.P. An Index of the Place Names at Pylos // SMEA. Fasc. XVII. 1976.
 P. 17—63.

3. ИСТОРИЯ ДЕШИФРОВКИ ЛИНЕЙНОГО ПИСЬМА В

- Георгиев В.* Нынешнее состояние толкования крито-микенских надписей. С., 1954.
Гринбаум Н.С. Линейное письмо В // Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки. М., 1976. С. 101—104.
Добльхофер Э. Знаки и чудеса. М., 1963. С. 293—325.
Дьяконов И.М. Крито-микенская письменность // Фридрих И. Дешифровка забытых письменностей. М., 1961. С. 171—184.
Кондратов А.М., Шеворошкин В.В. Когда молчат письмена. М., 1970. С. 5—44.
Ленцман Я.А. Расшифровка крито-микенских надписей // ВИ. 1955. N 9. С. 181—187.
Лурье С.Я. Рец. на кн.: *Chadwick J.* The decipherment of Linear B. Cambridge, 1958 // ВДИ. 1960. N 1. С. 136—139.
Молчанов А.А. Таинственные письмена первых европейцев. М', 1980. С. 23—31.
Чэдвик Дж. Дешифровка линейного письма В // Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки. М., 1976. С. 105—251 (с. 252—254: комментарий Н.С. Гринбаума).
Chadwick J. "Evidence" after 25 Years//SMEA. Fasc. XX. 1979. P. 11—14.
Chadwick J. The decipherment of Linear B. Cambridge, 1958; 2nd ed. Cambridge, 1967.
Chadwick J. Twenty-Seven Years of Linear B//Actes du VIIe Congrès de la Fédération Internationale des Associations d'Etudes Classiques. Budapest, 1984. Vol. II. P. 451—459.
Ventris M. A note on decipherment methods. Antiquity. Vol. XXVII. 1953. P. 200—206.
Ventris M., Chadwick J. Documents in Mycenaean Greek. Cambridge, 1956; 2nd ed. Cambridge, 1973. P. 10—27.
Ventris M., Chadwick J. Evidence for Greek dialect in the Mycenaean archives //JHS. Vol. LXXIII. 1953. P. 84—103.

4. ЯЗЫК ТЕКСТОВ ЛИНЕЙНОГО В

- Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси, 1984.
Гамкрелидзе Т.В. К вопросу о системе смычных и фрикативных "минойского" языка по показаниям греческой линейной письменности класса В // Историчность и актуальность античной культуры: Научная конференция. Октябрь 1980 г. Тез. докл. Тбилиси. 1980. С. 54—57.
Гамкрелидзе Т.В. К вопросу о системе смычных и фрикативных "минойского" языка по показаниям греческой линейной письменности класса В // ВЯ. 1988. N 1.
Гиндин Л.А. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. М., 1967.
Гринбаум Н.С. Крито-микенские тексты и древнегреческие диалекты // ВЯ. 1959. N 6. С. 78—86.
Гринбаум Н.С. Крито-микенские тексты и язык древнегреческой хоровой лирики (Пиндар) // Studia Mycenaea. Vrnо, 1968. С. 75—86.
Гринбаум Н.С. Древнегреческая диалектология и проблема "микенского" // ВЯ. 1974. N 3. С. 116—123.
Гринбаум Н.С. Ранние формы литературного языка (древнегреческий). Л., 1984. С. 17—42.
Гринбаум Н.С. Эолийский компонент в языке крито-микенских текстов // Структурно-функциональные лингвистические исследования. Кишинев, 1979. С. 3—8.
Дьяконов И.М., Нерознак В.П. Очерк фригийской морфологии // Baltistica, II, priedas. Vilnius, 1977. С. 169—198.
Иванов Вяч.Вс. Микенское и гомеровское название соленого моря в свете сравнительного языкознания // Античная балканистика. М., 1987. С. 36—42.

- Илиевски П.Х.* Аблативот, инструменталот и локативот во најстарите грчки текстови. Скопје, 1961.
- Казанскене В.П., Казанский Н.Н.* Два этюда об идеограммах линейного письма В // Балканы в контексте Средиземноморья: Проблемы реконструкции языка и культуры. Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. М., 1986. С. 157—158.
- Казанский Н.Н.* Диалекты древнегреческого языка. Л., 1983. С. 85—93.
- Лурье С.Я.* Микенские надписи и Древний Восток // Проблемы социально-экономической истории древнего мира: Сб-к памяти академика А.И. Тюменева. М.; Л., 1963. С. 169—175.
- Лурье С.Я.* Язык и культура микенской Греции. М.; Л., 1957. С. 27—186.
- Нерознак В.П.* Палеобалканские языки. М.; 1978.
- Нерознак В.П.* Словарь Гесиохия как источник для изучения древних индоевропейских языков // ВЯ. 1978. N 4.
- Тронский И.М.* Вопросы языкового развития в античном обществе. Л.; 1973. С. 64—102.
- Тронский И.М.* Дательный падеж множественного числа основ на -о- в греческом языке // Проблемы сравнительной филологии. Сб. статей к 70-летию В.М. Жирмунского. М.; Л. 1964. С. 94—103.
- Тронский И.М.* К вопросу об окончаниях инструменталиса в древнегреческом языке // 1Ф. 1972. Вып. 28. С. 19—21.
- Тронский И.М.* Некоторые итоги развития микенологии // ВДИ. 1971. N 2. С. 84—92.
- Тронский И.М.* Образования на -φι в гомеровском эпосе // Eirene. Fr., 1960. T. 1. С. 37—50.
- Тронский И.М.* Слоговая структура древнегреческого языка и греческое слоговое письмо // Древний мир: Академику В.В. Струве. М.; 1962. С. 620—626.
- Шарыпкин С.Я.* Значение форм на -φι в языке крито-микенских надписей (на укр. яз.) // 1Ф. 1971. Вып. 24. С. 67—71.
- Шарыпкин С.Я.* Именительный-винительный падеж двойственного числа 1-го склонения в языке крито-микенских надписей (на укр. яз.) // 1Ф. 1968. Вып. 17. С. 8—12.
- Шарыпкин С.Я.* Именное склонение языка крито-микенских надписей. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1972. С. 1—20.
- Шарыпкин С.Я.* К вопросу о классификации древнегреческих диалектов // Арсальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1978. С. 72—73.
- Шарыпкин С.Я.* К вопросу о падежной системе языка крито-микенских надписей // IV Конференция по классической филологии (секция греческого и латинского языков), ноябрь 1969 г.: Тез. докл. Тбилиси, 1969. С. 82—84.
- Шарыпкин С.Я.* К вопросу о творительном падеже в языке крито-микенских надписей // Лингвистические исследования. 1978: Проблемы фонетики, диалектологии и истории языка. М., 1978. С. 221—230.
- Шарыпкин С.Я.* К особенностям синтаксиса датива в аркадо-кипрском диалекте // 1Ф. 1984. Вып. 74. С. 59—68.
- Шарыпкин С.Я.* К формированию греческой падежной системы в свете крито-микенской письменности // Симпозиум "Античная балканистика. Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология". 2—4 декабря 1980 г. Предварительные материалы. Тез. докл. М., 1980. С. 68—69.
- Шарыпкин С.Я.* Особенности атематического склонения в языке крито-микенских надписей (на укр. яз.) // 1Ф. 1970. Вып. 20. С. 3—8.
- Шарыпкин С.Я.* Основные особенности склонения существительных с основой на -о в языке крито-микенских надписей (на укр. яз.) // 1Ф. 1968. Вып. 17. С. 13—18.
- Шарыпкин С.Я.* Склонение существительных с основой на -а в языке крито-микенских надписей (на укр. языке) // 1Ф. 1966. Вып. 9. С. 18—23.
- Широков О.С.* История греческого языка. М., 1983.
- Vader F.* Études de composition nominale en mycénien. I. Les préfixes mélioratifs du grec. Roma, 1969.
- Vader F.* La subordination en mycénien // Colloquium Mycenaicum. Genève. 1979. P. 295—311.
- Bartoněk A.* Greek dialectology after the decipherment of Linear B // Studia Mycenaica. Brno, 1968. P. 37—51.
- Bartoněk A.* Monophonemic diphthongs in Mycenaean // Minos. Vol. VIII. 1963. P. 51—61.

- Bartoněk A.* Mycenaean *koivḗ* reconsidered // Proceedings of the Cambridge Colloquium on Mycenaean Studies. Cambridge, 1966. P. 95—103.
- Bartoněk A.* The Consonantal Declension in Mycenaean // Actes du VIIe Congrès de la Fédération Internationale des Associations d'Études Classiques. Budapest, 1984. Vol. II. P. 491—497.
- Deroy L.* Le problème du yod en mycénien // Kadmos. Bd. XIII. 1974. P. 9—26.
- Deroy L.* Le problème d'opi en mycénien // Živa antika. 1975. G. 25. N 1—2. P. 366—368.
- Diakonoff I.M., Neroznak V.P.* Phrygian. Caravan Books Delmar, N.Y., 1985. 153 P.
- Doria M.* Avviamento allo studio del Miceneo: struttura, problemi e testi. Roma, 1965.
- Gamkrelidze Th.V.* Zur Frage des Systems der Verschluss- und Frikativlaute im "Minoischen" nach Ausweis der griechischen Linearschrift B // Sprachwissenschaftliche Forschungen. Festschrift für Johann Knobloch (Innsbrucker beitrage zur kulturwissenschaft, Bd. 23). Innsbruck. 1985. S. 107—110.
- García-Ramón J.L.* Mycénien et éolien // Actes du VIIe Congrès de la Fédération Internationale des Associations d'Études Classiques. Bd. 1984. Vol. II. P. 485—489.
- Geiss H.* Abbreviations and adjuncts in the Knossos tablets. Indices. B., 1970.
- Geiss H.* Zum Genetiv der Maskulina der a-Dekl. auf *ao* // Glotta, 1956, XXXV, 5. S. 142—144.
- Georgiev V.* La *koivḗ* créto-mycénienne // Études mycénienes. P., 1956. P. 173—188.
- Georgiev V.* L'origine des désinences du nominatif—accusatif—vocatif d'après les données mycénienes // Colloquium Mycenaeanum. Genève, 1979. P. 341—346.
- Heubeck A.* Myk. e-me und du-wo-u-pi // Živa antika. G. 19. S. 3—12.
- Heubeck A.* Remarks on the Sign-doublets *ro*₂, *ra*₃, *ta*₂ // Colloquium Mycenaeanum. Genève, 1979. P. 239—257.
- Lejeune M.* Mémoires de philologie mycénienne. Sér. I—III. P., 1958; Roma, 1971—1972.
- Lejeune M.* Phonétique historique du mycénien et du grec ancien. P., 1972.
- Luria S.* Die Sprache der mykenischen Inschriften // Klio. 1964. Bd. 42. S. 5—60.
- Luria S.* Nominaldeklinatation in den mykenischen Inschriften // PP. 56. 1957. P. 321—332.
- Luria S.* wa-na-ka, wa-na-ka-to // Glotta. Bd. XL. 1962. S. 24—27.
- Luria S.* Wortbildung in der Sprache der mykenischen Inschriften // Eirene. I. 1960. S. 23—36.
- Merlingen W.* Bemerkungen zur Sprache von Linear B. Wien, 1954.
- Morpurgo A.* Il genitivo miceneo e il sincretismo dei casi // Rendiconti della classe di scienze morali, storiche e filologiche dell'Accademia dei Lincei. Vol. XV. 1960. P. 33—61.
- Morpurgo A.* L'esito delle nasali sonanti in miceneo // Rendiconti della classe di scienze morali, storiche e filologiche dell'Accademia dei Lincei. Vol. XV. 1960. P. 331—336.
- Panagl O.* Die sprachwissenschaftliche Erforschung der Linear B Texte. Ergebnisse u. Probleme // Orbis. T. 20. N 1. 1971. P. 207—219.
- Panagl O.* Textual features in the Linear B tablets // Colloquium Mycenaeanum. Genève, 1979. P. 313—322.
- Petruševski M.D.* Le problème de la palatalisation en grec mycénien // Živa antika. G. 25. N 1—2. 1975. P. 437—441.
- Petruševski M.D.* Révision de la transcription des syllabogrammes 17 (za), 20 (zo), 74 (ze) et 79 (zu?) // Colloquium Mycenaeanum. Genève, 1979.
- Pisani V.* Sul genitivo miceneo dei temi in -o // PP. 62. 1958. P. 285—295.
- Pisani V.* Sul duale miceneo, omerico ed attico della prima declinazione // PP. 68. 1959. P. 242—244.
- Risch E.* Les différences dialectales dans le mycénien // Proceedings of the Cambridge Colloquium on Mycenaean Studies. Cambridge, 1966. P. 150—157.
- Risch E.* L'accusatif pluriel des Thèmes consonantiques en mycénien // Bulletin de la Société Linguistique de Paris. T. 53, 1957—1958. P. 96—102.
- Ruijgh C.J.* Études sur la grammaire et le vocabulaire du grec mycénien. Amsterdam, 1967.
- Ruijgh C.J.* Het mykense dialect: een nieuw beginpunt voor de historische grammatica van het Grieks. Amsterdam, 1966.

- Ruiperez M.S. Le génitif singulier thématique en mycénien et en grec du premier millénaire // *Colloquium Mycenaicum*. Genève, 1979. P. 283—293.
- Ruiperez M.S. The Mycenaean Dialects // *Actes du VIIe Congrès de la Fédération Internationale des Associations d'Etudes Classiques*. Vol. II. Bd., 1984. P. 461—467.
- Slings S.R. Mycenaean Data for an Autonomous Dual // *Actes du VIIIe Congrès de la Fédération Internationale des Associations d'Etudes Classiques*. Vol. II. Bd., 1984. P. 499—503.
- Szemerényi O. The consonant alternation pt/p in early Greek // *Colloquium Mycenaicum*. Genève, 1979. P. 323—340.
- Szemerényi O. The development of the -o-/-ā- stems in the light of the Mycenaean evidence // *Proceedings of the Cambridge Colloquium on Mycenaean Studies*. Cambridge, 1966. P. 217—225.
- Szemerényi O. The Mycenaean and historical Greek and Their Indo-European background // *Studia Mycenaea*. Brno, 1968. P. 25—36.
- Ventris M., Chadwick J. Documents in Mycenaean Greek. Cambridge, 1956; 2nd ed., Cambridge, 1973. P. 67—91.
- Vilborg E. A Tentative Grammar of Mycenaean Greek. Göteborg, 1960.
- Wathelet P. Mycénien et Grec d'Homère // *L'Antiquité classique*. T. XXXI. 1962. P. 5—14.

5. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТЕКСТОВ ЛИНЕЙНОГО В

- Блаватская Т.В. Ахейская Греция во втором тысячелетии до н.э. М., 1966.
- Блаватская Т.В. Греческое общество второго тысячелетия до новой эры и его культура. М., 1976.
- Иванов Вяч.Вс. Древние культурные и языковые связи южнобалканского, эгейского и малоазийского (анатолийского) ареалов // *Балканский лингвистический сборник*. М., 1977. С. 3—39.
- Иванов Вяч. Вс. Микенское греческое wa-na-ka и его индоевропейские соответствия // *Балканский лингвистический сборник*. М., 1977. С. 165—171.
- Ленцман Я.А. Пилосские надписи и вопросы рабовладения в микенской Греции // *ВДИ*. 1955. N 4. С. 41—62.
- Ленцман Я.А. Рабство в микенской и гомеровской Греции. М., 1963.
- Лурье С.Я. К вопросу о рабовладении в Микенскую эпоху // *ВДИ*. 1957. N 2.
- Лурье С.Я. Микенские надписи и Древний Восток // *Проблемы социально-экономической истории древнего мира: Сб-к памяти академика А.И. Тюменева*. М.; Л., 1963. С. 175—180.
- Лурье С.Я. Крито-микенские надписи и Гомер // *ВДИ*. 1956. N 4.
- Лурье С.Я. Опыт чтения пилосских надписей // *ВДИ*. 1955. N 3. С. 8—36.
- Лурье С.Я. Язык и культура микенской Греции. М.; Л., С. 187—387.
- Лурье С.Я. Рец. на кн.: Palmer L.R. Mycenaean and Minoans. L., 1961 // *ВДИ*. 1964. N 2. С. 176—182.
- Молчанов А.А. Рец. на кн.: Полякова Г.Ф. Социально-политическая структура пилосского общества. М., 1978 // *ВДИ*. 1979. N 3. С. 173—179.
- Полякова Г.Ф. Некоторые черты социально-экономического устройства греческих обществ II тысячелетия до н.э. // *Античная Греция: Проблемы развития полиса*. М., 1983. Т. I. Становление и развитие полиса. С. 37—88.
- Полякова Г.Ф. О системе терминов линейного письма В (kotoonoko — onatere — akotono) // *ВДИ*. 1977. N 1. С. 61—70.
- Полякова Г.Ф. От микенских дворцов к полису // *Античная Греция. Проблемы развития полиса*. Т. I. С. 89—127.
- Полякова Г.Ф. Социально-политическая структура пилосского общества (по данным линейного письма В). М., 1978.
- Тюменев А.И. Терета пилосских надписей // *ВДИ*. 1954. N 4. С. 24—32.
- Varioněk A. Zlaté Mykény. Pr., 1983.
- Chadwick J. The use of mycenaean documents as historical evidence // *Colloquium Mycenaicum*. Genève, 1979. P. 21—33.

- Chadwick J.* The Mycenaean World. Cambridge, 1976.
- Deroy L.* Initiation à l'épigraphie mycénienne. Rome, 1962.
- Deroy L., Gérald M.* Le cadastre mycénien de Pylos. Roma, 1965.
- Doria M.* Avviamento allo studio del miceneo. Roma, 1965.
- Dow S., Chadwick J.* The linear scripts and the tablets as historical documents. Cambridge, 1971.
- Garlan Y.* Les esclaves en Grèce ancienne. P., 1982. P. 38—42.
- Gérard-Rousseau M.* Les mentions religieuses dans les tablettes mycénienes. Roma, 1968.
- Gérard-Rousseau M.* Les sacrifices à Pylos // SMEA. Fasc. XIII. 1971.
- Heubeck A.* Aus der Welt der frühgriechischen Lineartafeln. Göttingen, 1966.
- Hiller S., Panagl O.* Die frühgriechischen Texte aus mykenischer Zeit: Zur Erforschung der Linear B-Tafeln. Darmstadt, 1976.
- Hiller S.* RA-MI-NI-JA: Mykenisch-Kleinasiatische Beziehungen und die Linear B-Texte // Živa antika. G. 25. 1975. S. 388—412.
- Hooker J.T.* Mycenaean Greece. L., 1976.
- Kerschner J.* Die mykenische Welt in ihren schriftlichen Zeugnissen. München, 1970.
- Lejeune M.* Mémoires de philologie mycénienne. Sér. I—III. P., 1958; Roma, 1971—1972.
- Lindgren M.* The People of Pylos: Prosopographical and Methodological Studies in the Pylos Archives. Uppsala, 1973. P. I—II.
- Mele A.* Esclavage et Liberté dans la société mycénienne // Actes du colloque 1973 sur l'esclavage. Besançon, 1973. P. 115—155.
- Melena J.L.* Studies on some Mycenaean Inscriptions from Knossos Dealing with Textiles. Salamanca, 1975.
- Morpurgo Davies A.* Terminology of Power and of Work in Greek and Linear B // Colloquium Mycenaeanum. Geneve, 1979. P. 87—108.
- Neumann G.* Weitere mykenische und minoische Gefässnamen // Glotta. Bd. XXXIX. H. 3/4. 1960 + 1961. S. 172—178.
- Olivier J.-P.* Les scribes de Cnossos. Roma, 1967.
- Olivier J.-P.* Studia Mycenaea: Rapport épigraphique // Actes du VIIe Congrès de la Fédération Internationale des Associations d'Études Classiques. Bd., 1984. Vol. II. P. 472—476.
- Palmer L.R.* Military arrangement for the defence of Pylos // Minos. Vol. IV. Fasc. 2. 1956. P. 120—145.
- Palmer L.R.* Mycenaean and Minoans: Aegean Prehistory in the Light of the Linear B Tablets. 2nd ed. N.Y., 1965.
- Palmer L.R., Boardman J.* On the Knossos tablets. Oxford, 1963.
- Palmer L.R.* The Interpretation of Mycenaean Greek Texts. Oxford, 1963.
- Ruijgh C.J.* Chars et roues dans les tablettes mycénienes: la méthode de la mycénologie. Amsterdam, 1976.
- Ruijgh C.J.* Observation sur la série Py Ea // Actes du VIIe Congrès de la Fédération Internationale des Associations d'Études Classiques. Bd., 1984. Vol. II. P. 477—483.
- Sainer A.P.* An Index of the Place Names at Pylos // SMEA. Fasc. XVII. 1976. P. 17—63.
- Stella L.A.* La civiltà micenea nei documenti contemporanei. Roma, 1965.
- Thomas C.G.* The Nature of Mycenaean Kingship // SMEA. Fasc. XVII. 1976. P. 93—116.
- Ticcionis Jasink A.M.* L'e-qa-ta nei testi micenei // SMEA. Fasc. XVII. 1976. P. 85—92.
- Ventris M., Chadwick J.* Documents in Mycenaean Greek. Cambridge, 1956; 2nd ed., Cambridge, 1973.

6. ТРУДЫ НАУЧНЫХ МИКЕНОЛОГИЧЕСКИХ ФОРУМОВ

- Études Mycénienes. Actes du Colloque International sur les Textes Mycéniens (Gif-sur-Ivette, 3—7 avril 1956). P., 1956.
- Atti del 2° Colloquio Internazionale di Studi Minoico-Micenei (Pavia, 1—5 IX 1958) // Athenaeum. Vol. XLVI. 1958.

- Mycenaean Studies. Proceedings of the Third International Colloquium for Mycenaean Studies, held at "Wingspread", 4—8 September 1961. Madison, 1964.
- Proceedings of the Cambridge Colloquium on Mycenaean Studies. Cambridge, 1966.
- Studia Mycenaea. Proceedings of the Mycenaean Symposium, Brno, April 1966. Brno, 1968.
- Atti e memorie del I° Congresso Internazionale di Micenologia, Roma, 27 settembre — 3 ottobre 1967. P. 1—3. Roma, 1968.
- Acta Mycenaea. Proceedings of the 5th International Colloquium on Mycenaean Studies, held in Salamanca, 30 March — 3 April 1970. Vol. 1—2 // *Minos*. Vol. 11—12. 1970—1971.
- Colloquium Mycenaicum. Actes du 6ème Colloque International sur les textes mycéniens et égéens tenu à Chaumont sur Neuchâtel du 7 au 13 septembre 1975. Genève, 1979.
- Res Mycenaearum. Nürnberg, 1983.
- Linear B: A 1984 survey. Proceedings of the Mycenaean colloquium of the VIIIth congress of the International Federation of the societies of classical studies. Cabay, Louvain-la-neuve. 1985.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

БЕ	— Балканско езикознание. София.
ВДИ	— Вестник древней истории. М.
ВИ	— Вопросы истории. М.
ВМУ	— Вестник Московского университета. М.
ВЯ	— Вопросы языкознания. М.
ІФ	— Іноземна філологія. Львов.
AJA	— American Journal of Archeology. Princeton.
JHS	— The Journal of Hellenic Studies. London.
JRAS	— Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Greland. London.
PP	— Parola del Passato. Napoli.
SMEA	— Studi micenei ed egeo-anatolici. Roma.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Авгей 165
 Агамемнон, 6, 13
 Агесилай 38
 Адрадос Ф. 122, 128, 129
 Аксот 158
 Алектрион 160
 Ампелитавон 161
 Ант 158
 Антион 160
 Аполлон (Пайавон) 57, 166
 Арес (Эниалий) 57, 166
 Артемида 57
 Атана 57, 187; см. также Афина
 Атано 62, 187
 Атимб 188
 Атрей 34
 Атриды 31, 34
 Аттариссияс 34; см. также Атрей
 Афина (Потнии) 57, 80, 166
 Аэрифойт 161
- Бадер Ф.** 117, 126
 Бартонок А. 78, 87, 112, 122, 123, 126, 183
 Баумбах Л. 129
 Беннет Э. 17, 27, 28, 36, 73, 74
 Блаватская Т. В. 6
 Блеген К. 16, 74
 Бругман К. 97
- Вартбург В.** 129
 Вентрис М. 7, 16—18, 25, 27, 29, 30, 64, 67, 69, 74, 84, 85, 90, 94, 98, 122, 126, 182
 Ветереу 58
 Вилборг Э. 67, 91, 116, 120, 126
- Гаврилов А. К. 129
 Галлавотти К. 105
 Гамкрелидзе Т. В. 26, 75, 121, 187
 Георгиев В. 85, 97, 122, 126
 Гера 57, 58, 79
 Гермес 57
 Геродот 6, 31, 33, 60, 61, 148
 Гесиод 57
- Гесихий Александрийский 125, 147, 152, 154, 186
 Гефест 57
 Гефестий 57
 Гиндин Л. А. 33, 62, 184—186
 Годар Л. 26, 28, 126
 Гомер 4, 6, 8, 16, 18, 32, 41, 43, 55, 57, 58, 61, 94, 98, 99, 107, 108, 116, 125, 128, 153, 160, 189
 Гринбаум Н. С. 4, 27, 28, 67, 121, 122
 Гошева А. В. 129
- Данай 6
 Даре 37, 187
 Даро 37, 187
 Девкалион 160
 Деметра 37, 57, 85
 Деруа Л. 126
 Джастесон Дж. 26
 Джоунз Г. 128
 Дивий см. Зевс
 Дивия 57, 80, 159
 Дий см. Зевс
 Диодор Сицилийский 60, 61
 Дионис 57
 Дориа М. 68, 87, 105, 126
 Дуриданов И. 186
 Дьяконов И. М. 21, 121, 134, 151, 154, 155
- Зайцев А. И. 129
 Зевс (Дивий, Дий) 57, 60, 80, 159
 Зейдель Л. 126
 Зеро 188
- Иванов В. В. 117, 120, 121
 Илиевский П. Х. 105—108, 119
 Илития (Эйлейтия, Элевтия, Илифия) 57, 87, 163
 Ифий 34
 Ифимедея 57
- Казанскене В. П. 68, 129
 Казанский Н. Н. 68, 119, 122, 129, 165

Керкий 161
Кидон 61, 62
Киллен Дж. 52
Киприй 54
Климен 160
Кобер А. 17
Коккий 161
Кретей 162
Ксанф 158
Курилович Дж. 98, 99

Ландау О. 129, 183
Лежен М. 75, 77, 79, 87, 89, 90, 94, 105,
110—112, 114, 122, 126
Леман В. 121
Ленцман Я. А. 4
Лиддел Г. 128
Лураги С. 108
Лурье С. Я. 4, 66, 67, 74, 75, 77, 78, 85, 87,
90, 93, 94, 110, 115, 119, 122, 126
Лэнг М. 30

Майрз Дж. 15
Мак-Артур Дж. К. 129
Малей 161
Маринатос С. 33
Массон О. 74
Матц Ф. 33
Мериджи 182, 184
Мерлинген В. 85, 95, 98, 103, 105, 110, 126
Минос 8, 59, 60—62, 188
Мологр 162
Молчанов А. А. 5, 12, 14, 25—27, 60, 186,
188, 190, 191
Морешини-Кваттордио А. 107
Морпурго-Дэвис А. 92, 98, 104, 107, 108,
126, 129
Мурсилис III 39
Мюленштейн Г. 104

Недват 161
Нерознак В. П. 5, 121, 129, 134, 151, 154, 155
Нестор 16
Нодамате 37, 187
Нодаре 37, 187
Нодаро 37, 187
Нойман Г. 59, 184, 185, 187, 189

Ойней 160
Оливье Ж. — П. 14, 28, 126
Опилимий 164
Орест 161
Откупщиков Ю. В. 93

Павсаний 31, 43
Пайавон см. Аполлон
Паллант 158
Палмер Л. 30, 40, 56, 77, 82, 83, 87
Панагель О. 113, 117
Пендлбери Дж. 62

Перилай 160
Перин 160
Перинтей 160
Персиды 31
Персефона 57
Перуци 182, 184
Петрушевский М. Д. 78, 126
Пизани В. 126
Пино Г. 116
Пиркол 158
Платон Н. 33
Плиний Старший 34
Пойкилок 160
Пол 161, 162
Полякова Г. Ф. 4, 14, 37, 40, 42, 46, 48, 49
Посейдон 57, 81, 101, 124, 166
Посидея 57
Потния см. Афина
Поуп 182, 184, 187
Пресва 57
Приамий 158

Радамант (Радамате) 38, 188
Радамате см. Радамант
Райс Х. 126
Ринихэн Р. 128
Риш Э. 78, 113, 122, 126
Рове 188
Ровесазеро 188
Рово 188
Руиперес М. 110
Русакова А. Ю. 91
Рюих К. Й. 68, 79, 105, 122, 126, 188

Сазеро 188
Саккони А. 28
Сантьяго Р. А. 112
Сатир 188
Сатрес 188
Сатириас 188
Сатр 188
Сатрос 188
сатры 188
Сатурия 188
Сатурн 188
Семереньи О. 77, 126
Сергеев В. М. 183, 184
Скотт Р. 128
Слингз С. Р. 94
Спиропулос Т. 28
Стаматакис П. 9
Стагиговой 160
Стафил 61
Степанов Ю. С. 121
Стефенс Л. 26
Страбон 43, 61, 156
Сурвину К. 126

Тавагалавас см. Этеокл
Танато 62

Тано 62
Геопомп 158
Товар А. 122
Годорович М. М. 90
Тронский И. М. 4, 27, 67, 76, 86, 87, 112, 122, 123, 126
Тудхалияс IV 34
Тумб А. 67, 74

Фор П. 182
Фукидид 31
Фюрюмарк А. 182—184

Халлиг 129
Хаммурапи 48, 49
Хатчинсон Р. 33
Хестер Д. 93
Хойбек А. 70, 78, 112, 126, 184
Хукер Дж. Т. 68, 70, 71, 85

Цымбургский В. Л. 184

Чэдунк Дж. 7, 17, 18, 28—30, 56, 67, 68, 74, 83, 85, 87, 90, 94, 98, 122, 126, 129, 183, 184, 190

Шарыпкин С. Я. 5, 67, 95, 98, 105, 107, 108, 112, 120
Шахермайр Ф. 33
Шерер А. 67, 122
Шлиман Г. 3, 9

Эванс А. 8—11, 15—18, 33, 182, 183, 190
Эгиптий 54, 76
Экоменант 146
Элевтер 57
Элевтия см. Илития
Эниавсий 158
Эниалий см. Арес
Эриния 57
Эритр 160
Этей 161
Этеокл (отец Алектриона) 160
Этеокл (сын Ифия) 34
Этеокл (Тавагалавас) 34
Эхемед 161

Янин В. Л. 65
Ясон 64

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ И ЭТНОНИМОВ

Агна-Триада 182, 189
Азия см. Асия (Лидия)
Алалах 44
Акалла (Акааллида) 188
Акара 188
Амнис 42, 57, 62, 76, 80, 82, 85, 118, 163
Амфигенея 43
анатолийцы 62; см. также карийцы, киликийцы, лидийцы, ликийцы, лувийцы, палайцы, хетты
Англия 47
Аптара 42, 82
аргивяне (аргосцы) 6
Арголида 6, 9, 29
Аргос 6
аргосцы см. аргивяне
Аркадия 43, 106
Аркалохори 37
Асвия 54
асвиянки 39
Асия (Лидия) 54, 57; см. также Ассува
Асия (в Пелопоннесе) 43
Ассирия 34
Ассува 57
Аттика 29, 188
Афины 7
Ахайя см. Ахея

Ахейская Греция см. Микенская Греция
ахейцы (греки-ахейцы, ахеяне) 6, 14, 16, 21, 29, 32—34, 36, 37, 44, 45, 47, 53—55, 57—63, 159, 186
Ахея (Ахайя) 6, 34
ахеяне см. ахейцы
Аххийява 34; см. также Ахея (Ахайя)

Балканский полуостров (Балканы) 33, 37, 45, 53, 61, 184, 191
Балканы см. Балканский полуостров
Беотия 29
Библ 7

Вавилония 34
Вингспред 21—23, 28
Восточное Средиземноморье 7, 11, 37, 53

Галикарнасс 7, 54, 61; см. также Зефирия
Гальвонт 161
греки (эллины) 3, 6, 8, 11, 30—33, 36, 38, 45, 55—57, 59—61, 86, 126, 183
греки-ахейцы см. ахейцы
греки-киприоты 18
Греция (Эллада) 3, 4, 6—9, 14, 15, 31—34, 43, 53, 58, 61, 63—65, 127

данаицы 6
Дельфы 7
Дикта 42
дорийцы (доряне) 32, 56, 60, 186
доряне см. дорийцы

Европа 11, 182, 184
Египет 7, 8, 34, 53, 54

Жиф-сюр-Иветт 27

Зефирия (Галикарнас) 7, 54
зефириянки 39, 79

насийцы 160
Иасос (Ивасос) 160
Ивасос см. Иасос
Илион см. Троя
Иолк 64
Испания 128
Италия 17, 53
Итанос 42, 62, 187

Кавн 61
карийцы 61
Кария 7, 54
Кидония 42, 61, 62, 82
кидоны 60—62
Кикладские острова см. Киклады
Киклады (Кикладские острова) 8
киликийцы 61
Кипариссей см. Кипариссий
Кипариссий (Кипариссей) 43, 161
кипариссийцы 161
Кипр 7, 11, 15, 26, 27, 54, 76, 106
кипро-минойцы 27
Кифера (Китера) 7, 159
киферианки 79, 159
Книд 7, 54
книдианки 39
Кнос 7—10, 14, 15, 22, 26, 28, 29, 32, 33, 36, 38, 41, 42, 44, 46, 57, 58, 60—64, 71, 74, 79, 82, 85, 88, 118, 130, 156, 161—164, 166, 182, 189
Кносская держава см. Крито-Минойская держава
Кносское царство (ахейского периода, к которому относятся сохранившиеся таблички линейного письма В из дворцового архива в Кносе) 38, 40, 42, 44, 56
Коринфский залив 56, 157
Креуза 29
Крит 7—9, 11, 12, 14—16, 21, 25—27, 29, 32, 33, 42, 53, 58—63, 123, 124, 161, 163, 182—186
Крито-Минойская (Кноская) держава (минойского времени, до середины XV в. до н.э.) 14, 26, 33, 59, 186
критяне 34, 61, 62

Лабиринт 79, 83
Лато 42
Левктрон 43
лемниянки 39
Лемнос 54
лидийцы 61
Лидия 54
ликийцы 61
Ликия 7
Ликт 42, 62
лувийцы 21, 61

Малая Азия 14, 21, 31, 34, 53, 54, 59, 61
Мателкко 29
Месопотамия 48
Мессана 118
Мессения 43, 44, 56, 151, 159—161
Мессенский залив 156
Метапа 43, 159, 160
Микенская (Ахейская) Греция 4, 6, 28, 33, 54, 63, 67, 76
Микенское царство 31
микенцы 6, 21, 25; см. также ахейцы (ахейне), греки-ахейцы, аргивяне (аргосцы), данаицы
Микены 6, 7, 9, 28, 29, 31, 32, 34, 46, 55, 60, 63, 64, 71, 74, 79, 127, 130
Милет 7, 54
милетянки 39
минойцы (критяне-минойцы) 12, 13, 21, 25, 27, 32, 37, 59, 61, 183, 185—187; см. также кидоны и эктеохритяне
Минойя 62

Неда 43
Новохеттская держава (Новохеттское царство) 39; см. также Хеттское царство

Оленья Гавань 161
олимпийцы 160
Олимпия 7, 160
Орхомен (в Беотии) 29

палайцы 61
Памфилия 57, 106
Париж 27
пеласги 31, 33, 37, 60, 61
Пеласгия 31
Пелопоннес (Пелопоннесский полуостров) 6, 16, 31, 43, 56, 123, 159, 188
Пелопоннесский полуостров см. Пелопоннес
Пилос 7, 16, 21, 28, 29, 36, 38, 40—44, 46, 48, 50, 53, 55, 56, 58, 59, 63, 64, 71, 74, 79, 88, 130, 156—162, 164—166, 182, 189
Пилосское царство (Пилосское государство, Пилосская держава) 38, 40, 42, 44, 46, 47, 56, 59, 157, 160
Плеврон 56, 112, 118, 156, 157

Полихна 61
Прес 33, 60, 61

Рас-Шамра см. Угарит
Рим 28
римляне 6
Рион 43, 80, 156
Родос 7
Рукито см. Ликт

Санторин (Фера) 7, 14
Северная Греция 32
Сидон 7
Сицилия 53
Спарта 7
Средиземное море 7
Средиземноморье 15, 27
Средняя Греция 29, 56
Сфагия 43, 112
Сфактерия 151

Танос 62, 187
Тилисс 42, 82
Тир 7
Тиринф (в Арголиде) 7, 9, 28, 29, 32, 63, 64, 130
Тиринф (на Крите) 62
Тирито см. Тиринф (на Крите)
Троя (Илион) 7, 31, 32

Угарит 7
Ур 44
Утано см. Итанос

Фера см. Санторин
Фессалия 6, 64
Фест 7, 42, 57, 62, 79, 82, 161, 162
Фивы 7, 28, 29, 32, 58, 63, 64, 130

Финикия 7
фракийцы (фракийские племена) 33
Фракия 7
Фригия 127

Хания 29
Харадр 43
Хеттское царство 7, см. также Новохеттская держава (Новохеттское царство)
хетты 61

Центральный Крит 37

Черное море 7

Эвбея 7
Эгеида 8, 11, 14, 25, 28, 33, 37, 58, 62, 185
Эгейское море 7, 8, 11, 14, 34, 53, 54, 184, 185
Эдалион (Идалион) 75
Элевсин 29
Элида 159
Эллада см. Греция
эллины (греческое племя в Фессалии) 6
эллины см. греки
Элос 43
Энкоми 7, 27
Эталя 161
этеокритяне 32, 59, 60, 61, 186; см. также минойцы
Этолия 56, 157
этруски 17
эхалийцы 160, 161
Эхалия 160, 161

Южная Греция, 6, 29

Ярдан 61

SUMMARY

A.A. Molchanov, V.P. Neroznak and S.W. Sharypkin sum up the main results of the mycenological researches in their book "Monuments of the most ancient Greek script: An Introduction to mycenology".

The decipherment of Greek texts of the second half of the second millenium B.C. is one of the eminent discoveries in this century. Reading and interpretation of economic documents and other inscriptions drawn up in Mycenaean dialect by the so called Linear Script B made history of antique Greece as well as of European civilization essentially longer.

Mycenology as a separate branch of science developed during the last thirty five years — from 1952 up to our days — with great success. Soviet scholars traditionally took part in mycenological researches (it is necessary to mention monographs and articles by Y.A. Lentsman, S.Y. Lurie, I.M. Tronsky, N.S. Grinbaum, G.F. Polyakova; many studies in the same field were written by the authors of this book). But for the present moment there is no any summarizing work in Russian containing detailed account of historic and linguistic facts found by mycenologists.

Authors of this book had two main tasks: firstly to demonstrate the importance of Linear B texts as a source for the study of Greek society of the second millenium B.C. (they give unique information on social structure, political institutions, standard of agriculture and handicraft, home trade, foreign economic connections, organization of land forces and navy, Early Greek religion etc.), secondly to characterize in detail Mycenaean dialect of the Greek language which is present in inventories and inscriptions on ceramics. These tasks determined the skeleton of the monograph. Bibliography consists of several parts in accordance with chapter and paragraph order. Supplements are Mycenaean vocabulary and practicum, in which various examples of reading and interpretation of Linear B texts are collected.

A.A. Molchanov wrote chapter I "Subject, origin and development of mycenology", chapter II "Linear B texts as a historic source" and the addition "Minoan language: problems and facts". He also compiled the Practicum. S.Y. Sharypkin is the author of chapter III "Language of Cretan-Mycenaean inscriptions" (§9 was written by both S.Y. Sharypkin and V.P. Neroznak). V.P. Neroznak prepared the Vocabulary.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава первая. Предмет микенологии, ее рождение и развитие	6
1. Предмет микенологии	6
2. Открытие памятников линейного письма В и других письменностей на острове Крит	8
3. Происхождение минойского и микенского письма	11
4. Изучение текстов линейного письма В до 1950-х годов	15
5. Дешифровка линейного письма В М. Вентрисом	16
6. Письменная система микенского диалекта по данным памятников линейного письма В	18
7. Значение дешифровки линейного письма В для исследования других эгейских письменностей	25
8. Современное состояние микенологии	27
Глава вторая. Тексты линейного письма В как исторический источник	31
1. Дешифровка линейного письма В и изучение истории Греции II тыс. до н.э. ...	31
2. Характер документов линейного письма В и возможности их изучения	34
3. Данные о социальной структуре микенского общества	38
4. Административное устройство Кносского и Пилосского царств	40
5. Сельское хозяйство	45
6. Ремесленное производство	50
7. Торговля и внешние экономические связи	53
8. Военное дело. Организация армии и флота	54
9. Религиозные представления и культовая практика	56
10. Тексты линейного письма В и изучение истории догреческого Крита	58
11. Задачи дальнейшего изучения текстов линейного письма В с использованием современной методики комплексного источниковедения	63
Глава третья. Язык крито-микенских надписей линейного письма В	66
1. Из истории изучения языка крито-микенских текстов	66
2. Графическая система линейного письма В	70
3. Интерпретация микенской лексики	81
4. Звуковой строй языка крито-микенских надписей	87
5. Именное словоизменение	94
6. Местоименное словоизменение	115
7. Глагол	116
8. Синтаксис	117
9. Диалектная принадлежность языка крито-микенских надписей	121
Словарь	128
Практикум	156
Дополнение. Минойский язык: проблемы и факты	167
Библиография	177
Принятые сокращения	184
Указатель имен	185
Указатель географических названий и этнонимов	187
Summary	190

Научное издание

Молчанов Аркадий Анатольевич,
Нерознак Владимир Петрович,
Шарыпкин Сергей Яковлевич

**ПАМЯТНИКИ
ДРЕВНЕЙШЕЙ
ГРЕЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ**
(введение в микенологию)

*Утверждено к печати
Институтом языкознания АН СССР*

Редактор издательства *Т. М. Скрипова*
Художник *Ф. Н. Буданов*
Художественный редактор *Л. В. Кабатова*
Технический редактор *М. К. Серёгина*
Корректор *Т. В. Обод*

*Набор выполнен в издательстве
на электронной фотонаборной системе*

ИБ N 38379

Подписано к печати 11.11.88. Формат 60×90¹/₁₆
Бумага книжно-журнальная
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл. печ. л. 12,0. Усл. кр.-отт. 12,3. Уч.-изд. л. 14,1
Тираж 1650 экз. Тип. зак. 753. Цена 1р. 80к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука" 117864 ГСП-7,
Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90
Ордена Трудового Красного Знамени
1-я типография издательства "Наука"
199034, Ленинград В-34, 9-я линия, 12